

21 $\frac{31}{930}$

1044

U $\frac{31}{930}$

~~657~~

~~177~~

$\frac{122}{242}$ X 53

~~1000~~

95
СБОРНИКЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

И $\frac{31}{930}$

—*—

ЛИВИЙ

ВЪ ИЗЛОЖЕНИИ
ЛУКАСА КОЛЛИНЗА.

—*—

651

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. О. КОВАЛЕВСКАГО.
1877.

92637-43.

2011123401

СОДЕРЖАНІЕ

Глава		Стран.
I.	Введеніе	1
»	II. Римъ при царяхъ.	18
»	III. Римская Республика	35
»	IV. Отъ Децемвирата до разрушенія Рима Галлами	67
»	V. Покореніе Лаціума	86
»	VI. Римляне подчиняютъ Италію	109
»	VII. Утраченная Декада	125
»	VIII. Вторая Пуническая война: Тразименское озеро и Канны	130
»	IX. Вторая Пуническая война: отъ Канны до Замы	150
»	X. Римляне въ Греціи	179
»	XI. Римляне въ Азіи.	186
»	XII. Паденіе Македоніи	200
»	XIII. Заключительныя замѣтки.	213

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

Титъ Ливій Патавійскій — послѣднее прозвище заимствовано отъ его роднаго города Патавіи (Падуи)— принадлежалъ къ блестящему кругу писателей, украсившихъ собой дворъ Августа. Годъ его рожденія можно опредѣлить съ удовлетворительною точностью; именно онъ родился въ 59 г. до Р. Х., въ томъ самомъ году, когда консулами были Юлій Цезарь и Бибулъ. Отсюда Гораций оказывается старше его пятью годами, а Вергилій десятью. Ни тотъ, ни другой поэтъ не упоминаютъ его имени, а между тѣмъ едва-ли можно сомнѣваться въ его близкомъ знакомствѣ съ обоими. Ливій былъ провинціалъ — какъ почти все великіе римскіе писатели — но происходилъ изъ семейства, дававшего нѣкогда консуловъ Риму; кромѣ того древняя Падуа, гдѣ поселились его ближайшіе предки, принадлежала къ самымъ важнымъ городамъ Италіи. Свое поприще онъ началъ, повидимому, профессурою риторики, профессіей не только вполне почетной и популярной, но и крайне выгодной въ тѣхъ

случаяхъ, когда лектору удавалось приобрести много слушателей. О первомъ вступленіи его въ столичную жизнь мы ничего не знаемъ, но если вѣрить его современнику Горацію, то литературный талантъ былъ въ тѣ дни вѣрнымъ средствомъ познакомиться съ кѣмъ либо изъ великихъ людей, окружавшихъ Августа, а черезъ нихъ сдѣлаться извѣстнымъ и самому Императору. Вѣроятно, представленіе ко двору такъ или иначе состоялось, потому что въ первыхъ книгахъ своей лѣтописи, Ливій ссылается на одну древнюю надпись, про которую рассказывалъ ему Августъ, читавшій ее въ храмѣ Юпитера Феретра ¹⁾, и по его тону видно, что бесѣду съ Цезаремъ онъ считаетъ вещь самой обыкновенной. Можно далѣе заключить о нѣкоторой близости между ними изъ одного анекдота, помѣщенного у Тацита ²⁾. Ливій такъ открыто выражалъ удивленіе къ характеру Помпея, побѣжденнаго противника перваго Цезаря, что Августъ шутя называлъ его «Помпеянцемъ» и такое пристрастіе къ великому сопернику дяди императора нисколько не мѣшало добрымъ отношеніямъ между послѣднимъ и историкомъ. Рассказываютъ даже, что Ливій имѣлъ свои комнаты во дворцѣ.

Возможно, что какой нибудь намекъ со стороны Августа, или его просвѣщенныхъ министровъ, побу-

¹⁾ Книга гл. IV. 20.

²⁾ Тацитъ. Анналы, IV. 34.

диль молодого человека впервые обратить вниманіе на исторію и покинуть риторіку. Цѣлая толпа мелкихъ литераторовъ, жаждавшихъ одобренія монарха, который самъ былъ писателемъ (къ чести его нужно, однако, замѣтить, что у него достало здраваго смысла сжечь свои трагедіи, вмѣсто того чтобы публиковать ихъ), занимались повѣствованіями о послѣднихъ междоусобныхъ войнахъ. Великій Императоръ—оставимъ ему этотъ неопредѣленный титулъ за недостаткомъ болѣе подходящаго — всегда стремился къ прославленію историческаго величія Рима. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ изъ Виргилія эпическаго поэта, почти насильно, и легко себѣ представить, что его зоркій глазъ съумѣлъ угадать въ краснорѣчивомъ риторѣ дарованія придворнаго историка. По крайней мѣрѣ, нельзя сомнѣваться, что авторъ «Лѣтописи Рима» (Annales) пользовался искреннимъ содѣйствіемъ Августа въ предпріятіи имъ великомъ трудѣ. Онъ, очевидно, имѣлъ свободный доступъ ко всѣмъ государственнымъ документамъ и древнимъ памятникамъ письменности; цитаты и ссылки, встрѣчающіяся въ его исторіи, доказываютъ это самымъ положительнымъ образомъ. Безъ такихъ пособій трудъ его не могъ бы явиться въ свѣтъ; а то обстоятельство, что весь этотъ матерьялъ былъ отданъ въ его руки, заставляетъ предполагать между Ливіемъ и тогдашними властями большую близость чѣмъ та, которая была бы

нужна для этого въ наши, болѣе либеральные дни. Дальнѣйшее доказательство близкихъ отношеній Ливія къ семейству Цезаря вытекаетъ изъ свидѣтельства Светонія, что Клавдій Неронъ, пасынокъ Августа и будущій императоръ, началъ изучать исторію по его совѣту. На этомъ шаткомъ основаніи нѣкоторые біографы построили предположеніе, что воспитаніе молодого принца было ввѣрено Ливію.

Существующія біографіи Ливія вообще не заслуживаютъ довѣрія, въ особенности же написанная его землякомъ Дж. Томазини, епископомъ Читта Нуовы. Все извѣстное намъ о частной жизни великаго историка сводится къ тому, что онъ былъ женатъ и имѣлъ по крайней мѣрѣ одного сына и одну дочь. Последняя вышла замужъ за Магія или Магира, который, по замѣчанію Сенеки, былъ обязанъ своими успѣхами въ качествѣ ритора не столько собственнымъ талантамъ сколько заслугамъ тестя. Слава великаго историка распространилась въ самомъ дѣлѣ такъ далеко, даже при его жизни, что Плиній въ одномъ изъ своихъ писемъ рассказываетъ, какъ одинъ испанецъ совершилъ путешествіе изъ Кадикса въ Римъ, чтобы только взглянуть на него. Тому, кто интересуется знать, какъ разрастаются обыкновенно біографическія данныя, стоитъ только прочесть изложеніе этого случая у писателя настолько почтеннаго какъ св. Иеронимъ: «Мы читаемъ—(говоритъ онъ,

очевидно разумѣя Плинія) «что съ цѣлью утолить свою жажду у богатаго источника краснорѣчія, истекавшаго изъ усть Ливіа, приходили въ Римъ благородные люди изъ отдаленныхъ мѣстъ Испаніи — изъ Бадикса и Галліи. Люди, которыхъ не могъ плѣнить видъ самаго Рима были привлечены славой одного человѣка. Его поколѣніе увидало истинное чудо, неслыханное до тѣхъ поръ и вѣчно памятное: иноземцы прибывали въ великій городъ и искали въ немъ чего-то помимо его самаго» ¹⁾. Ливій въ старости вернулся въ родную Падуу и умеръ здѣсь на 71 году.

Приблизительно черезъ тринадцать столѣтій послѣ его кончины добрые граждане Падуи вообразили, что имъ удалось открыть его кости. Сначала въ 1360 г., нашли при раскопкахъ въ монастырѣ св. Юстимы? доску съ надписью на которой можно было дѣйствительно прочесть имя Т. Ливіа, и тотчасъ же ассоціировали находку съ личностью великаго историка. Пятьдесятъ лѣтъ позже, при копаніи фундамента для новыхъ построекъ въ томъ же монастырѣ, рабочіе напали на старинныя плиты и подъ ними открыли свинцовый гробъ съ человѣческими костями. Нѣсколько престарѣлыхъ монаховъ объявили, что именно въ этомъ мѣстѣ была найдена прежде мѣдная доска съ надписью и никто не могъ больше сомнѣваться въ под-

¹⁾ Св. Іеронимъ. Посл. 53.

линности останковъ Ливія. Ихъ похоронили съ большими почестями и поставили надъ ними цѣнный памятникъ на общественный счетъ. Только въ одномъ отношеніи сограждане оказались неблагодарными къ его памяти: они подарили кости правой руки — руки писавшей безсмертную исторію римскаго народа — Альфонсу <Великодушному>, королю Аррагоніи и обѣихъ Сицилій, наследники котораго (онъ умеръ, не успѣвъ получить подарка) заключили ихъ въ богатую раку. Все романическое обаяніе, окружавшее эту находку, должно было однако вскорѣ разсѣяться подъ ударами той же беспощадной критики, которая отнеслась такъ сурово къ первымъ книгамъ исторіи Ливія. Послѣ тщательнаго изслѣдованія сокращенныхъ словъ на надгробной плитѣ нашли, что послѣдняя — а стало быть и самыя кости, — принадлежали одному невольнику, который былъ отпущенъ на свободу и принявъ, по тогдашнему обычаю, имя своего хозяина, обазавшагося по странной случайности тезкой историка, и со временемъ достигъ какой-то почетной должности въ городѣ.

Кромѣ своего великаго историческаго труда Ливій написалъ (вѣроятно въ началѣ своего поприща) нѣсколько разговоровъ и сочиненій философскаго содержанія; но намъ они извѣстны только по отзывамъ Сенеки. <Анналы>, которые одни дошли до насъ, да и то въ искаженномъ видѣ, обнимали собою всю исто-

рію Рима, начиная отъ его основанія и кончая нѣсколькими годами до христіанской эры. Изъ ста сорока двухъ «Книгъ», составлявшихъ нѣкогда это сочиненіе, у насъ теперь въ рукахъ только тридцать пять; да и изъ нихъ многія были открыты не ранѣе шестнадцатаго столѣтія. Рассказываютъ, что папа Григорій I велѣлъ уничтожить всѣ экземпляры «Лѣтописи Рима», которые могъ собрать, изъ-за множества суевѣрныхъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ нихъ; то же говорятъ сдѣлалъ послѣ него и папа Григорій VII. Если обратить вниманіе на характеръ легендъ, принятыхъ въ то время римской церковью за нѣчто священное, то нельзя не найти нѣкоторой непослѣдовательности въ этихъ предосторожностяхъ. Книги «Лѣтописи», разбиты на произвольныя «декады» или отдѣлы изъ десяти книгъ каждый; такое дѣленіе принадлежитъ очевидно не самому автору, а его первымъ издателямъ. Первая, третья и четвертая изъ этихъ декадъ сохранились вполне; далѣе уцѣлѣла половина пятой и нѣсколько отрывковъ остальныхъ. По несчастью утеряныя книги, заключавшія въ себѣ новѣйшую, а слѣдовательно и наиболѣе достовѣрную исторію римскаго народа, и подробное изображеніе эпохи, современной автору, именно тѣ, которыя были бы всего драгоцѣннѣе для насъ. Лордъ Болинброкъ говаривалъ, что охотно отдалъ бы все, что мы имѣемъ за то, чего у насъ нѣтъ, но уступка эта въ сущности не велика,

такъ какъ недостающихъ книгъ втрое больше сохранившихся. Оцѣнка д-ра Арнольда вѣрнѣе; по его мнѣнію мы смѣло могли бы пожертвовать уцѣлѣвшими книгами Ливія, чтобы добыть только восьмую и девятую декады, заключающія въ себѣ исторію итальянской войны и борьбы Марія и Суллы. «Гиббонъ доходитъ до готовности отдать сочиненія многихъ древнихъ писателей за исторію Ливія, обнимающую собой шестидесятилѣтній періодъ между 663 и 723 гг. отъ основанія Рима. Время отъ времени ученые испытывали муки Тантала при возникавшихъ надеждахъ отыскать утраченныя рукописи или слухахъ объ ихъ существованіи въ томъ или другомъ мѣстѣ — иногда весьма мало правдоподобномъ. Погребенное въ пыли бібліотеки невѣжественныхъ и недовѣрчивыхъ монаховъ Аѳонской горы, куда Кольберъ хотѣлъ послать за нимъ «два фрегата надъ Мальтійскимъ флагомъ» — скрытое въ султанскомъ сералѣ — на островѣ Хиосѣ — въ монастырѣ св. Колумба въ Іонѣ — это сокровище, о которомъ все слышали, не давалось въ руки никому. Одинъ разъ ожидали «со дня на день полной рукописи изъ Эскуриала»; въ другой разъ говорили, что она уже «доставлена въ Дублинъ». Рассказывали также, что «страница второй декады была найдена однимъ англійскимъ литераторомъ въ пергаментѣ ракетки, въ то время какъ онъ игралъ въ воланъ, отдыхая отъ своихъ трудовъ въ деревнѣ; тотчасъ-же отправился онъ къ

мастеру, дѣлавшему ракетки, но опоздалъ; человекъ этотъ покончилъ съ послѣдней страницей Ливія около недѣли тому назадъ! ¹⁾).

Такое обширное сочиненіе не могло быть выпущено въ свѣтъ за разъ. Римскій историкъ, подобно многимъ изъ его новѣйшихъ послѣдователей, дарилъ публику отдѣльными выпусками. Первая декада была написана и выпущена въ свѣтъ приблизительно между 27 и 20 г. до Р. Х., въ то самое время какъ Виргилій писалъ свою Энеиду. Но послѣдующія книги, какъ видно изъ событій, о которыхъ въ нихъ говорится, могли быть окончены только двадцать лѣтъ спустя. Содержаніе ихъ по счастью намъ извѣстно, благодаря эпитомамъ, составленнымъ неизвѣстнымъ компиляторомъ въ очень раннюю эпоху—быть можетъ не многимъ позже появленія самыхъ книгъ—и сохранившимся, между тѣмъ какъ подлинникъ погибъ. Есть много событій въ римской исторіи, для которыхъ этотъ сухой скелетъ служитъ единственнымъ вѣрнымъ указаніемъ.

Нельзя не назвать крайне прискорбнымъ фактомъ, что въ отрывкахъ, оставшихся отъ исторіи Ливія, мы имѣемъ далеко не лучшую часть его великаго творенія. Первая декада обнимаетъ собой періодъ въ 460 лѣтъ, отъ основанія Рима до покоренія его воинствен-

¹⁾ Disraeli, Cur. of. Lit.

ными сосѣдами самнитами. Насколько вымыселъ занимаетъ мѣсто историческихъ фактовъ въ эту эпоху, до сихъ поръ остается для ученыхъ нерѣшеннымъ вопросомъ. Но во всякомъ случаѣ старая вѣра, которая считала существованіе Ромула и Рема столь же несомнѣннымъ какъ и существованіе Антонія или Августа, давно исчезла. Ученые критики признали, что относительно длиннаго періода древней исторіи Рима мы не имѣемъ никакихъ надежныхъ авторитетовъ. Ливій пользовался, какъ слѣдовало ожидать и какъ онъ самъ сознается, сочиненіями прежнихъ лѣтописцевъ и историковъ; но всѣ они принадлежали сравнительно новѣйшему времени. Квинтъ Фабій Пикторъ, первый изъ извѣстныхъ намъ римскихъ историковъ, и Цинцій Аліментъ, оба жили во время второй Пунической войны, а между тѣмъ они древнѣйшіе авторитеты, на которые ссылается Ливій. Слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о современныхъ источникахъ для первыхъ пяти вѣковъ Рима; «Origines» Катона Старшаго, «Исторія Рима» Ацилія Глабріона и «Анналы» Кальпурнія Пизона — сочиненія не разъ цитируемыя Ливіемъ — были не очень давними компіляціями. Однимъ словомъ, относительно древней исторіи Рима намъ не только приходится остерегаться наклонности къ чудесному и мифическому, составляющей характеристическую особенность всѣхъ лѣтописцевъ въ дѣтскій періодъ письменности, но и принимать въ расчетъ

фактъ еще болѣе печальный—именно, что у Рима по-видимому вовсе не было письменной исторіи, въ нашемъ смыслѣ слова, для первыхъ пяти вѣковъ его существованія.

Нѣкоторые историческіе памятники должны были однако все таки существовать и изъ нихъ-то почерпали вѣроятно свои повѣствованія Фабій, Цинцій и другіе писатели. Существовали напр. «Анналы», какъ ихъ называли, въ которые Верховный жрецъ заносилъ важнѣйшія событія каждаго года. Существовали кромѣ того «Комментаріи», или замѣтки о событіяхъ, составляемыя въ священныхъ коллегіяхъ, жрецовъ и авгуровъ, а также мемуары цензоровъ, которые тщательно сохранялись въ ихъ семействахъ. Наконецъ существовали извѣстныя записи на холстѣ, «полотнянныя книги» (*libri lintes*), хранимыя въ храмѣ Юноны Монеты на Капитоліѣ; здѣсь можно было по крайней мѣрѣ найти имена консуловъ и другихъ государственныхъ людей за каждый годъ. Ливій не разъ пользовался ими, хотя и получалъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ. Но всѣ эти записи,—даже если предположить, что онѣ велись правильно относительно послѣдовательности государственныхъ людей и порядка главныхъ событій каждаго года, относительно издаваемыхъ законовъ, договоровъ съ другими народами, одержанныхъ побѣдъ и т. д.,—по самой природѣ своей не могли входить въ подробности и разбирательство лицъ, об-

стоятельствъ и мотивовъ, знаніе которыхъ необходимо историку для того, чтобъ повѣствованіе его имѣло смыслъ и интересъ. «*Annales Maximi*» понтификовъ, которые видѣлъ Авлъ Геллій, были, по его отзыву, сухи и бѣдны и далеко не представляли занимательнаго чтенія ¹⁾). Тутъ возникаетъ еще новое затрудненіе касательно достовѣрности даже этихъ сухихъ остововъ исторіи; именно Ливій и другіе писатели весьма опредѣленно говорятъ, что когда Римъ былъ разоренъ галлами, то въ пламени погибло большинство этихъ рукописей. Такимъ образомъ Фабій Пикторъ и его преемники не имѣли даже такого бѣднаго матеріала для своего труда, не могли опираться даже на эти памятники, которые при всей скудости были достовѣрны. Надо полагать, что римляне поспѣшили вознаградить утрату единственнымъ возможнымъ образомъ—замѣной прежнихъ записей новыми, болѣе или менѣе вымышленными. Такъ, монастыри въ Англіи всегда имѣли наготовѣ «древнѣйшія» хартіи, не смотря на то, что сами констатировали въ своихъ лѣтописяхъ сожженіе всѣхъ монастырскихъ документовъ датчанами. Подобнымъ же образомъ явился въ царствованіе Августа или Тиберія полный списокъ (заимствованный изъ невѣдомыхъ источниковъ) консуловъ, диктаторовъ и цензоровъ; онъ существуетъ

¹⁾ Aul. Gell, II, 28, V. 377.

до сихъ поръ, хотя и въ нѣскольکو искаженномъ видѣ, подъ названіемъ «Fasti Capitolini».

Но помимо оффиціальныхъ документовъ, матеріаломъ для исторіи могли служить союзные договоры, съ со-
сѣдними государствами, которые были большею частью
вырѣзаны на мѣдныхъ доскахъ или колоннахъ и хра-
нились въ храмахъ, а также законы, издаваемые время
отъ времени и тоже выставленные въ храмахъ. Ливій
говоритъ, что и изъ этихъ памятниковъ многіе погибли
при пожарѣ города; справедливость заставляетъ однако
замѣтить, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сохранились,
онъ не всегда умѣлъ пользоваться ихъ указаніями и обра-
щалъ на нихъ слишкомъ мало вниманія. Дальнѣйшіе ис-
точники, изъ которыхъ римскій историкъ могъ почер-
пать матеріалъ крайне заманчивый, но мало достовѣрный,
для біографическаго отдѣла своего труда, были над-
гробныя рѣчи, произнесенныя послѣ смерти великихъ
людей, гдѣ перечислялись подвиги ихъ самихъ и пред-
ковъ. Списки съ такихъ рѣчей свято сохранялись въ
семействахъ и въ надписяхъ на памятникахъ въ честь
умершихъ героевъ. Но эти рѣчи были нерѣдко, по при-
знанію самаго Ливія, въ высшей степени лживыми ¹⁾.
Д-ръ Арнольдъ называетъ ихъ «самыми безстыдно-
лживыми изъ всѣхъ существующихъ памятниковъ про-
шлыхъ событій» ²⁾. И дѣйствительно, если мы припом-

¹⁾ Книга VIII, гл. 34, 40.

²⁾ Исторія Рима, III, 373

нимъ общій характеръ нашихъ старинныхъ похоронныхъ проповѣдей и эпитафій, или болѣе современныя французскія надгробныя рѣчи, то легко поймемъ, въ какой мѣрѣ подобныя біографическія данныя могутъ служить вкладомъ въ исторію. Болѣе довѣрія заслуживаютъ по своему общему духу, если не относительно подробностей, древніе гимны и пѣсни, сохранявшіеся изъ вѣка въ вѣкъ въ народной памяти, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не были записаны, а только пѣлись или декламировались на религіозныхъ празднествахъ и пиршествахъ частныхъ лицъ. Что историческія пѣсни были въ большомъ ходу въ Римѣ, можно видѣть изъ множества намековъ римскихъ писателей. Но къ какому періоду древности слѣдуетъ отнести ихъ происхожденіе, рѣшить трудно. По мнѣнію Нибура, онѣ составляютъ значительную долю почвы извѣстной намъ исторіи древняго Рима. Онѣ открываютъ въ твореніяхъ Ливія цѣлыя поэмы о приключеніяхъ Ромула, царствованіи Тулла Гостилія, битвѣ Горациевъ и Куріациевъ, разрушеніи Альбы, исторіи обоихъ Тарквиніевъ, битвѣ при озерѣ Региллѣ, подвигахъ Коріолана и другихъ романическихъ эпизодахъ римской исторіи и даже убѣжденъ, что на страницахъ «Лѣтописи» можно открыть слѣды стариннаго стихотворнаго размѣра ¹⁾. Подобныя изслѣдованія неиз-

¹⁾ Едва ли нужно напоминать образованнымъ читателямъ, о лордѣ Маколей, сторонникѣ Нибуровскаго взгляда

бѣжно должны быть болѣе или менѣе произвольными; тѣмъ не менѣе нѣтъ разумныхъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что подвиги героевъ уже въ отдаленной древности перешли въ пѣсни у римлянъ, какъ и у другихъ народовъ; и что эти *преданія* должны были оказывать вліяніе, притомъ весьма сильное, на характеръ отечественной исторіи. Раннія поэтическія произведенія римлянъ погибли безслѣдно (подобно большей части преданій у всѣхъ народовъ), но до насъ дошли нѣкоторыя отрывки метрической лѣтописи болѣе поздняго періода. Энній, жившій приблизительно за два столѣтія до Ливія, написалъ «Лѣтопись» изъ восемнадцати книгъ въ стихахъ, и нѣтъ причинъ предполагать въ этомъ твореніи *первую* попытку римской стихотворной хроники. Отъ его сочиненія не осталось ничего кромѣ отдѣльныхъ строфъ, разсѣянныхъ на страницахъ другихъ писателей; но Ливій долженъ былъ читать «Лѣтопись» Эннія, и Нибуръ полагаетъ, что онъ многимъ обязанъ ей при составленіи своей «Исторіи царей».

Съ другихъ сторонъ было выражено положительное сомнѣніе въ томъ, чтобы римляне, при широкомъ распространеніи, (даже въ эти древнія времена), ихъ военнаго и торговаго могущества, могли въ теченіи столькихъ вѣковъ не имѣть достовѣрной современной

да, положилъ его въ основу своихъ пѣсней древняго Рима—«Lays of Ancient Rome».

исторіи. Возможно, конечно, что Фабій и Пизонъ имѣли доступъ къ лѣтописямъ, утраченнымъ впоследствии; но такъ какъ ихъ собственныя творенія тоже погибли, то у насъ нѣтъ средствъ рѣшить, какимъ матерьяломъ они пользовались и на какіе авторитеты опирались. Быть можетъ существовала древняя историческая литература, извѣстная имъ, но не дошедшая до Ливія. Слѣдуетъ однако сознаться, что все его повѣствованіе о семи римскихъ царяхъ читается скорѣе какъ рядъ романтическихъ преданій, нежели какъ лѣтопись дѣйствительныхъ событій. Про эту часть историческаго труда Ливія можно сказать тоже, что онъ говоритъ о времени предшествовавшемъ основанію Рима; именно что здѣсь «болѣе поэтическаго вымысла, чѣмъ достовѣрныхъ фактовъ». Мы имѣемъ сильное основаніе подозрѣвать, что относительно многихъ эпизодовъ, помѣщенныхъ въ его исторіи, онъ высказался бы точно также какъ и о преданіяхъ того отдаленнаго времени. Едвали правдоподобно, чтобы вѣкъ басенъ окончился, а вѣкъ исторіи начался какъ разъ въ эпоху закладки Рима. Какая доля правды вплетена въ изящную басню—потому что нѣкоторая фактическая подкладка должна же существовать—вотъ вопросъ, который служилъ и вѣроятно еще долго будетъ служить пищей для томовъ болѣе объемистыхъ и притязательныхъ чѣмъ наши книжки.

Форма, которую Ливій придалъ своему труду—фор-

ма лѣтописи, съ перечисленіемъ государственныхъ и должностныхъ лицъ и событій каждаго послѣдующаго года, вѣроятно заимствована имъ у предшественниковъ; но она оказывается весьма неудобной. Этимъ непріятно перебивается повѣствованіе о какомъ нибудь походѣ или великомъ политическомъ переворотѣ и читатель находитъ здѣсь источникъ путаницы вмѣсто руководящей нити. Въ особенности же не прістала эта форма къ живописному и нѣсколько растянутому слогу Ливія; его рассказъ много теряетъ въ общемъ эффектѣ отъ этихъ постоянныхъ формальныхъ перерывовъ. Мы не будемъ слѣдовать лѣтописному методу при нашемъ разборѣ и остановимся лишь на событіяхъ, имѣющихъ особую важность.

ГЛАВА II.

Римъ при царяхъ.

(Книга I, 753—509 до Р. X.).

Мы уже сказали, что исторія Т. Ливія начинается съ основанія Рима. Авторъ принимаетъ—и врядъ ли могъ онъ поступить иначе—ходячую легенду объ Энеѣ, приведшемъ колонію Троянъ въ Лаціумъ, предопредѣленной цѣли ихъ странствованій послѣ паденія Трои. Вѣра въ это героическое происхожденіе, все равно была ли она основательна или нѣтъ, то того укоренилась въ умахъ римлянъ, что писатель отечественной исторіи не могъ рисковать усумниться въ немъ, даже если бы современники и были въ состояніи подняться до исторической критики. На это преданіе ссылались время отъ времени съ полной серьезностью въ публичныхъ актахъ и документахъ. Августъ самъ поддерживалъ его какъ предметъ народной гордости; и даже проницательные историки-философы, въ родѣ Саллюстія—выражаясь собственными словами послѣдняго—«приняли его». Едва ли нужно слишкомъ близко приглядываться къ личному убѣжденію того или дру-

гаго историка по отношенію къ національной родословной, какъ равно и къ его личному вѣрованію въ національную теологію. Собственное выраженіе Ливія при началѣ этого повѣствованія «satis constat» значить только, что оно «считается за достовѣрное». Онъ передалъ разсказъ въ той формѣ, въ которой тотъ достался ему самому. У него не было, какъ у большинства современныхъ намъ историковъ, готовыхъ личныхъ теорій, чтобы при помощи ихъ выбирать, истолковывать или окончательно отвергать то или другое народное сказаніе. Что же касается публки, для которой онъ писалъ, то она конечно не поблагодарила бы его за труды, вздумай онъ распространять подобные здравые взгляды.

Итакъ начало исторіи Ливія представляетъ въ сущности продолженіе Энеиды и едва ли имѣеть притязанія на болѣе серьезный характеръ. Мы узнаемъ о высадкѣ Энея и его троянцевъ въ Италію, о его бракѣ съ Лавиніей, дочерью Латина туземнаго царя, и основаніи города, названнаго въ честь ея Лавиніей. Здѣсь однако Ливій предоставляетъ своимъ читателямъ выборъ между двумя существующими преданіями: бракъ этотъ былъ скрѣпленіемъ дружественнаго союза между пришельцами и туземцами, или же рука царевны и часть государства достались Энею послѣ побѣды, одержанной надъ царемъ. Мы читаемъ далѣе, какъ и у Виргилія, о попыткѣ Турна, молодаго царя рутуловъ,

отомстить за потерю обѣщанной ему Лавиніи; объ его обращеніи за помощью къ могущественнымъ этрускамъ, пораженіи и смерти въ битвѣ. И здѣсь мы находимъ осуществленіе пророческихъ словъ, вложенныхъ поэтомъ въ уста героя, когда онъ прощается съ сыномъ передъ этой, своей послѣдней побѣдой:

..... «дитя, научися доблести ратной,
Ты отъ меня и подвигамъ истинно труднымъ, а счастье
Будешь ты видѣть въ другихъ». ¹⁾

Въ битвѣ на берегахъ Нумика погибъ великій Эней, говоритъ нашъ лѣтописецъ; — исчезъ таинственнымъ образомъ, гласитъ другое преданіе, болѣе популярное по своему согласію съ тѣмъ страстнымъ поклоненіемъ передъ героями, которое не могло допустить (мы видимъ то же относительно Артура у британцевъ) столь обыкновеннаго конца какъ смерть.

Овдовѣвшая Лавинія правила новымъ государствомъ до совершеннолѣтія своего сына Асканія, потому что на страницахъ исторіи матерью юнаго вождя является она, а не злосчастная Креуза. Все идетъ какъ нельзя лучше подъ ея управленіемъ; воинственные этруски умирены и соглашаются признать Тибръ границей между ихъ землей и новымъ Латинскимъ царствомъ, могущество котораго возрастаетъ такъ быстро, что Асканій, достигнувъ совершеннолѣтія, находитъ нуж-

¹⁾ Вирг. Энеида XII, 435, переводъ Шершеневича.

нымъ отвести часть возрастающаго населенія въ новый городъ у Албанской горы, названный имъ *длинной Альбой* (Alba longa). Здѣсь правилъ цѣлый рядъ царей, прозванныхъ Сильвіями, по имени Сильвія, сына Асканіева, и отъ нихъ-то произошли съ теченіемъ времени Ромуль и Ремъ, основатели Рима.

Подобно тому какъ нашему историку не приходило на умъ сомнѣваться въ героическомъ происхожденіи римлянъ отъ троянцевъ, точно также, или еще меньше, могъ онъ думать о протестѣ противъ предмета народной гордости — преданія, по которому первые римляне были сыновьями бога войны и питомцами волчицы. Мы читаемъ у него подробный рассказъ о близнецахъ, рожденныхъ отъ бога Марса смертной царевной Реей Сильвіей, которая была осуждена жестокимъ дядей на вѣчное дѣвство. Близнецы эти чудомъ избѣгли печальной участи, приготовленной для нихъ и матери вѣроломнымъ похитителемъ ихъ царства, который новорожденныхъ велѣлъ бросить въ Тибръ, а мать заключить въ темницу. Волчица жалась надъ младенцами, выброшенными волнами Тибра на берегъ, и кормила ихъ своимъ молокомъ, пока они не были найдены пастухами. Юный Ромуль и Ремъ, прійдя въ возрастъ, занимаются охотой и грабятъ разбойниковъ, обремененныхъ добычей. Дѣдъ ихъ Нумиторъ узнаетъ ихъ наконецъ по благородной осанкѣ и способностямъ; они убиваютъ злодѣя Амулія и воз-

вращаютъ царство законному наслѣднику. Могъ ли кто нибудь сомнѣваться въ истинности этого разсказа? Развѣ на берегахъ Тибра не возвышалась смоковница, носившая имя Ромуловой, та самая, подъ тѣнью которой волчица кормила близнецовъ? И развѣ подъ деревомъ этимъ, могъ добавить Ливій, ссылающійся на этотъ историческій памятникъ, не стояла знаменитая статуя, изображавшая волчицу и ея приемышей? ¹⁾ Подобныя доказательства приходились очевидно гораздо болѣе по вкусу римской публики, чѣмъ трезвая историческая критика.

Ромулъ и Ремъ, говорить далѣе преданіе, начали строить новый городъ; но братья вскорѣ поссорились и младшій палъ отъ руки старшаго. Тогда Ромулъ одинъ сталъ продолжать работу и далъ свое имя новому городу. Пространство, заключенное между его стѣнами честолюбивымъ строителемъ, оказалось однако слишкомъ большимъ для поселенцевъ и потому Ромулъ открылъ здѣсь пріютъ, для всѣхъ безпкойныхъ и недовольныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ городъ вскорѣ наполнился гражданами. Ромулъ избралъ Сенатъ изъ сотни старѣйшинъ, а для того чтобы сильнѣе дѣйствовать на воображеніе народа, возвысить свое

¹⁾ Она была вылита изъ монетъ, собранныхъ съ ростовщиковъ въ видѣ пени (Лив. X, 69); не извѣстно эта ли статуя поставлена теперь въ «Palazzo de'conservatori» въ Римѣ или другая какая.

достоинство, присвоилъ себѣ (Ливій думаетъ, что онъ перенялъ этрускіе обычаи) «курульное кресло» изъ слоновой кости, бѣлую одежду съ пурпуровой каймой и двѣнадцать тѣлохранителей «ликторовъ», которые должны были сопровождать его съ топорами и пучками прутьевъ въ знакъ своей исполнительной власти — словомъ присвоилъ себѣ всеѣмъ извѣстныя эмблемы царскаго сана въ Римѣ.

Въ средѣ населенія, набраннаго такимъ путемъ, оказался большой недостатокъ въ женщинахъ, а сосѣди противились добровольному вступленію въ родственныя связи съ римлянами. Тогда послѣдніе придумали средство, напоминающее нравы теперешнихъ дикарей и въ особенности наваденія мужчинъ у Шилуковъ. Ромулъ назначилъ празднество и пригласилъ сосѣдей, а когда жены и дочери сабинянъ собрались посмотреть на игры, то ихъ, по данному знаку, схватили и раздѣлили по жребію между римлянами. Это насиліе вызвало громкое негодованіе не только между сабинянами, но и между сосѣдними племенами, которыя все ополчились противъ юной республики. Ромулъ однако разбилъ одно за другимъ все напавшія на него племена, собственноручно убилъ предводителя Ценинцовъ (Плутархъ говоритъ, что его звали Акро) и торжественно принесъ его доспѣхи въ жертву Юпитеру Капитолійскому. Это была первая *царственная добыча* (*spolia opima*), снятая полководцемъ съ уби-

таго противника. Сабиняне оказались врагами болѣе страшными. Они ворвались въ стѣны Рима и здѣсь между ними и жителями начался ожесточенный бой, исходъ котораго былъ бы сомнителенъ — еслибы захва-ченные женщины, примирившіяся съ своими похитителями не бросились внезапно въ ряды воюющихъ, умоляя отцовъ и мужей пощадить другъ друга, не проливать родственной крови. Результатомъ былъ не только миръ, но и сліяніе обоихъ народовъ. Съ цѣлью оказать почетъ новымъ друзьямъ, римляне приняли названіе квиритовъ, отъ Сабинскаго города Курія или Квирія, и рѣшили, что народъ раздѣлится на тридцать курій. Тогда же были набраны три сотни всадниковъ: Рамнезская получила свое имя отъ Ромула, Тиціанская отъ Тація, короля сабиновъ; для названія же третьей сотни, Люцеровъ, Ливій не можетъ указать источника.

Остальная часть этой первой книги содержитъ исторію Рима, или вѣрнѣе рядъ легендъ, выдаваемыхъ за его исторію, подъ управленіемъ семи царей. Ромулъ, подчинивъ себѣ сосѣдніе города Фидену и Вейи, исчезъ во время сильной грозы и съ тѣхъ поръ на землѣ его уже болѣе не видѣли. Нѣкоторые держались впрочемъ того мнѣнія, что онъ былъ растерзанъ руками патриціевъ, любовью которыхъ не пользовался, между тѣмъ какъ войско его обожало. Преемникомъ его былъ Нума Помпиль, уроженецъ Сабинскаго го-

рода Куріевъ, законодатель юной республики, подобно тому какъ Ромулъ былъ ея героемъ завоевателемъ. Онъ игралъ относительно своихъ подданныхъ ту же роль какъ Альфредъ относительно англичанъ; цивилизовалъ грубый народъ, преобразовалъ календарь и раздѣлилъ страну на участки. Его сорокатрехлѣтнее царствованіе было непрерывнымъ миромъ — новымъ золотымъ вѣкомъ. За нимъ послѣдовалъ Тулъ Гостилій, подчинившій Альбу, мать Рима, господству болѣе юнаго, но болѣе сильнаго города. Къ этой войнѣ относится извѣстное сказаніе о битвѣ между тремя братьями — Гораціями со стороны Рима и Куріаціями, представителями Альбы и смертельномъ ударѣ, нанесенномъ послѣднимъ изъ Гораціевъ сестрѣ, которая вмѣсто изъявленій радости, встрѣтила его со слезами печали о своемъ возлюбленномъ, убитомъ рукою брата.

Переселивъ всѣхъ жителей Альбы въ Римъ послѣ побѣды, римляне срыли стѣны ея до основанія. Эпизодъ этотъ переданъ Ливіемъ съ свойственнымъ ему талантомъ, хотя слѣдуетъ предположить, что онъ пользовался здѣсь преимущественно данными собственнаго воображенія, по крайней мѣрѣ относительно подробностей.

«Затѣмъ легіоны пошли разрушать городъ. Когда они проникли въ Альбу, тамъ не было того смятенія, ужаса и беспорядка, который замѣчается обыкновенно въ покоренныхъ городахъ, послѣ того какъ ворота пали передъ открытой силой, стѣны разрушены ударами

боевыхъ машинъ, крѣпость взята приступомъ и непріятель съ оружіемъ въ рукахъ рыщетъ по улицамъ, уничтожая все и всёхъ огнемъ и мечемъ. Мрачная тишина наполняла городъ; нѣмое отчаяніе и уныніе овладѣло всеми сердцами. Въ ужасѣ жители забывали, что имъ взять съ собой, что оставить. Совсѣмъ потерянные стояли они на порогѣ своихъ жилищъ, совѣтуясь другъ съ другомъ, или блуждали по своимъ домамъ, которые имъ не суждено было увидѣть вновь. Наконецъ албанцы, слыша крики римскихъ всадниковъ, приказывавшихъ выходить изъ города, стукъ падающихъ крышъ и разрушаемыхъ жилищъ на концѣ города, видя какъ пыль, взвиваясь столбомъ, наполняла воздухъ и застилала собою все, захвативъ первое, что, попалось подъ руку, бросились вдругъ бѣжать отъ роднаго очага, алтарей домашнихъ боговъ, кровли подъ которой родились и выросли. Длинная вереница изгнанниковъ потянулась по дорогѣ; безъ слезъ не могли они смотрѣть другъ на друга; стоны и жалобы слышались отовсюду. Особенно женщины не знали мѣры своей горести, когда проходили мимо храмовъ, окруженныхъ римскими воинами, и видѣли какъ бы самихъ боговъ своихъ въ плѣну у непріятеля. Когда всё жители оставили городъ, римляне разрушили до основанія и сравняли съ землей всё зданія общественныя и частныя. Въ нѣсколько часовъ были уничтожены труды четырехъ столѣтій, въ теченіи которыхъ процвѣтала Альба. Одни только храмы боговъ, вслѣдствіе приказа царя, уцѣлѣли отъ общаго разрушенія. » (I, 29).

Четвертымъ царемъ былъ Анкъ-Марцій — менѣе воинственный нежели Ромулъ, менѣе миролюбивый чѣмъ Нума. Въ его правленіе былъ включенъ въ черту городскихъ стѣнъ Авентинскій холмъ, а Яни-

кульскій холмъ, на сѣверномъ берегу Тибра, былъ тоже присоединенъ къ городу и соединенъ съ нимъ мостомъ. Успѣшныя войны съ сосѣдними племенами способствовали упроченію могущества Рима.

Но тутъ, согласно съ преданіями, которыми руководился Ливій, выступаетъ на сцену новая династія царей и Римъ впервые приходитъ въ столкновение съ Греціей. Исторія Тарквиніевъ въ изложеніи нашего автора состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ. Нѣкто Демарать, уроженецъ Коринѳа, оставилъ свой родной городъ во время политическихъ смуть и поселился въ г. Тарквиніѣ. Сынъ его Лукумонъ женился на этрусской дѣвушкѣ Танаквилѣ, знатнаго происхожденія и весьма честолюбивой. Она не могла вынести, чтобы на мужа ея смотрѣли какъ на пришлеца и изгнанника и потому стала уговаривать его переселиться въ Римъ. «Здѣсь, — говорила она ему, — въ средѣ юнаго народа, человѣку энергическому и способному не трудно добиться почета»; въ этихъ надеждахъ подкрѣпляло ее сверхъ того благопріятное предзнаменованіе: орелъ, унесшій на пути шапку мужа, снова подлетѣлъ къ нему, когда они приближались къ городскимъ воротамъ, и опустилъ шапку на его голову. Анкъ Марцій умеръ немного времени спустя и хотя онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, Лукумонъ (или Луцій Тарквиній, какъ любилъ называть себя новый гражданинъ Рима), который успѣлъ приобрѣсти

любовь народа своимъ богатствомъ и обходительностью, былъ избранъ царемъ. Новое царствованіе было счастливымъ царствованіемъ; старинные враги Рима, латины и сабиняне, держались въ должномъ страхѣ; конница была усилена въ войскѣ, стѣны города окончены и положено начало тѣмъ громаднымъ сточнымъ трубамъ, которыя до сихъ поръ составляютъ предметъ удивленія. Но оттѣсненные сыновья Анка не переставали злоумышлять противъ похитителя ихъ царства и наконецъ убили пришлеца. Отцовскій скипетръ перешелъ однако въ другія руки. Въ домѣ Тарквинія воспитывался мальчикъ, сынъ его невольницы, голову котораго, когда онъ спалъ, обрубало сіяніе. Зоркій глазъ Танаквила угадалъ въ этомъ чудѣ залогъ необычайныхъ способностей. Съ возрастомъ мальчикъ оправдалъ надежды своихъ воспитателей, и женился на ихъ дочери. Къ нему то обратилась Танаквила послѣ убійства мужа. Они скрыли его смерть отъ народа, пока юноша, Сервій Туллій, занявшій немедленно престолъ, былъ признанъ законнымъ царемъ, а сыновья Анка должны были искать убѣжища въ изгнаніи.

Правленію Сервія, «плебейскаго царя», историкъ приписываетъ нѣкоторыя, болѣе или менѣе популярныя реформы. Онъ ввелъ имущественный «цензъ» и раздѣлилъ народъ на «сословія» и «сотни» (центурии). Плебеи получили то, чего прежде не имѣли, т. е. правильную организацію и опредѣленное мѣсто въ го-

сударствѣ; кромѣ того, благодаря новымъ постановленіямъ, воинская повинность стала падать съ большей равномѣрностью на богатыхъ и бѣдныхъ. Далѣе онъ предоставилъ бѣднѣйшимъ гражданамъ нѣкоторую часть земли, захваченной у сосѣднихъ племенъ. Въ его царствованіе городъ разросся еще болѣе и включилъ въ свои предѣлы три новыхъ холма—Квиринальскій, Виминальскій и Эсвилинскій — которые были окружены стѣнами, носившими его имя и служившими чертою города приблизительно восемьсотъ лѣтъ, до царствованія Императора Аврелиана. Обѣ дочери Сервія вышли между тѣмъ замужъ за сыновей его предшественника Тарквинія, и младшая Туллія, умертвивъ своего мужа, сдѣлалась женой его старшаго брата Луція, который въ свою очередь очистилъ для нея мѣсто убійствомъ своей жены. Съ ея согласія второй супругъ вступилъ въ заговоръ съ молодыми патриціями, ненавидѣвшими «плебейскаго царя» съ цѣлью умертвить его и захватить престолъ. Заговоръ удался; Сервій былъ сброшенъ съ лѣстницы зданія Сената рукой своего зятя и на пути домой умерщвленъ его соумышленниками.

«Носился слухъ, что Туллія была причастна этому злодѣйству, или по крайней мѣрѣ не испугалась его послѣдствій. Во всякомъ случаѣ вѣрно, что она пріѣхала въ колесницѣ къ форуму и вызвавъ мужа изъ зданія сената, при цѣлой толпѣ гражданъ, первая привѣтствовала его именемъ «царя». Онъ приказалъ ей удалиться изъ форума, гдѣ царствовало сильное волненіе, и ѣхать домой. Исполняя его волю, Туллія

велѣла колесницѣ повернуть направо по Городской улицѣ въ направленіи къ Эсквилинскому холму. Вдругъ возница въ ужасѣ остановилъ лошадей и, обратясь къ своей госпожѣ, указалъ ей на трупъ Сервія, лежавшій поперегъ дороги. Тогда совершилось страшное и гнусное преступленіе, о которомъ до сихъ поръ свидѣтельствуется названіе улицы (ее прозвали улицей Злодѣйства, *Vicus sceleratus*). Въ своемъ безуміи, гонимая тѣнями мужа и сестры, Туллія — такъ говорятъ — велѣла ѣхать черезъ тѣло отца и возвратилась домой, унося на колесницѣ и даже платѣ и лицѣ брызги его крови. Она какъ бы издѣвалась надъ домашними богами, представъ передъ ними въ такомъ видѣ. Но боги, въ праведномъ гнѣвѣ, не оставили этого преступленія безъ наказанія. Скоро должно было кончиться насильственнымъ образомъ царство, начавшееся злодѣйствомъ.» (I, 48).

Этотъ то Луцій Тарквиній, завладѣвшій престоломъ «по одному праву силы», какъ выражается Ливій, «безъ согласія сената или народа», сдѣлалъ царскій титулъ навѣки ненавистнымъ для римскаго уха. Его прозвали Гордымъ (*Superbus*). Присвоивъ себѣ неограниченную власть, онъ окружилъ себя вооруженной стражей, воспретилъ новые выборы въ сенатъ, на мѣсто выбывшихъ членовъ, словомъ разыгрывалъ роль тирна до послѣднихъ мелочей. Но не смотря на это, онъ умѣлъ съ твердостью и успѣхомъ поддерживать могущество Рима противъ сосѣднихъ племенъ. Вольсковъ покорилъ онъ оружіемъ, ихъ городъ Габіи взялъ хитростью и заключилъ выгодный договоръ съ все еще сильными латинами. Выдаютъ за достовѣрное, что онъ

положилъ основаніе храму Юпитера на Капитоліѣ (сооруженіе задуманное первымъ Тарквиніемъ) и съ цѣлью очистить больше мѣста для новаго зданія, велѣлъ снести съ холма храмы другихъ божествъ съ ихъ собственнаго согласія. Только два бога, вопрошаемые авгурами, отказались покинуть свое древнее жилище, именно Терминъ и богъ Молодости—отказъ, который былъ истолкованъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Не значило ли это, что предѣлъ Рима никогда не уменьшится и что молодость и сила его останутся неизмѣнными? Ясно, что въ основаніи новаго храма и уничтоженіи старыхъ слѣдуетъ видѣть нѣкоторыя указанія, хотя и весьма неопредѣленные, на радикальныя измѣненія въ народномъ культѣ; по всей вѣроятности они заключались въ введеніи Тарквиніемъ этрусскихъ боговъ и религіозныхъ обрядовъ этого народа.

Царствованіе втораго Тарквинія, какъ мы уже говорили, кончилось насильственно. Исторія оскорбленія, нанесеннаго его сыномъ Лукреціи, женѣ Коллатина, ея самоубійство и мщенія отца и мужа извѣстна каждому. Она разсказана довольно кратко, но краснорѣчиво въ концѣ первой книги Ливія. Однако душой послѣдовавшаго государственнаго переворота не былъ по его мнѣнію, ни отецъ, ни мужъ Лукреціи, но Луцій Юній, царскій племянникъ, которому оракулъ предрекъ надежды, что онъ наслѣдуетъ верховную власть въ Ри-

мѣ. Его прозвали «Брутомъ» за странную апатію и молчаливость, объясняемую желаніемъ сохранить свое положеніе при дворѣ тирана.

«Между тѣмъ какъ другіе предавались печали, Брутъ извлекъ кинжалъ изъ груди Лукреціи и держа его окровавленнымъ передъ собой, громкимъ голосомъ произнесъ: «Клянусь этой кровью, чистой и цѣломудренной до совершеннаго Тарквиніемъ злодѣйства, и призываю боговъ въ свидѣтели, что я отнынѣ буду преслѣдовать огнемъ, мечемъ и всеми зависящими отъ меня средствами Л. Тарквинія гордаго съ его преступной женою и всемъ его родомъ, и что не потерплю, чтобы онъ или кто другой царствовалъ въ Римѣ.» Затѣмъ онъ передалъ кинжалъ Коллатину, а послѣ него Лукрецію и Валерію, которые дивились откуда взялась вдругъ такая смѣлость у Юнія Брута. Они повторили его клятву и съ этой минуты признали его своимъ вождемъ въ дѣлѣ изгнанія Тарквиніевъ.» (I. 59).

Исторія Тарквиніевъ носитъ на себѣ все признаки легенды, даже если не обращать вниманія на множество явныхъ противорѣчій, зависящихъ отъ смѣшенія періодовъ ихъ царствованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что преданіе это связано съ важными перемѣнами въ судьбахъ Рима. Перемѣна династій напр. не подлежитъ сомнѣнію; кромѣ того возможно, что это обстоятельство повело къ временному подчиненію Рима этрускамъ. Массивныя каменные работы въ Капитолійскомъ храмѣ, кладка фундамента и устройство главной сточной трубы, относимыя ко времени царствованія Тарквинія, носятъ на себѣ несомнѣнный

этрускій отпечатокъ. Достоверно также, что имя Тарквиніевъ историческое, несмотря на обиліе вымысловъ, вполетенныхъ въ исторію ихъ царствованія. Въ Церѣ, въ Этруріи (гдѣ изгнанное семейство бывшего тирана нашло себѣ убѣжище), была въ 1849 г. найдена гробница, содержащая тридцать пять именъ, между которыми нѣсколько разъ повторяется этрусское Tarchnas рядомъ съ латинскимъ Tarquinius ¹⁾.

Исторія Тарквиніевъ должна была имѣть особый интересъ для писателя подобнаго Ливію, въ какой бы формѣ она ни дошла до него. Область историческаго романа была ему какъ разъ по плечу и онъ безъ сомнѣнія сумѣлъ надлежащимъ образомъ воспользоваться эффектными мѣстами легенды. Вліяніе греческихъ источниковъ ясно здѣсь изъ двухъ обстоятельствъ. Хитрость, при помощи которой юный Секстъ Тарквиній проникъ въ городъ Габіи съ цѣлью предать его въ руки отца—онъ выдалъ себя за бѣглеца, спасающагося отъ родительской жестокости—очевидно заимствована у Геродота. Это сколокъ съ извѣстной исторіи о Зопирѣ, персидскомъ полководцѣ, который изъ преданности Дарію отрѣзалъ себѣ носъ и уши и въ такомъ видѣ явился передъ воротами Вавилона, прося убѣжища противъ истязаній своего повелителя; его впустили, ввѣрили ему начальство надъ гарнизо-

¹⁾ См. Dennis, Cities of Etruria, II, 44.

номъ и онъ въ ту же ночь открылъ ворота своимъ ¹⁾. Только у Геродота рассказъ освѣщенъ болѣе романическимъ восточнымъ колоритомъ чѣмъ у Ливія. Второе заимствованіе заключается въ приѣмѣ, употребленномъ Тарквиніемъ Гордымъ для передачи отвѣта сыну, когда Секстъ прислалъ къ нему гонца спросить, что дѣлать съ Габіями, находившимися въ его власти:

«Царь, какъ бы погруженный въ думу, вышелъ изъ покоя въ садъ, куда гонецъ послѣдовалъ за нимъ. Молча ходилъ онъ взадъ и впередъ, сбивая палкой самыя высокія маковыя головки. Посланный, долго терпѣливо ожидавшій отвѣта, наконецъ вышелъ изъ себя и рѣшился вернуться въ Габію, гдѣ и рассказалъ Сексту о результатахъ своего посольства: «Въ досадѣ или отъ зависти, а быть можетъ и по врожденной надменности, отецъ твой не произнесъ ни одного слова». (I, 54).

Сынъ однако тотчасъ-же понялъ смыслъ поступковъ отца и сталъ дѣйствовать сообразно съ его волей: ему было приказано снять головы всѣхъ гражданъ, которые по своему высокому положенію могли сдѣлаться опасными соперниками. Здѣсь мы узнаемъ рассказъ Геродота о молчаливомъ намекѣ, даннымъ Тразибуломъ, тираномъ Милетскимъ, посланному Періандра. Только въ греческомъ повѣствованіи символическая операція происходила въ полѣ зрѣлой пшеницы. ²⁾

¹⁾ Herod. III, 154.

²⁾ Herod. V, 92.

ГЛАВА III.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

(Кн. II—III. 509—449 до Р. X.).

До сихъ поръ мы все еще не стоимъ на твердой исторической почвѣ. Ранняя лѣтопись республики, изъ какихъ бы источниковъ она ни была заимствована авторомъ — изъ устнаго ли преданія, поэтическихъ пѣсенъ или хроникъ — очевидно также полна вымысла какъ и исторія царей. Слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью къ разсужденіямъ, которыми Ливій начинаетъ свое повѣствованіе объ этомъ новомъ періодѣ. Онъ находитъ, что начало римской свободы было какъ нельзя болѣе своевременно, послѣ того какъ цари сдѣлали свое дѣло, построивъ и расширивъ городъ; но что будь эта свобода дарована римскому народу въ болѣе грубомъ его состояніи, онъ не сумѣлъ бы воспользоваться ею какъ должно. Вообще Ливій въ своей исторіи нигдѣ не является философомъ и основы его умозаключеній такъ шатки, что имъ нельзя придавать большаго зна-

ченія. Ограничимся поэтому однимъ слѣдованіемъ за нитью его разсказа.

Послѣ изгнанія Тарквиніевъ изъ Римской терри- торіи, имущество ихъ было конфисковано, а земля, лежавшая между городомъ и Тибромъ, посвящена Марсу и стала называться «Марсовымъ полемъ». Съ тѣхъ поръ самое ужасное обвиненіе, которое можно было привести противъ римскаго гражданина, заклю- чалось въ притязаніи на санъ царя. Юнію Бруту и Тарквинію Коллатину была, по волѣ народа, ввѣрена верховная власть. Нашъ историкъ называетъ ихъ «консулами». Званіе это сохранилось по имени даже при римскихъ императорахъ, долгое время послѣ того какъ дѣйствительная власть консуловъ исчезла ¹⁾. Чувство ненависти къ имени и роду тирановъ, «которые сдѣ- лали изъ римлянъ гражданъ, земледѣльцевъ и камень- щиковъ вмѣсто воиновъ» и убили добраго царя Сер- вія — было однако такъ сильно, что родственная связь Коллатина съ этимъ домомъ оказалась гибельной для его популярности. Онъ вскорѣ отказался отъ званія консула и удалился въ добровольное изгнаніе въ го- родъ Лавинію. Преемникъ его Валерій навлекъ на себя нѣсколько лѣтъ спустя народное подозрѣніе по тѣмъ же самымъ причинамъ. «Онъ строитъ себѣ домъ,

¹⁾ Названіе это у Ливія, есть однако анахронизмъ; ихъ на самомъ дѣлѣ звали «преторами».

слишкомъ роскошный для простаго гражданина; онъ мѣтитъ въ цари», говорила толпа. Валерій самъ предложилъ скрыть этотъ домъ, но тѣмъ не менѣе безъ труда могъ возстановить свое доброе имя.

Изгнанное семейство между тѣмъ сохраняло тайныхъ друзей въ Римѣ. Нѣкоторые изъ молодыхъ патриціевъ сожалѣли, какъ рассказываютъ, о вольностяхъ, которыми пользовались при деспотическомъ и развратномъ правленіи, и замыслили вернуть царя. Заговоръ былъ открытъ и между измѣнниками отечества оказались оба сына новаго консула, Брута. Всѣ они были казнены и отецъ произнесъ смертный приговоръ надъ своими сыновьями. По той или другой причинѣ, Ливій не останавливается на подробностяхъ этого событія; быть можетъ онъ сомнѣвался въ ихъ достовѣрности. Весь рассказъ его сводится къ тому, что «молодые люди были привязаны къ позорному столбу для наказанія розгами, по жестокому римскому обычаю, передъ смертной казнью. «Всѣ глаза были однако обращены не на нихъ, а на несчастнаго отца, который при исполненіи своей тяжелой обязанности не могъ вполнѣ скрыть душевной скорби».

Тогда Тарквиній обратился къ своимъ соотечественникамъ, этрускамъ, прося помощи вейентовъ, старинныхъ враговъ Рима, и жителей города Тарквинія. Битва между ними и римлянами не привела къ рѣшительному результату. Сынъ Тарквинія, Арунсъ, давъ

шпоры коню, бросился изъ рядовъ на встрѣчу Бруту съ громкимъ вызовомъ; тотъ принялъ вызовъ и оба пали въ ожесточенномъ поединкѣ, первыми жертвами боя. Начальство надъ царскимъ войскомъ принялъ тогда вождь, имя котораго популярно между англичанами, благодаря увлекательному стихотворному разсказу Маколея «Ларсъ Порсена изъ Клузія». «Никогда еще сенатъ не находился въ такомъ смущеніи, — пишетъ Ливій, такъ велико было могущество Клузія, такъ славно имя Порсены». Собравъ войско со всѣхъ этрусскихъ городовъ, надъ которыми онъ повидимому имѣлъ верховную власть, Порсена подошелъ къ стѣнамъ Рима и при первомъ же натискѣ взялъ Яникульскій холмъ — предмѣстье по ту сторону Тибра.

Мостъ, существовавшій черезъ рѣку, открывалъ ему доступъ въ городъ. Нужно было во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе разрушить этотъ мостъ. Тогда то Гораций Коклесь съ двумя товарищами вызвался удержать непріятеля, пока мостъ не будетъ уничтоженъ. Какъ онъ стоялъ тутъ противъ цѣлой толпы этрусковъ — одинъ подъ конецъ, потому что его товарищи, повинувшись убѣжденіямъ друзей съ того берега, оставили его и перешли на берегъ по послѣднему бревну, какъ онъ бросился въ Тибръ въ полномъ вооруженіи, какъ переплылъ рѣку, осыпаясь градомъ стрѣлъ, все это прекрасно разсказано у Ливія, но можетъ быть еще лучше у Маколея, если спросить англичанъ.

Порсена измѣнилъ планъ приступа въ осаду, надѣясь взять городъ голодомъ. Это обстоятельство снова даетъ поводъ къ подвигамъ геройскаго самоотверженія, которыми полна римская исторія и которые такъ любятъ рассказывать Ливій. Юноша знатнаго происхожденія, по имени Муцій, получилъ отъ сената позволеніе отправиться переодѣтымъ — «не для грабежа, — сказалъ онъ, — но для дѣла болѣе благороднаго, если помогутъ мнѣ боги». Онъ намѣревался убить Порсену, но не зная его въ лицо и боясь выдать себя распросами, онъ по ошибкѣ убилъ одного изъ приближенныхъ царя.

«Совершивъ убійство, Муцій проложилъ себѣ дорогу окровавленнымъ кинжаломъ въ испуганной толпѣ. На крики ея сбѣжалась царская стража, схватила его и привлекла къ судилищу Порсены. Муцій и здѣсь не обнаружилъ робости; онъ внушалъ страхъ окружающимъ, точно былъ царь, а не плѣнникъ. «Знай, что я римскій гражданинъ, — сказалъ онъ Порсенѣ, — меня зовутъ Кайемъ Муціемъ. Пришелъ сюда съ оружіемъ въ рукахъ какъ врагъ, чтобы убить врага. Смерть встрѣчу не съ меньшимъ мужествомъ, съ какимъ шелъ совершать убійство. Римляне привыкли и совершать трудные подвиги и умирать безстрашно. Не я одинъ дышу къ тебѣ ненавистью; я только первый изъ длиннаго ряда римлянъ, ищущихъ чести убить тебя. Будь готовъ каждый часъ, трепещи за свою жизнь; смерть ждетъ тебя у порога твоего жилища. Мы, вся римская молодежь, объявляемъ тебѣ смертельную вражду. Не бойся ни сраженія, ни открытой борьбы, а приготовься имѣть дѣло съ каждымъ изъ насъ по очере-

ди». Царь, разгнѣванный и вмѣстѣ испуганный грозящей ему опасностью, приказалъ развести огонь. Страхомъ пытки хотѣлъ онъ вывѣдать у Муцій подробности заговора, о которомъ тотъ упомянулъ. «Посмотри, — сказалъ Муцій, обратясь къ Порсенѣ, — насколько страшны страданія тѣла для тѣхъ, кому слава дороже всего!» Съ этими словами вложилъ онъ руку въ горѣвшій на жертвенникѣ огонь. Видя, что Муцій совершенно хладнокровно, какъ бы потерявъ сознание, жжетъ руку на огнѣ, царь пришелъ въ изумленіе; онъ вскочилъ съ мѣста и велѣлъ оттащить юношу отъ огня.» (Кн. II, 12).

Изъ уваженія къ мужеству юнаго римлянина, Порсена отпустилъ его домой и Муцій, какъ бы въ знакъ благодарности, открылъ то, чего нельзя было вынудить пыткой. Триста римскихъ юношей лучшихъ семействъ дали клятву лишить Порсену жизни, сказалъ онъ. Впослѣдствіи Муцій былъ прозванъ «Сцеволой» или Левшой.

Холодные и безстрастные критики убѣждаютъ насъ, что подобныя рассказы — героизмъ Горація, твердость Брута, самоотверженіе Сцеволы — вымыслы какого нибудь забытаго поэта, мѣтящіе на извѣстный эффектъ и заимствованные историкомъ для украшенія его лѣтописи. Быть можетъ строгіе критики правы. Но во всякомъ случаѣ преданія эти становятся достояніемъ исторіи въ одномъ отношеніи: они дѣлаютъ величіе Рима вполне понятнымъ для насъ. Народъ, въ средѣ котораго жили подобныя преданія и слыли за истину, долженъ былъ очевидно сдѣлаться владыкою міра.

Порсена вскорѣ снялъ осаду съ Рима, пораженный признаніемъ Муція, полагаетъ Ливій. Но Ливій признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что римляне принуждены были заключить съ нимъ миръ не совѣмъ для нихъ выгодный. Они правда отказались принять къ себѣ вмовъ Тарквиніевъ, но должны были возвратить вейентамъ нѣкоторую часть земель, завоеванныхъ Ромуломъ и дать въ обезпеченіе заложниковъ и заложницъ, прежде чѣмъ Порсена согласился отозвать свое войско съ Яникульскаго холма ¹⁾.

Но Тарквиній еще не сказалъ римлянамъ своего послѣдняго слова. Бывшій царь поселился въ Тускулумъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Мамиліемъ. Война, долго подготавливавшаяся въ средѣ великаго латинскаго союза, наконецъ разразилась и «тридцать народовъ» пошли противъ Рима подъ предводительствомъ Мамилія. Въ эту трудную пору римляне впервые прибѣгли къ назначенію Диктатора, въ рукахъ котораго сосредоточивалась безусловная власть, военная и гражданская, причемъ власть консуловъ уничто-

¹⁾ Нельзя сомнѣваться, что Римъ въ дѣйствительности былъ принужденъ сдаться Порсенѣ и уступить этрускамъ всѣ земли по правую сторону Тибра: Тацитъ говоритъ это самымъ положительнымъ образомъ (Hist. III, ст. 72) и Плиній замѣчаетъ, что на римлянъ были наложены тѣ же тяжкія условія какъ на израильтянъ со стороны филистимлянъ — не употреблять желѣза иначе какъ для земледѣльческихъ орудій.

жалась на время. Молодой Луцій Тарквиній, во главѣ коннаго отряда изъ римскихъ изгнанниковъ, сражался въ непріятельскихъ рядахъ; а въ битвѣ на берегахъ Регилльскаго озера принималъ участіе и былъ раненъ самъ старый царь. Бой отличался жестокостью и упорствомъ. Эбуцій, «начальникъ всадниковъ» ¹⁾ узнавъ Мамилію по его блестящему вооруженію и вызвавъ его на поединокъ, нанесъ ему, правда, тяжелую рану, но самъ былъ обезоруженъ и оттѣсненъ. Исходъ борьбы оставался до того сомнительнымъ, что Авль Постумій (диктаторъ) и его приближенные сошли съ коней и дрались въ рядахъ пѣхоты, чтобы поддержать духъ римскаго войска; въ то же время они приказали рубить на мѣстѣ каждаго кто повернетъ назадъ. Наконецъ Герминій, одинъ изъ помощниковъ диктатора, бросился на Мамилію, возвратившагося въ ряды, не смотря на рану, и прокололъ его копьемъ — причемъ, снимая съ него оружіе, самъ получилъ смертельный ударъ. Латины отступили, побѣда была полная, весь лагерь и обозъ достался въ руки римлянъ. Старый Тарквиній удалился въ Кумы и здѣсь окончилъ свою бурную жизнь. Римъ не слыхалъ болѣе о своихъ тиранахъ. Диктаторъ и начальникъ конницы вернулись въ городъ, гдѣ и были встрѣчены заслуженнымъ триумфомъ. ²⁾ Родъ отри-

¹⁾ Одной ступенью ниже диктатора, «начальника народа».

²⁾ Читатель не найдетъ у Ливія разсказа «о двухъ великихъ близнецахъ» (Касторъ и Поллуксъ), которыхъ

цательнаго мира съ латинами послѣдовалъ за этимъ пораженіемъ. Нѣсколько лѣтъ позже, когда вольски замышляли походъ противъ Рима, латины не только отказались присоединиться къ нимъ, но и выдали римлянамъ пословъ пришедшихъ въ нимъ съ этимъ предложеніемъ. Римляне же, въ знакъ благодарности, освободили 600 латиновъ, бывшихъ у нихъ военноплѣнными. Между обоими народами водворилось доброе согласіе, какого еще никогда не бывало, замѣчаетъ историкъ, а въ 261 г. отъ основанія Рима (498 до Р. Х.) былъ заключенъ договоръ на совершенно равныхъ правахъ. Тутъ мы въ первый разъ попадаемъ на твердую историческую почву, потому что мѣдный столбъ, на которомъ были вырѣзаны условія союза, имена тридцати Латинскихъ городовъ, принимавшихъ въ немъ участіе и имя Римскаго консула Спурія Кассія, заключившаго договоръ, былъ еще цѣлъ во времена Цицерона.

Между тѣмъ во внутренней исторіи Рима совершались въ это время событія, на которыя нашъ историкъ, увлеченный героическими легендами, обращаетъ лишь поверхностное вниманіе, несмотря на ихъ громадную политическую важность. Простой народъ, такъ назы-

диктаторъ видитъ сражающимися впереди римскихъ воиновъ на бѣлыхъ коняхъ, и которые въ тотъ же вечеръ являются въ городъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Преданіе это помѣщено у Діонисія Галикарнасскаго. VI, 13.

ваемый «*plebs*» въ отличіе отъ городскихъ гражданъ «*populus*», опускался должно быть все ниже и ниже, по общественной лѣстницѣ, пока наконецъ его нравственный упадокъ и нищета не превзошли всякой мѣры. Нѣкоторые признаки нарастающаго недовольства проглядываютъ уже въ разсказѣ о приготовленіяхъ къ походу противъ Порсены. Сенатъ долженъ былъ, для обезпеченія вѣрности и спокойствія низшаго сословія, сдѣлать ему извѣстныя уступки—преимущественно по отношенію къ рыночной цѣнѣ хлѣба и монополіи соли. Въ эпоху же, къ которой мы теперь приходимъ, грозила новая война съ вольсками и такъ какъ чернь сознавала, что вся тягость этой войны ляжетъ главнымъ образомъ на нее, то и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы довольно громко заявить о своихъ нуждахъ. Важнѣйшая причина ропота состояла въ томъ, что не имѣя средствъ къ жизни бѣдняки были принуждены время отъ времени брать деньги взаймы за большіе проценты, у болѣе состоятельныхъ гражданъ, римскіе же законы о заимодавцахъ и должникахъ были до того чудовищны, что должникъ не только могъ быть проданъ въ рабство, но и могъ быть заморенъ голодомъ въ тюрьмѣ, если это входило въ соображенія кредитора. Въ случаѣ же явной несостоятельности должника и требованія нѣсколькихъ кредиторовъ тѣло его могло быть даже разрѣзано на куски и раздѣлено между ними. Одинъ случай, приводимый Ливіемъ, хотя

быть может и вымышленный, изображаетъ этотъ порядокъ вещей гораздо краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

«На форумъ явился престарѣлый гражданинъ въ самомъ жалкомъ видѣ. вмѣсто одежды на немъ были рубища, но еще болѣе поражала его худоба и блѣдность. Несмотря на то, многіе узнали въ немъ храбраго воина, начальника сотни, не разъ отличавшагося въ битвахъ. На его обнаженной груди были видны рубцы отъ старыхъ ранъ. Густой толпой собралася вокругъ него чернь, спрашивая, что значить его болѣзненный и жалкій видъ. Воинъ въ отвѣтъ сказалъ слѣдующее: «Когда была Сабинская война, непріятель, во время набѣга, не только уничтожилъ жатву, но сжегъ его домъ, разграбилъ имущество и угналъ скотъ. Въ это несчастное время потребовали съ него подати. Чтобы заплатить ихъ онъ вошелъ въ долгъ, который процентами выросъ такъ, что онъ вынужденъ былъ продать свой родовой участокъ земли, а потомъ и все имущество. Но и этого оказалось мало. Неумолимый заимодавецъ не пощадилъ и его личности и взялъ въ рабство, сдѣлавъ жертвой всякаго рода пытокъ и истязаній!» Тутъ онъ обнажилъ спину, носившую на себѣ свѣжіе слѣды недавнихъ побоевъ.» (II, 32).

Повторяемъ, вся эта сцена и рѣчь старика могутъ быть вымышленными, но нельзя сомнѣваться въ истинности печальнаго положенія вещей, вызвавшаго подобные разсказы. Долго сдерживаемое волненіе толпы достигло крайнихъ предѣловъ. Носились слухи, что вольски подступаютъ къ Риму и чернь—такъ велика была вражда между сословіями,—замѣчаетъ Ливій,—

видѣла въ нихъ избавителей». «Боги готовятъ казнь патриціямъ, угнетателямъ народа». Плебеи отказывались поступать въ ряды войска; сенаторы прибѣгли по неволѣ къ убѣжденіямъ и уступкамъ. Народъ, повѣривъ обѣщаніямъ, пошелъ противъ враговъ вслѣдъ за консуломъ и «никогда еще не сражался съ большимъ мужествомъ».

Но законъ о долгахъ былъ отмѣненъ лишь навремя и вскорѣ началъ свирѣпствовать съ прежней силой. Возмущенный этимъ, народъ сталъ собираться по ночамъ для совѣщаній и вновь отказался сражаться. Наиболее вліятельные люди въ сенатѣ раздѣлились въ мнѣніяхъ насчетъ мѣръ, которыя слѣдовало принять. Былъ назначенъ диктаторъ, который снова успокоилъ недовольныхъ обѣщаніями. Между тѣмъ нищета и раздраженіе усиливались постепенно, пока наконецъ, въ пятнадцатый годъ существованія республики, общее недовольство не разразилось открытымъ мятежемъ. Римскіе легіоны получили приказаніе выступить противъ эквовъ. Это приказаніе сената было истолковано какъ предлогъ удалить изъ города опасныхъ людей и подчинить ихъ военнымъ законамъ. Народъ остервенился и сталъ требовать ерви консуловъ. Одинъ изъ наиболее умѣренныхъ вожаковъ, Сициній, успѣлъ однако убѣдить взбунтовавшуюся чернь не прибѣгать къ крайностямъ. По его совѣту недовольные удалились на такъ назыв. священную гору, по-

ту сторону р. Анія, въ трехъ миляхъ отъ города. Здѣсь пробыли они три дня, замышляя совсѣмъ отдѣлиться отъ Рима и основать новый городъ. До сихъ поръ мятежники думали только какъ бы избавиться отъ притѣсненій и не стремились къ политической власти. Патриціи испугались новаго оборота дѣла и послали посредниковъ для переговоровъ, избравъ человека, который имѣлъ наиболѣе шансовъ быть выслушаннымъ, нѣкоего Мененія Агриппу, плебея по происхожденію. Его рѣчь къ инсургентамъ была сказана «на простомъ и грубомъ языкѣ того времени» и нашъ авторъ не прилагаетъ къ ней прикрасъ, которыя обыкновенно любятъ расточать, вельдствіе чего описываемые имъ плебеи и патриціи первобытныхъ временъ Рима говорить на его страницахъ языкомъ, выработаннымъ въ дни высшей культуры. Быть можетъ въ данномъ исключительномъ случаѣ рѣчь Агриппы дѣйствительно передана Ливіемъ вѣрно. Безъ всякихъ предисловіій и оговорокъ приступилъ онъ къ притчѣ о желудкѣ и его членахъ, которую конечно всѣ знаютъ. Выводъ былъ ясенъ: ни одна часть политическаго тѣла не могла существовать безъ другой. Рѣчь Агриппы произвела желаемое дѣйствіе.

Народъ согласился вернуться въ Римъ подъ условіемъ, что для обезпеченія его интересовъ, ему дадутъ право имѣть сановниковъ неприкосновенныхъ и избираемыхъ имъ самимъ, изъ своей среды. Новые са-

новники должны были называться «народными трибунами». Кроме того было выговорено освобождение всѣхъ должниковъ, захваченныхъ кредиторами и снятіе долговъ со всѣхъ и каждаго. Странно, что объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве Ливій умалчиваетъ.

Таковъ былъ первый шагъ постепеннаго возвышенія средняго сословія до политической власти, которое съ этихъ поръ начинаетъ сказываться во внутренней исторіи Рима. Нехотя согласился сенатъ на требованія народа и вскорѣ началъ дѣлать попытки вернуть дарованныя права. Въ Римѣ около этого времени обнаружился голодъ для облегченія котораго изъ Сициліи прибылъ значительный подвозъ хлѣба, благодаря стараніямъ публичныхъ чиновниковъ. Кай Марцій (полководецъ, прославившійся недавними подвигами противъ вольсковъ у Коріолы и получившій прозваніе «Коріолана») предложилъ продавать хлѣбъ бѣднѣйшимъ гражданамъ по уменьшенной цѣнѣ, если они откажутся отъ своихъ новыхъ правъ. Ему съ трудомъ удалось избѣгнуть народной ярости, возбужденной этимъ предложеніемъ, а трибуны, въ силу своей власти, обвинили его въ измѣнѣ противъ народной свободы и привлекли къ суду. Коріоланъ предпочелъ довѣриться великодушію своихъ враговъ, недожидаясь приговора соотечественниковъ, и за день до суда перешелъ къ вольскамъ, гдѣ былъ радушно принятъ ихъ вождемъ Аттіемъ. Вольски, подстрекаемые имъ, снова взялись

за оружіе и подъ искуснымъ начальствомъ Коріолана успѣли возвратить много потерянныхъ городовъ. Наконецъ они очутились въ пяти миляхъ отъ Рима. Народъ, все еще негодующій, не хотѣлъ сражаться и сенатъ напрасно посылалъ къ Коріолану гонца за гонцомъ, убѣждая его отказаться отъ неестественнаго союза съ врагами родины. Тогда, говоритъ преданіе, явились къ нему съ мольбой мать и жена; ихъ убѣжденіямъ онъ покорился и отвелъ непріятельскіе легионы. Между вольсками вскорѣ возникли несогласія, они раздѣлились и Римъ былъ спасенъ.

Въ слѣдующемъ году былъ въ третій разъ избранъ консуломъ Спурій Кассій, заключившій союзъ съ латинами. Онъ успѣлъ одержать побѣду надъ герниками, могущественнымъ сабинскимъ племенемъ постоянно враждовавшимъ противъ Рима, и заключить миръ, по которому герники уступили Риму двѣ трети своихъ земель. По этому случаю Кассій попытался провести новую и смѣлую мѣру для облегченія участи бѣднѣйшаго класса народа. Именно онъ внесъ въ сенатъ проектъ закона, извѣстнаго съ тѣхъ поръ подъ названіемъ «аграрнаго.» Дѣло шло не о перераспредѣленіи поземельной собственности, какъ ошибочно понимали нѣкоторые, но о раздѣлѣ между плебеями нѣкоторой части земли, отдаваемой государствомъ въ аренду гражданамъ за небольшую ренту. Несмотря на сопротивленіе втораго консула, Кассій

провелъ эту мѣру, но съ печальнымъ результатомъ для самаго себя. При консулахъ слѣдующаго года онъ былъ привлеченъ къ суду. Условія договора, заключеннаго имъ съ герниками и латинами, говорили его враги, поставили ихъ на одну доску съ римлянами; Кассій очевидно задабривалъ ихъ съ честолюбивыми видами. Не онъ ли предложилъ возвратить бѣднякамъ деньги, взятые за хлѣбъ, прибывшій изъ Сициліи и не ясно ли, что онъ, угождая народу, добивается царской власти? Даже самъ народъ увлекся этими обвиненіями. «Такъ велико было отвращеніе къ царской власти,—замѣчаетъ Ливій,—что плебеи съ негодованіемъ отвергли предложенные дары, точно они плавали въ изобиліи.» Реформаторъ, слишкомъ опередившій свой вѣкъ, былъ осужденъ какъ измѣнникъ и казненъ, а домъ его срыть до основанія. «Его постигла участь Агиса и Марино Фалиери», говоритъ Арнольдъ. Существуетъ другой рассказъ про конецъ Кассія, крайне странный для нашихъ понятій и доказывающій безграничную власть отцовъ (*patria potestas*) надъ взрослыми дѣтьми въ Римѣ. Именно рассказываютъ, что будто бы этотъ гражданинъ, трижды занимавшій столь почетную должность въ государствѣ, былъ осужденъ, приговоренъ и казненъ собственнымъ отцомъ по домашнему суду, въ силу родительскихъ правъ.

Недовольство народа между тѣмъ все еще не могло

улечься и сенатъ часто встрѣчалъ затрудненія при исполненіи легионовъ новобранцами. Въ одной битвѣ противъ старинныхъ враговъ Рима, эквовъ, пѣхота, говорятъ, напрямки отказалась сражаться подъ начальствомъ Кезона, нелюбимаго народомъ консула изъ знатнаго рода Фабіевъ, и даже разразилась проклятіями, когда онъ бросился на непріятеля и оттѣснилъ его съ помощью одной конницы.

Въ эту тяжелую годину спасителями отечества являются Фабіи. Можно быть увѣреннымъ, что историкъ нашъ дополнилъ свой скудный матерьялъ семейной хроникой этого дома, въ которой конечно не преминули воздать должную честь подвигамъ предковъ. Читатель вѣроятно помнитъ, что Фабій Пикторъ, на авторитетъ котораго часто ссылается Ливій, принадлежалъ къ этому роду. Два Фабія во время битвы съ вейентами, въ минуту колебанія легионовъ, бросаются на непріятеля одни, и пристыженное войско слѣдуетъ ихъ примѣру. Въ другой разъ легионъ избавленъ отъ окончательнаго пораженія вмѣшательствомъ Кезона Фабія, въ ту минуту когда необдуманность военачальниковъ чуть не погубила результатовъ цѣлаго дня. Семь консульствъ заняты послѣдовательно членами того же семейства. Наконецъ на сцену является странное событіе, которое быть можетъ болѣе всѣхъ другихъ прославило имя Фабіевъ въ Римской исторіи. Потому ли что Кезонъ Фабій, вмѣстѣ съ

своей семьей, возстановилъ противъ себя патриціевъ своими попытками привести въ исполненіе законъ Кассія о раздѣлѣ вновь завоеванныхъ полей между плебеями, или же это семейство намѣревалось основать независимую военную колонію, или по какой другой причинѣ, но только Фабіи все разомъ покинули Римъ. Ливій самъ не даетъ удовлетворительнаго объясненія для этого факта. Враждебное настроеніе вейентовъ, говоритъ онъ, было для Рима источникомъ не столько опасности сколько постоянного безпокойства. Видя это, Кезонъ Фабій (въ третій разъ избранный консуломъ) сдѣлалъ сенату предложеніе отъ имени всего своего рода. Государство имѣетъ на своихъ плечахъ не мало мелкихъ, но докучливыхъ войнъ, сказалъ онъ, Фабіи хотятъ взять войну съ вейентами на свою отвѣтственность и вести ее на свой счетъ. Война эта сдѣлалась для нихъ почти семейнымъ дѣломъ и они надѣются избавить отечество отъ всякихъ заботъ съ этой стороны. Среди изъявленій общей благодарности консулъ вышелъ изъ собранія и объявилъ все своимъ родственникамъ чтобы они на слѣдующее утро собрались къ его дому въ полномъ вооруженіи.

«Вѣсть о намѣреніи Фабіевъ облетѣла весь городъ. Домъ ихъ превозносили до небесъ. «Одно семейство взяло на себя бремя, падавшее на все государство; война съ вейентами будетъ отнынѣ продолжаться частными средствами. Еслибы были еще два семейства

равныя доблестями съ Фабіями, то одни взяли бы на себя войну съ Вольсками, другіе съ Эквами и народъ римскій наслаждался бы покоемъ, не переставая покорять сосѣдніе племена.» На другой день Фабіи явились въ назначенное мѣсто. Консулъ вышелъ въ военной одеждѣ и произвелъ смотръ своимъ роднымъ, бывшимъ въ полномъ вооруженіи; потомъ, ставъ въ середину онъ отдалъ приказаніе двинуться впередъ. Еще ни разу войско, столь малочисленное, но вмѣстѣ столь доблестное не проходило по улицамъ города, сопровождаемое общимъ удивленіемъ. Триста шесть воиновъ, всѣ патриціи, всѣ одного рода, достойные быть полководцами любаго легіона—шли, грозя силами одного семейства сокрушить могущество вейентовъ. За ними слѣдовали двѣ толпы; одна поменьше, состояла изъ родственниковъ и друзей, провожавшихъ ихъ съ великими надеждами, другая состояла изъ всѣхъ гражданъ Рима, движимыхъ участіемъ, удивленіемъ и любовью. «Идите смѣло, отважные герои!» кричали имъ. «Наши благословенія съ вами. Великій подвигъ увѣнчается успѣхомъ и наградой вамъ будутъ триумфы и консульства и всѣ почести, которыми только можетъ отплатить народъ!» Проходя мимо Капитолія, крѣпости и храмовъ, граждане молили всѣхъ боговъ, изображенія которыхъ видѣли или имена которыхъ могли припомнить, благословить славныхъ воиновъ и возвратить ихъ невредимыми отечеству и друзьямъ.» Мольбы эти однако остались неслышанными.» (II, 49).

Фабіи заняли мѣсто на границѣ у берега рѣки Кремеры, въ трехъ миляхъ отъ Рима, укрѣпили его и здѣсь цѣлыхъ два года удерживали вейентовъ отъ набѣговъ. Но тутъ на нихъ напало неожиданно многочисленное войско и истребило всѣхъ до послѣдняго

человѣка. Только одинъ юноша спасся и сдѣлался родоначальникомъ семейства Фабіевъ.

Законы о раздѣлѣ полей еще долго продолжали смущать оба сословія въ государствѣ. Трибуны настаивали на ихъ исполненіи; консулы противились. Въ нѣсколькихъ случаяхъ первые однако измѣнили своему долгу подѣ влияніемъ задобриваній или угрозъ со стороны знатнѣйшихъ патриціевъ. Одного трибуна, слишкомъ настоятельнаго въ своихъ требованіяхъ нашли мертвымъ въ постели и молва признала его жертвой аристократіи. Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы, былъ изданъ законъ, получившій названіе «второй великой хартіи римской свободы.»¹⁾ Въ силу его право избирательства трибуновъ переходило отъ центурій, состоявшихъ изъ смѣшанныхъ сословій, къ трибамъ, гдѣ избирателями были одни плебеи. Законъ этотъ извѣстенъ подѣ названіемъ Публиліева закона, по имени трибуна Волера Публилія, который предложилъ и наконецъ успѣлъ провести его.

Между тѣмъ эквы съ своихъ укрѣпленій въ Апеннинахъ и вольски съ равнины и Альбанскихъ горъ, продолжали время отъ времени вторгаться въ Римскую территорію и заставляли войско держаться постоянно на готовѣ. Описаніе военныхъ дѣйствій у Ливія не только сбивчиво и отрывочно, но и не сов-

¹⁾ Arnold.

мѣстимо ни съ исторической правдоподобностью, ни съ географическими данными. Ясно одно, что конецъ третьяго столѣтія отъ основанія Рима былъ для него крайне бѣдственнымъ временемъ. Пораженія на полѣ битвы присоединялись къ жестокимъ эпидеміямъ. Въ десятилѣтній промежутокъ чума повторилась въ Римѣ три раза, унеся при своемъ послѣднемъ появленіи обоихъ консуловъ того года и огромное число людей всѣхъ сословій. Какъ и въ случаѣ страшной Аѣинской чумы, развитію и распространенію заразы способствовало скученіе въ предѣлахъ города цѣлыхъ тысячъ поселянъ, искавшихъ убѣжища отъ непріятельскихъ набѣговъ. Д-ръ Арнольдъ весьма справедливо указываетъ на фактъ — который Ливій даетъ только угадывать, — что постоянныя столкновения между обоими сословіями республики во многихъ случаяхъ (примѣромъ можетъ служить исторія Коріолана, а быть можетъ и Фабіевъ) служили поводомъ къ добровольному или насильственному политическому изгнанію. Мы узнаемъ напр., что въ 294 г. (отъ основанія города) Капитолій былъ захваченъ ночнымъ нападеніемъ и оставался нѣсколько дней во власти громадной толпы «изгнанниковъ и рабовъ» подъ предводительствомъ одного сабинца, Аппія Гердонія. Послѣдній не только обѣщалъ свободу всѣмъ невольникамъ, которые послѣдуютъ за нимъ, но и прямо называлъ себя «защитникомъ правъ угнетен-

ныхъ.» Консулы побоялись вооружить чернь для битвы съ ними; чернь же въ свою очередь твердила, что тревога эта — фальшивая западня притѣснителей, съ цѣлью отвлечь вниманіе отъ закона предложеннаго въ послѣднее время въ интересахъ народа. Только когда изъ Тускулума услыхавъ, что Римъ въ опасности, на помощь правительства выступило многочисленное войско, народъ повѣрилъ и согласился идти на выручку крѣпости. Послѣ ожесточеннаго боя Капитолій былъ взятъ, но это стоило жизни консулу предводительствовавшему войскомъ.

Въ исторіи столкновеній съ эквами въ это время присоединяется исторія Цинцината. Римское войско, подъ начальствомъ одного изъ консуловъ, было окружено въ своемъ лагерѣ и когда испуганный сенатъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе у всѣхъ на языкѣ было одно имя, имя Луція Квинція, прозваннаго Цинцинатомъ за курчавые волосы. Его называли открыто «единственной надеждой Рима». Историкъ сообщаетъ слишкомъ мало изъ его прошлой жизни, чтобы для насъ стало ясно, почему въ минуту опасности глаза всѣхъ гражданъ обратились на него. Онъ и сынъ его Кезонъ были нѣкогда въ числѣ самыхъ ярыхъ противниковъ правъ плебеевъ, которымъ удалось добиться ссылки отца по обвиненію въ убійствѣ. Старикъ Цинцинатъ благодушно пашетъ свой клочекъ земли, раздѣвшійся для большого удобства, въ ту минуту какъ

являются къ нему послы изъ Рима. Депутація просить его прежде всего одѣться, чтобы онъ могъ выслушать предложеніе сената въ приличномъ видѣ; затѣмъ провозглашаетъ его диктаторомъ, — т. е. единственнымъ и безусловнымъ обладателемъ гражданской и военной власти — и съ торжествомъ уводитъ въ Римъ. Въ Римѣ его встрѣчаютъ восторженными криками, причемъ однако чернь относится къ нему нѣсколько недовѣрчиво какъ къ человѣку, способному вполне воспользоваться своими безграничными правами. Цинцинать выступаетъ въ походъ, окружаетъ непріятеля, осаждающаго римлянъ, принуждаетъ его къ сдачѣ, заставляетъ пройти подъ ярмомъ и наконецъ слагаетъ съ себя санъ диктатора на шестнадцатый день послѣ своего избранія. Эта исторія весьма странная, которую однако нужно оставить въ томъ видѣ какъ ее передаетъ Ливій. Одна только черта въ ней не подлежитъ сомнѣнію. Именно, земледѣльческія занятія со стороны человѣка, избраннаго верховнымъ правителемъ Рима, представляютъ конечно болѣе вѣрную картину римской жизни того времени, чѣмъ фигуры пышныхъ сановниковъ и полководцевъ, которыхъ Ливій переносилъ изъ своего времени въ отдаленные дни младенчества республики.

Простой народъ между тѣмъ сдѣлалъ важный шагъ къ упроченію своей независимости, проведеніемъ Ициліева закона. Въ силу послѣдняго вся часть Авентинскаго холма, не включенная въ городскую стѣну,

должна была поступить въ собственность плебеевъ; патриціи же, занимавшіе эти земли при прежнемъ правленіи, должны были уступить ихъ казнѣ за извѣстное вознагражденіе. Но еще другая и болѣе важная реформа, которую трибуны (число ихъ въ это время возрасло уже до десяти) предлагали изъ года въ годъ и должны были всякій разъ брать назадъ вслѣдствіе рѣшительной оппозиціи сената, приближалась къ осуществленію. Новый проектъ, внесенный Теренціемъ, долженъ былъ измѣнить римскую конституцію. Было предложено избрать комиссію изъ десяти человѣкъ — пятерыхъ патриціевъ и пятерыхъ плебеевъ — которые должны были составить сводъ конституціонныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и такимъ образомъ разъ навсегда положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ и спорамъ между сословіями. Послѣ десяти лѣтъ борьбы законъ этотъ наконецъ прошелъ, но только съ весьма существеннымъ измѣненіемъ — именно было рѣшено, что всѣ десять членовъ комиссіи должны избираться изъ патриціевъ. Новая свирѣпая чумная эпидемія, унесшая одного изъ консуловъ, четырехъ трибуновъ и «свергнувшая въ трауръ много знатныхъ семействъ», не говоря уже объ опустошеніяхъ въ средѣ низшаго населенія (о которомъ нашъ историкъ не слишкомъ то заботится), повліяла быть можетъ примиряющимъ образомъ на сословную вражду. Но уступка со стороны плебеевъ

была громадной ошибкой, какъ доказали послѣдующія событія.

Въ Грецію было послано трое сенаторовъ, которымъ поручили изучить знаменитые законы Солона, а также и законы другихъ странъ, для соображеній при составленіи римскаго кодекса. Избраніе комиссіи Десяти состоялось и повидимому всѣ другіе государственные сановники, консулы и трибуны въ томъ числѣ, были отстранены. Комиссія начала свои засѣданія и нѣсколько мѣсяцевъ спустя представила на общественный судъ результаты своихъ трудовъ въ видѣ десяти таблицъ постановленій. Эти постановленія были одобрены и «остаются по сіе время, говорить Ливій — «главными основами общихъ и частныхъ законовъ». Историкъ конечно оказалъ бы намъ большую услугу, познакомивъ насъ съ сущностью новыхъ правилъ; но этотъ родъ лѣтописи не былъ въ его духѣ и мы знаемъ лишь нѣсколько статей этого римскаго кодекса, благодаря ссылкамъ въ сочиненіяхъ Цицерона. Ходили слухи, быть можетъ распущенные самой комиссіей, что нужно выработать еще двѣ таблицы для увѣнчанія великаго дѣла и съ этой цѣлью состоялся новый выборъ членовъ комиссіи на слѣдующій годъ. Плебеи охотно дали свое согласіе, потому что въ это время «научились ненавидить консуловъ столько же какъ прежде ненавидѣли царей».

Главнымъ дѣятелемъ въ старой какъ и въ новой

комиссіи былъ Анній Клавдій. По всей вѣроятности это тотъ же человѣкъ (хотя историкъ выводитъ его на сцену поколѣніемъ позже), который двадцать лѣтъ тому назадъ, будучи консуломъ, навлекъ на себя отчаянную ненависть войска во время войны съ вольсками. Цѣлые легионы побросали тогда оружіе и отказались сражаться подъ его начальствомъ. Въ наказаніе за такой мятежъ, онъ при помощи латинъ и герниковъ а также и отряда, состоявшаго изъ патриціевъ, казнилъ смертью всякаго бѣжавшаго офицера и десятого изъ солдатъ. Не за этотъ безчеловѣчный поступокъ—военная дисциплина въ Римѣ оправдывала самыя крайнія мѣры—а повидимому за какое то другое злоупотребленіе, Анній былъ призванъ къ суду по истеченіи своего консульства, но такъ или иначе увернулся. Въ послѣднее время онъ всеми силами старался заслужить расположеніе народа чтобы обезпечить свое избраніе въ новую комиссію десяти. Успѣлъ онъ исполнѣ какъ въ этомъ, такъ и въ своихъ стараніяхъ провести въ число новыхъ членовъ своихъ приверженцевъ, представителей ультра-аристократической партіи.

Тогда, повѣтствуетъ Ливій, Анній сбросилъ съ себя личину и показался тѣмъ чѣмъ былъ въ дѣйствительности, давая примѣръ высокоумѣрія власти и прочимъ товарищамъ. Децемвиры вышли къ народу все вмѣстѣ, съ двѣнадцатю либторами каждый, между тѣмъ какъ въ прошломъ году довольствовались однимъ. «Сто де-

сять ликторовъ заняли форумъ; римляне увидали передъ собой какъ бы десять царей», замѣчаетъ нашъ историкъ, чтобы сдѣлать намъ понятнымъ то впечатлѣніе, которое они произвели въ народѣ. Держались они надменно и вели себя деспотически. Добавочныя таблицы законовъ правда были изданы, но надо думать, что въ нихъ заключались постановленія, совершенно несогласныя по духу съ прежними *).

Второй годъ существованія комиссіи приходилъ къ концу, а между тѣмъ никто не заикался о новыхъ выборахъ трибуновъ или консуловъ. Децемвиры повидимому не имѣли намѣренія сложить съ себя власть. Окруживъ себя толпой юныхъ патриціевъ, они стали заносчивѣе чѣмъ когда либо. Между тѣмъ римская территория подвергалась постояннымъ опустошеніямъ отъ набѣговъ сабинянъ и эквовъ. Было созвано собраніе сената, въ которомъ слышались не совсѣмъ одобрительные отзывы о новыхъ правителяхъ Рима. Валерій просилъ права говорить «о дѣлахъ республики» и когда ему въ этомъ отказали, объявилъ среди общаго смятенія, что будетъ апеллировать къ народу. Гораций Барбатъ назвалъ децемвировъ «десятью Тарквинами» и напомнилъ имъ, что Горации и Валеріи однажды уже

*) Цицеронъ (de Rep. II, 37) говоритъ, что эти добавочныя таблицы заключали въ себѣ законы до крайности пристрастные, напр. признаніе незаконными браковъ между патриціями и плебеями.

принимали участіе въ дѣлѣ освобожденія Рима отъ тирановъ. «Меня нельзя испугать фальшивыми сѣкирами и розгами», сказалъ онъ, намекая на незаконность этихъ эмблемъ власти у децемвировъ. Аппій приказалъ арестовать его немедленно. Валерій бросился вонъ изъ сената и громкимъ голосомъ сталъ призывать народъ на помощь. Волненіе было по возможности усмирено вмѣшательствомъ нѣсколькихъ сенаторовъ, боявшихся народнаго мятежа больше всего на свѣтѣ. Приступили къ назначенію полководцевъ для предстоявшей войны, но войско держалось угрюмо и не обнаруживало охоты драться. Результатомъ такого настроенія было пораженіе легіоновъ и въ Римѣ пришлось день и ночь держаться на готовѣ, для отраженія побѣдоносныхъ враговъ.

Наконецъ мѣра наглости децемвировъ была переполнена, какъ и при Тарквиніяхъ, оскорбленіемъ женщины. Аппію приглядѣлась одна очень красивая молодая дѣвушка, дочь сотника Виргинія, бывшего въ походѣ. Онъ подкупилъ приближеннаго къ себѣ негодая, чтобы тотъ вытребовалъ ее какъ свою невольницу, укрывавшуюся въ домѣ сотника подъ именемъ дочери. Друзья Виргинія протестовали и обратились къ суду. Дѣло пришлось рѣшать самому Аппію, какъ представителю верховной власти. Онъ вынесъ съ виду справедливое рѣшеніе: подождать возвращенія сотника и предоставить ему доказать, что молодая дѣвушка

дѣйствительно его дочь; до возвращенія же его отдать дѣвушку на храненіе человѣку, заявившему на нее права. Смысл подобнаго вердикта былъ слишкомъ прозраченъ. Друзья Virginia и цѣлая толпа народа громко протестовала. Женихъ дѣвушки, извѣстный Ицилій, который будучи трибуномъ провелъ законъ объ отдачѣ части Авентинскаго холма бѣднѣйшему населенію, человѣкъ спокойнаго темперамента, но теперь доведенный до бѣшенства, прорвался сквозь толпу и сталъ обличать Аппія въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Послѣ обмѣна рѣзкихъ словъ, децемвиръ счелъ благоразумнымъ сдѣлать уступку; онъ обѣщаль ждать прибытія отца до слѣдующаго утра, причемъ конечно имѣлъ твердое намѣреніе предотвратить это возвращеніе. Друзья успѣли однако извѣстить Virginia. Проскакавъ всю ночь, онъ рано утромъ прибылъ въ Римъ и въ траурной одеждѣ явился на форумъ вмѣстѣ съ дочерью, убѣждая согражданъ, заступиться за его дѣло, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было и дѣломъ ихъ свободы. Аппій въ сопровожденіи многочисленной вооруженной стражи, занялъ судейское мѣсто и не побоялся громко высказать свое рѣшеніе:— обстоятельства дѣла, сказалъ онъ, убѣдили его, что дѣвушка дѣйствительно невольница и должна быть выдана своему господину. Римскія женщины окружили толпой испуганную Virginia. Отецъ громкимъ голосомъ сталъ просить защиты противъ такого вопіющаго

нарушения правъ римскаго гражданина. Анній обвинилъ его и Ицилія въ заговорѣ противъ общественной безопасности и отдалъ ликторамъ приказаніе расчистить себѣ дорогу сквозь толпу и увести дѣвушку. Но невозможно передать заключенія этого эпизода лучше чѣмъ онъ разсказанъ у Ливія.

«Слова Аннія были произнесены громкимъ и гнѣвнымъ голосомъ; озадаченная толпа разступилась и несчастная дѣвушка осталась одна беззащитной жертвой насилія. Виргиній, видя, что помощи ждать не откуда, обратясь къ Аннію сказала: «я попрошу тебя имѣть снисхожденіе къ чувствамъ отца, если я въ моемъ горѣ оскорбилъ тебя дерзкими словами. Позволь мнѣ по крайней мѣрѣ распросить здѣсь передъ дѣвушкой ея кормилицу. Дай убѣдиться въ томъ, что я не отецъ ей, тогда я уйду съ спокойнымъ сердцемъ.» Получивъ это позволеніе, Виргиній отвелъ дочь свою съ кормилицей къ лавкамъ близъ Водопроводной улицы, извѣстнымъ нынѣ подъ названіемъ *новыхъ*. Здѣсь, схвативъ у мясника ножъ, онъ сказалъ дочери: «Вотъ единственное средство сохранить тебѣ свободу» и пронзилъ ей грудь. Потомъ, обратясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Анній, Виргиній произнесъ громко: «да падетъ эта кровь, Анній, на тебя и на главу твою.» Вопль всеобщаго негодованія раздался въ толпѣ при видѣ столь ужаснаго событія. Анній, какъ бы выведенный имъ изъ забытья, приказалъ схватить Виргинія. Но тотъ проложилъ себѣ дорогу ножемъ и подъ защитой толпы достигъ безопасно городскихъ воротъ. Ицилій и Нумиторъ, подняли истекавшее кровью тѣло и показавъ его народу, проклинали Аннія, оплакивая несчастную участь дѣвушки, и жребій отца, доведеннаго до такой ужасной крайности. Женщины, слѣдовав-

шія за вами, громко вопили: «на то ли мы будемъ рождать дѣтей! Развѣ нѣтъ другой награды для цѣломудрія дѣвушки!» (III, 48).

Голоса гражданъ и преимущественно Ицилія громко раздавались въ защиту отнятыхъ правъ; они требовали возстановленія трибунской власти и апелляціи къ народу. Напрасно Анпій приказывалъ вести Ицилія въ тюрьму. Негодующая толпа нашла новыхъ и сильныхъ заступниковъ въ лицѣ сенаторовъ Горація и Валерія. Анпій долженъ былъ для спасенія жизни бѣжать съ форума. ¹⁾ Легіоны взяли сторону народа и на отрѣзъ отказались повиноваться децемвирамъ. Оба легіона возвратились въ Римъ, заняли Авентинскій холмъ, достояніе плебеевъ, и каждый избралъ десятерыхъ «военныхъ трибуновъ» для защиты своихъ правъ. Долго не уступали патриціи требованіямъ народа подъ разными предлогами. Наконецъ народъ, выведенный изъ себя, покинулъ городъ и вспомнивъ о томъ, что сдѣлали его предки сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, расположился на «священной горѣ». Массы требовали не только возстановленія власти трибуновъ и безнаказанности для всѣхъ участниковъ возстанія—они кричали, чтобы

¹⁾ Патетическій эпизодъ этотъ мастерски передавъ у Маколея въ «сказаніи о Виргиніи». Сюжетъ былъ очевидно крайне заманчивъ для драматурговъ и нашелъ достойныхъ истолкователей въ Альфіери и Шериданѣ Ноульсѣ.

имъ выдали децемвировъ, «чтобы сжечь ихъ огнемъ.»¹⁾ Наконецъ ихъ успокоили обѣщаніемъ отдать децемвировъ подъ стражу и назначить надъ ними судъ, что и было исполнено при водвореніи новыхъ правителей. Аппій и одинъ изъ его соучастниковъ предпочли самоубійство этому суду; прочіе децемвиры были изгнаны изъ Рима. «Тѣнь Виргиніи, болѣе счастливая послѣ смерти чѣмъ при жизни, — замѣчаетъ нашъ историкъ, который былъ на половину поэтомъ, — могла наконецъ успокоиться».

Критики говорятъ: это только преданіе, правда трогательное и патетическое, но слишкомъ художественно-соразмѣрное, чтобы быть дѣйствительностью. Возможно, что сужденіе ихъ справедливо; но нужно сознаться, что исторія, подобно жизни, подъ часъ всего прекраснѣе въ своихъ иллюзіяхъ. Сказаніе о прекрасной Виргиніи можетъ быть вымысломъ какого нибудь неизвѣстнаго романиста древности; подробности могутъ быть заимствованы изъ даятка ходячихъ легендъ о жестокостяхъ и производѣ децемвировъ; народное движеніе могло имѣть корни гораздо болѣе глубокіе чѣмъ месть и отчаяніе отца и жениха—но опять таки нельзя не согласиться, что свобода Рима была создана людьми въ родѣ старика Виргинія.

¹⁾ Макиавелевское замѣчаніе по этому поводу забавно по своему цинизму. «Правы были они, требуя выдачи децемвировъ, но напрасно поясняли «для чего».

ГЛАВА IV.

ОТЪ ДЕЦЕМВИРАТА ДО РАЗРУШЕНІЯ РИМА ГАЛЛАМИ.

(Кн. III—V. 449—390 до Р. X.).

Народное волненіе окончилось возстановленіемъ прежняго образа правленія. Было избрано десять трибуновъ и въ числѣ первыхъ стояли имена Виргинія, Ицилія и Нумитора. Саиъ консуловъ выпалъ по единогласному избранію народа на долю людей, выступившихъ на защиту свободы — Валерія и Горация. Они собственно говоря и были первыми «консулами», потому что Ливій неправильно прилагаетъ этотъ титулъ прежнимъ сановникамъ, насившимъ въ дѣйствительности имя «преторовъ». Аристократическая партія осталась не совсѣмъ - то довольной состоявшимися выборами, потому что новые консулы своимъ сочувствіемъ къ народу компрометировали до извѣстной степени интересы собственнаго сословія. Сенатъ выразилъ свое недоброжелательство, отказавъ имъ въ обычномъ почетѣ, триумфѣ, когда они вернулись въ Римъ послѣ побѣдъ надъ эквами и сабинянами. Тѣмъ не менѣе ихъ встрѣтили триумфомъ по настоянію трибуновъ,

которымъ сенатъ не могъ противиться, хотя одинъ изъ членовъ его и имѣлъ смѣлость заявить, что «это триумфъ, исторгнутый у Сената, а не у непріятеля». Между тѣмъ побѣда, по всеѣмъ признакамъ, была рѣшительною, по крайней мѣрѣ относительно сабинянъ. потому съ этихъ поръ они не давали знать о себѣ цѣлыхъ сто пятьдесятъ лѣтъ.

Военныя событія этого времени не имѣютъ особой важности, хотя обычныя пограничныя войны повторялись время отъ времени. Гораздо интереснѣе политическія перемѣны, но о нихъ нашъ авторъ, по своейственной ему привычкѣ, говоритъ мало и темно. Одно, впрочемъ, можно ясно видѣть — именно постоянный прогрессъ въ политическихъ правахъ простаго народа. Консулу Валерію удалось провести два закона; первый изъ нихъ признавалъ государственной измѣной назначеніе вратителя, противъ рѣшеній котораго нельзя было бы апеллировать; второй законъ обезпечивалъ за *плебисцитомъ* — приговоромъ народа — тѣже права, какими пользовались декреты гражданъ въ ихъ центуріяхъ. Около того же времени было повидимому рѣшено, (это можно заключить изъ показаній нѣкоторыхъ писателей и намековъ Ливія), что въ будущемъ одинъ изъ консуловъ долженъ избираться плебеями; однако, новое постановленіе приводилось въ дѣйствіе лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Время отъ времени на сцену выступаютъ еще новыя лица,

«военные трибуны», число которых было непостоянно и которые избирались обоими сословіями. Трибуны эти должны были по всей вѣроятности исполнять на войнѣ роль консуловъ, гражданская власть которыхъ переходила въ руки двухъ новыхъ сановниковъ, названныхъ цензорами; послѣдніе рѣшали выборы въ сенатъ, опредѣляли мѣсто гражданъ въ государствѣ по имущественному цензу и распоряжались государственной казной. Санъ цензоровъ былъ принадлежностью однихъ патриціевъ и давалъ своимъ представителямъ такую власть и такое царское содержаніе, что патрицій Мамеркъ Эмилиій заслужилъ имя великаго патріота, когда предложилъ ограничить срокъ его службы восемнадцатью мѣсяцами вмѣсто установленнаго пятилѣтія. Другой важный шагъ къ уравненію обоихъ сословій состоялъ въ признаніи законности браковъ между плебеями и патриціями, (законъ Канулія).

Одно событіе, совершившееся нѣсколькими годами позже, произвело сильное волненіе въ народъ и грозило нарушить сравнительно мирныя отношенія между сословіями. Именно случился голодъ и богатый плебей, Спуриій Мелій, состояніе котораго давало ему право на званіе всадника, — онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ поставщика — началъ раздавать даромъ или по крайней мѣрѣ продавать очень дешево, бѣднѣйшему населенію хлѣбъ, полученный имъ изъ Этруріи. За-

видовали-ли патриции его популярности вслѣдствіе такого поступка, или въ ихъ умѣ дѣйствительно заронилось подозрѣніе, но только они громко стали обвинять Мелія въ преступномъ намѣреніи сдѣлаться царемъ.¹⁾ Консулы того года были или трусливы или неспособны. Римляне снова послали депутацію къ единственному человеку, казавшемуся непогрѣшимымъ, Квинцію Цинциннату, въ это время восьмидесятилѣтнему старику. Его избрали диктаторомъ, а онъ назначилъ начальникомъ всадниковъ Сервія Агала, человека, повидимому, одинаковаго съ нимъ покроя. Мелій получилъ приказаніе явиться къ диктатору; онъ отказался и когда его хотѣли схватить, бросился въ толпу, прося заступиться за него. Волненіе росло; чтобы положить ему конецъ, начальникъ всадниковъ, поддерживаемый многочисленнымъ отрядомъ (молодыхъ патриціевъ, замѣчаетъ Ливій) велѣлъ изрубить Мелія на мѣстѣ. «Его постигла заслуженная казнь», сказалъ суровый старый диктаторъ, узнавъ объ этомъ происшествіи. Трибуны же говорили, что это ни болѣе не менѣе какъ политическое убійство. Домъ Мелія былъ срытъ до основанія и мѣсто долго носило названіе «Меліевой площадки». Насколько, однако, этотъ человекъ дѣйствительно

¹⁾ Арнольдъ справедливо замѣчаетъ: «Состраданіе было настолько чуждо древнимъ грекамъ и римлянамъ, что щедрость Мелія должна была казаться подозрительной».

былъ или не былъ виновенъ въ честолюбивыхъ замыслахъ—этого мы никогда не узнаемъ.

Могущественный городъ Фидены, въ пяти или шести миляхъ отъ Рима, отдалъ себя подъ покровительство вейентовъ и его окончательное покореніе (онъ нѣсколько разъ былъ взятъ и отнятъ) было первымъ существеннымъ приобрѣтеніемъ Рима, начавшаго съ этихъ поръ быстро разрастаться. Главный городъ вейентовъ, до сихъ поръ успѣшно поддерживавшій свою независимость противъ могущественнаго сосѣда, тоже долженъ былъ вскорѣ пасть. До сихъ поръ войны между Римомъ и его сосѣдами не шли далѣ пограничныхъ столкновений; римское войско было просто полевой милиціей, а походы продолжались никакъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но въ 406 г. до Р. Х. на Вейи, могущественный городъ, защищенный стѣнами прочной этрусской работы, была наложена настоящая осада; римляне окружили городъ двойнымъ рядомъ окоповъ, или вѣриѣ отдѣльныхъ укрѣпленій, съ цѣлью отрѣзать всякій подвозъ припасовъ, предосторожность которая однако оказалась не совсѣмъ достаточною. Въ первый повидимому разъ римскимъ легионамъ приходилось зимовать въ открытомъ полѣ и они покорились такой тяжелой для нихъ необходимости не безъ энергическихъ убѣжденій со стороны трибуновъ. Осада продолжалась, говорятъ, цѣлыхъ десять лѣтъ, подобно осадѣ Трои; но подробности, которыя мы находимъ у

Ливія, едва ли могутъ служить историческими данными. Въ послѣдній годъ осады произошло сраженіе, въ которомъ римляне были разбиты на голову капенцами и фалерійцами, пришедшими на помощь къ вейентамъ. Молва увеличила еще болѣе ужасы этого пораженія и Римомъ овладѣла настоящая паника. Въ это время, говоритъ историкъ, «былъ выбранъ диктаторомъ чело-вѣкъ, предназначенный судьбой для уничтоженія враждебнаго города и спасенія отечества, Маркъ Фурій Камилль». Можно угадать сразу, по примѣру Нибура и другихъ проницательныхъ критиковъ, что слѣдующими затѣмъ подробностями мы въ значительной степени обязаны семейной хроникѣ Фуріевъ. Камилль немедленно разбиваетъ союзниковъ Вейи, беретъ оба лагеря ихъ, возстановляетъ дисциплину въ римскомъ войскѣ, стягиваетъ легіоны вокругъ города, прокладываетъ подъ стѣнами, до самаго центра города, мины и посылаетъ въ Римъ гонца съ извѣстіемъ, что Вейи должны скоро пасть и вопросомъ «что дѣлать съ добычей, которая достанется ему въ руки»? Весь римскій народъ приглашенъ для раздѣла награбленнаго добра, а одна десятая посвящается побѣдителемъ въ жертву Аполлону. Далѣе слѣдуетъ рассказъ, который самъ Ливій считаетъ «неправдоподобнымъ»: мина была подведена подъ храмъ Юноны и совсѣмъ готова; въ ту минуту царь приносилъ жертву; и авгуръ воскликнулъ, что чело-вѣкъ, который принесетъ на алтарь внутренно-

сти животного, останется побѣдителемъ. Слова эти достигли до слуха римлянъ, прокладывавшихъ мину, они ворвались въ храмъ, схватили животное и передали внутренности своему начальнику. Предсказаніе авгура сбылось.

Вейи пали и были отданы на разграбленіе, а жители проданы въ рабство. Радость римлянъ не знала мѣры и небыло почестей, которыя бы они считали слишкомъ высокими для побѣдителя. Такого триумфа еще не видывалъ Римъ. Колесницу Камилла везли четыре бѣлыхъ коня. Нашлись однако злые языки, которые твердили, что подобная пышность не пристала ни римскому гражданину, ни смертному вообще; это значило присвоивать себѣ почести, принадлежащія Зевсу и Солнцу. Неизвѣстно дѣйствительно ли Камиллъ присвоилъ себѣ какія либо излишнія почести, но такой образъ дѣйствія былъ бы во всякомъ случаѣ явнымъ противорѣчіемъ тому трогательному разсказу, о которомъ Ливій упоминаетъ вскользь, а Діонисій довольно подробно. Именно когда Камиллъ понялъ все значеніе одержанной имъ побѣды, превосходившей всё его ожиданія и надежды, онъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: «если въ глазахъ людей или боговъ такое счастье слишкомъ велико для смертнаго, то пусть всё искупающія бѣдствія падутъ на меня одного, а не на родину и согражданъ!» Повернувшись послѣ этой молитвы онъ, говорятъ, споткнулся и упалъ.

Нѣкоторые тотчасъ же истолковали эту случайность какъ предзнаменованіе скорого паденія самаго Камилла и несчастій, угрожающихъ Риму.

Походъ противъ вейентовъ ознаменованъ двумя весьма важными событіями во внутренней исторіи Рима. Ливій упоминаетъ о нихъ какъ бы мимоходомъ, и смотритъ на нихъ какъ-то легко, хотя значеніе ихъ очевидно несравненно выше мелкихъ столкновеній съ со-сѣдами, которыя онъ такъ любитъ описывать; кромѣ того событія эти гораздо достовѣрнѣе исторіи взятія Вейи. Въ это время въ первый разъ было постановлено («по настоянію трибуновъ»), чтобы вопросы, касавшіеся войны, отдавались на разсмотрѣніе народа, въ набранныхъ изъ него центуріяхъ; до тѣхъ же поръ для рѣшенія этихъ вопросовъ считались достаточными декреты сената. Далѣе въ войну съ вейентами войску въ первый разъ стали правильно выдавать жалованье.

За Вейеями пали Фалеры передъ тѣмъ же полководцемъ, который, сложивъ съ себя санъ диктатора, былъ избранъ военнымъ трибуномъ. Мы очевидно находимся въ области басенъ, читая рассказъ Ливія о школьномъ учителѣ Фалерѣ. Почтенный наставникъ этотъ, вывелъ своихъ учениковъ — дѣтей первыхъ Фалерскихъ семействъ — за городъ для прогулки и будто бы предложилъ выдать ихъ римскому генералу. Но Камиллъ отправилъ его обратно въ городъ, съ связанными на-

задь руками и велѣлъ школьникамъ бить его розгами во все время. Поступокъ этотъ такъ пришелся по вкусу Фалерцевъ, что они добровольно сдались столь великодушному полководцу. Но случилось ли подобное происшествіе или нѣтъ, можно смѣло быть увѣреннымъ, что Камиллъ не обращался къ недостойному учителю съ той цвѣтистой и изящной рѣчью, которую сочинилъ для него нашъ историкъ. ¹⁾ Такъ или иначе Фалеры сдались, а за ними и другіе города. Римляне проникли до Циминіанскихъ горъ — «крайняго естественнаго рубежа тибрскаго бассейна со стороны Этруріи». Мы однако не должны придавать слишкомъ большаго значенія ихъ первымъ завоеваніямъ. Въ это время ни одинъ римскій легіонъ не заходилъ еще далѣе семидесяти верстъ отъ Рима.

Камиллъ между тѣмъ впалъ въ немилость. Добыча, захваченная въ Вейяхъ, была раздѣлена между воинами, прежде чѣмъ успѣли стложить часть, посвященную Аполлону; когда же ее стали впослѣдствіи требовать отъ солдатъ, то между ними поднялся ропоть. Камиллъ сдѣлался предметомъ зависти и недоброжелательства; его стали обвинять въ утайкѣ части добычи. Едва ли можно однако сомнѣваться, что глав-

¹⁾ Тэнъ замѣчаетъ по этому поводу: «Le pauvre pédagogue, a trouvé son maître: il écoute une leçon de rhétorique avant d'être reconduit à la ville de la manière que chacun sait».

ной причиной недовольства было сопротивление, оказанное имъ народной партіи, въ особенности по поводу плановъ колонизаціи Вейевъ; Ливій по крайней мѣрѣ такъ объясняетъ враждебное настроеніе противъ Камилла. Недовольные плебеи предлагали основать въ Вейяхъ родъ втораго Рима, съ тѣмъ чтобы поля, окружавшія этотъ городъ и считавшіяся болѣе плодородными чѣмъ римскія окрестности, были распределены между ними, въ качествѣ вновь завоеванныхъ земель. Консервативные сенаторы всѣми силами противились этому плану и видѣли въ немъ даже оскорбленіе древнихъ боговъ. Споръ дошелъ до такого ожесточенія, что Камиллъ былъ наконецъ арестованъ однимъ изъ трибуновъ и, чтобы не являться передъ судомъ, приговоръ котораго былъ предрѣшенъ, избралъ добровольное изгнаніе. Ливій говоритъ, что покидая городъ, Камиллъ просилъ боговъ только объ одномъ, чтобы согражданамъ пришлось пожалѣть объ его удаленіи, если онъ въ самомъ дѣлѣ правъ передъ ними и пострадалъ безвинно.

Продолжая, въ лѣтописи Ливія, читать семейную хронику Фуріевъ, мы убѣждаемся, что историографъ этого знаменитаго рода соединялъ въ себѣ всѣ качества талантливаго драматическаго писателя. Римлянамъ, дѣйствительно пришлось весьма скоро раскаяться въ своей неблагодарности и Фурій Камиллъ отплатилъ имъ какъ подобаетъ герою. Изъ Клазія стали

• долетать слухи, что новый врагъ угрожаетъ не только Риму, но и всей цивилизованной Италиі. Въ храмѣ Весты раздавался по ночамъ голосъ, предупреждавшій что «галлы близко». Галлы были дикіе варвары, обнаженные до пояса, высокіе ростомъ, съ холодными глазами стального цвѣта, длинными желтыми волосами и усами; по своему типу они вообще отличались настолько отъ итальянцевъ, что римляне не могли смотрѣть на нихъ безъ ужаса и отвращенія. И такъ, галлы, которые уже давно вытѣснили этрусковъ изъ плодородныхъ земель по берегамъ рѣки По, перешли черезъ Апеннины и громадной толпой появились передъ Клузіемъ. Римляне отрядили троихъ посланцевъ для наблюденія за ними; но не въ нравахъ римлянъ того времени, — а тѣмъ болѣе не въ нравахъ Фабіевъ, къ семейству которыхъ принадлежали эти три посланца — было смотрѣть хладнокровно на движеніе непріятеля. Квинтъ Фабій собственными руками убилъ одного галльскаго предводителя и былъ признанъ въ ту самую минуту, какъ снималъ съ него оружіе. Галлы, негодуя на такое нарушеніе международныхъ правъ, послали въ Римъ требованіе выдать всѣхъ трехъ Фабіевъ. Римляне отказали. «Они сознавали справедливость требованія, — замѣчаетъ Ливій, — но вліяніе этого благороднаго семейства было слишкомъ сильно». Тогда галльскія полчища двинулись изъ Клузія на Римъ. Никакихъ приготовленій сдѣлано не было; и въ

то время какъ поселяне бѣжали передъ быстрымъ натискомъ новаго непріятеля, наполняя горедь ужасомъ и смятеніемъ,—изъ Рима было выслано лишь нѣсколько наскоро собранныхъ отрядовъ, которые встрѣтили галловъ у рѣки Аллія, миляхъ въ одиннадцати отъ столицы. Явно пренебрегая всякими мѣрами благоразумія, <безъ молитвъ и гаданій, римляне вступили въ бой и потерпѣли позорное пораженіе>. Многіе утонули въ Тибрѣ, нѣкоторые достигли Рима, но наибольшее число укрылось въ Вейяхъ, чтобы не переплывать рѣки. Бѣглецы, достигшіе Рима, до того растерялись, что не остановились даже запереть городскія ворота, а прямо устремились въ крѣпость.

Вся исторія разрушенія Рима галлами носитъ на себѣ характеръ романа, тѣмъ не менѣе нельзя не придерживаться повѣствованія Ливія, основаннаго по всей вѣроятности на семейныхъ хроникахъ Фуріевъ и Манліевъ. Подобно многимъ историческимъ рассказамъ того же рода, эти преданія переживутъ въ памяти людей событія болѣе сухія.

Галлы подошли къ стѣнамъ Рима вечеромъ послѣ битвы, рассказываетъ нашъ историкъ. Но открытыя ворота и неестественная тишина города испугали ихъ. Боясь западни, они отложили нападеніе до утра. Между тѣмъ никто не думалъ о сопротивленіи; всѣ, способные носить оружіе, заперлись въ Капитоліѣ съ женами и дѣтьми, жрецы Квирина (собоготовленнаго

Ромула) и Весталки, охранявшія вѣчный огонь, за-
рыли часть священныхъ изображеній, а другую отне-
сли для безопасности въ небольшой городъ Церы. Про-
столюдины, неспособные носить оружіе, были предос-
тавлены самимъ себѣ; большинство разсѣялось тот-
часъ же по окрестностямъ. Старѣйшіе изъ сенаторовъ
и патриціевъ заявили, что умрутъ на мѣстѣ, не же-
лая обременять собой защитниковъ Капитолія. По дру-
гимъ же рассказамъ они торжественно обрекли свою
жизнь на жертву за Римъ. Вслѣдствіе всего этого,
когда галлы вторглись въ Форумъ черезъ Келлинскія
ворота и разсѣялись по городу для грабежа, глазамъ
ихъ представилось странное зрѣлище.

«Дома простыхъ гражданъ были заперты, но тѣ,
которые принадлежали старѣйшинамъ, отворены на-
стежъ; и въ эти дома галлы входили съ большимъ со-
мнѣніемъ и недовѣріемъ, чѣмъ въ запертые.

Съ невольнымъ благовѣніемъ и страхомъ смотрѣли
они на старцевъ, сидѣвшихъ въ молчаніи на порогѣ
домовъ своихъ; ихъ величественная осанка, важный
видъ и торжественная одежда уподобляли ихъ не-
земнымъ существамъ. Въ то время какъ галлы раз-
глядывали ихъ, точно истукановъ, Маркъ Папірій уда-
рилъ жезломъ изъ слоновой кости по головѣ одного вои-
на, тронувшаго его за бороду; онъ имѣлъ, согласно
тогдашнему обычаю, очень длинную бороду и тѣмъ
разсердилъ варвара. Это послужило сигналомъ къ рѣзни.
Старѣйшины были умерщвлены на мѣстѣ; а затѣмъ
избиты и всѣ граждане оставшіеся въ городѣ. (кн.
V, 41.).

Городъ былъ разграбленъ и сожженъ, но крѣпость

устояла. Часть галловъ осталась для осады Капитоля, остальные же разсѣялись по окрестностямъ для грабежа. Одинъ отрядъ подступилъ между прочимъ къ городу Ардеѣ. Здѣсь Камиллъ «сидѣлъ въ изгнаніи, сѣтуя на боговъ и людей и спрашивая, гдѣ же храбрые воины, сражавшіеся съ нимъ нѣкогда противъ Вейевъ и Фалеръ»? Ему удалось убѣдить Ардеатовъ взяться за оружіе. Ночью напали они на сонный лагерь и истребили цѣлую массу галловъ. Тогда друзья и враги одинаково признали, что Камиллъ лучший полководецъ того времени». Римскіе бѣглецы, собравшись въ Вейяхъ, тоже воспламенились мужествомъ послѣ этой побѣды и провозгласили героя дня диктаторомъ.

Прежде однако чѣмъ онъ успѣлъ прибыть въ Римъ, дѣла приняли тамъ печальный оборотъ. Галлы нашли средство взобраться на крутой Капитолійскій холмъ; и только благодаря бдительнымъ гусямъ, вошедшимъ въ пословицу, и геройскому подвигу Манлія, который, бросивъ свой щитъ въ лицо первому галлу достигшему вершины, заставилъ его скатиться внизъ, увлекая за собой товарищей — этотъ послѣдній оплотъ Рима уцѣлѣлъ. Осада тѣмъ не менѣе продолжалась, пока голодъ не заставилъ римлянъ предложить выкупъ. Галлы, которые гибли во множествѣ отъ заразительныхъ болѣзней приняли предложеніе. Когда стали вѣшать золото, назначенное для выкупа, одинъ изъ три-

буновъ увидалъ, что вѣсы фальшивые и сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе; тогда надменный предводитель галловъ, Бреннъ, ¹⁾ бросилъ еще свой мечъ въ чашу съ гирами и вмѣсто всякаго отвѣта воскликнулъ «горе побѣжденнымъ»! Но постыдному торгу не суждено было состояться. Диктаторъ, вошедшій въ это время въ Римъ изъ Вейевъ, велѣлъ взять золото обратно, напомнивъ согражданамъ, что не золотомъ, а желѣзомъ прилично откупаться римлянамъ. Камиллъ прогналъ галловъ изъ Рима, разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ, истребивъ ихъ лагерь, такъ что — «не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, чтобы принести на родину вѣсть о гибели остальныхъ».

Такова исторія разрушенія Рима въ рассказѣ Ливія, очевидно преувеличенномъ и освѣщенномъ извѣстнымъ образомъ съ цѣлью возвысить славу Камилла и пощадить уязвленную гордость Рима. Всѣ послѣдующія попытки возстановить истину и отдѣлать исторію отъ вымысла едва ли привели къ цѣли, несмотря на всѣ старанія; но одинъ важный фактъ во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію: — Римъ былъ взятъ и сожженъ, а Капитолій спасенъ только цѣною золота. Кромѣ того можно быть увѣреннымъ, что галлы благополучно убрались во свояси, обремененные добы-

¹⁾ Это не собственное имя, а происходитъ отъ кельтскаго *Bran*, или кимврскаго *Brenhin*, царь или предводитель.

чей. Какъ велико было опустошеніе, произведенное вторженіемъ варваровъ, представить себѣ не трудно, даже не имѣя передъ глазами описанія Ливія. Онъ рассказываетъ, что всѣ зданія города были превращены въ развалины, что жители хотѣли бѣжать и покинуть Римъ навсегда, что неимовѣрнаго труда стоило удержать ихъ отъ этого намѣренія обращеніемъ къ ихъ патріотическимъ и религіознымъ чувствамъ. Снова—и на этотъ разъ быть можетъ съ большимъ основаніемъ—раздались громкіе голоса въ пользу общаго переселенія въ Вейи, и Камиллъ, спасительный оплотъ во всѣхъ гражданскихъ и военныхъ затрудненіяхъ, долженъ былъ умолять согражданъ не покидать боговъ и алтарей роднаго города. Римъ процвѣталъ, говорилъ онъ имъ, пока помнилъ о вѣренной ему святынѣ. Слова, которыя Ливій вложилъ въ уста Камилла, очевидно служатъ выраженіемъ горячей любви самого автора къ Риму и Италіи.

«Городъ нашъ построенъ съ извѣстными священными гаданіями и обрядами, каждое мѣсто въ немъ освящено религіозными вѣрованіями и убѣжденіемъ непосредственнаго присутствія высшихъ силъ. Не только дни, но и самыя мѣста для совершенія священныхъ обрядовъ указаны однажды на всегда. Рѣшитесь ли вы, Квириты, пренебечь служеніемъ боговъ, какъ общественнымъ такъ и частнымъ?...

Но вы скажете, пожалуй, что и въ Вейяхъ можно будетъ совершать богослуженіе, или присылать оттуда въ Римъ жрецовъ для исполненія установленныхъ

обрядовъ. То и другое было бы однако противно священнымъ преданіямъ. Говорить ли мнѣ о священномъ огнѣ Весты и о томъ изображеніи, ¹⁾ которое какъ залогъ нашего владычества, хранится у нея въ храмѣ? Упомянуть ли о священныхъ щитахъ твоихъ, Марсъ и твоихъ, Квиринъ, отецъ? Неужели мы обречемъ преступному забвенію святыню, равную по древности нашему городу или дошедшую до насъ изъ еще болѣе отдаленныхъ временъ...

Мы говорили о храмахъ и священныхъ обрядахъ; что-же сказать о жрецахъ, на обязанности которыхъ лежить ихъ совершеніе? Весталкамъ назначено одно мѣстопребываніе, которое онѣ разъ только покинули и то потому, что городомъ овладѣлъ непріятель. Фламинамъ Юпитера запрещено закономъ проводить внѣ Рима хотя бы одну ночь. Неужели святыня должна перейти изъ рукъ римлянъ къ вейентамъ?

«Какъ ни хороши и великолѣпны были зданія нашего города, но можетъ ли одно изъ нихъ сравниться въ величій съ простымъ шалашомъ, въ которомъ жилъ основатель нашего города. Итакъ не лучше ли и намъ жить въ шалашахъ, какъ живутъ и теперь поселяне и пастыри, но жить на родномъ пепелищѣ, а не обречать себя и государство на добровольную ссылку?... У васъ нѣтъ любви къ родинѣ, вы дорожите только стѣнами и крышами. Я же, когда былъ въ ссылкѣ, не переставалъ думать о милыхъ и дорогихъ сердцу мѣстахъ отчизны. Въ воображеніи моемъ живо рисовались холмы твои и поля, о Римъ, твои волны, Тибръ, все это постоянно было передъ глазами; самый свѣтъ дневной казался милѣе тамъ, гдѣ я родился и выросъ. Римляне! пусть лучше теперь удер-

¹⁾ Палладіумъ—деревянная статуя Паллады, привезенная будто-бы Энеемъ изъ Трои.

жить васъ здѣсь привязанность къ этимъ мѣстамъ, чѣмъ послѣ будетъ терзать тоска по нимъ, когда вы безвозвратно ихъ покинете. Не безъ причины предки наши, съ благословенія боговъ, положили основаніе нашему городу именно здѣсь, на холмахъ, отличающихся свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ, — на берегахъ прозрачной рѣки, которая приносить къ намъ произведенія земель, лежащихъ внутри Италіи, и соединяетъ насъ съ моремъ, отстоящемъ не настолько далеко, чтобы затруднять торговлю и не настолько близко, чтобы грозить бѣдой отъ непріятельскихъ судовъ. Наконецъ городъ нашъ расположенъ въ самомъ центрѣ Италіи, въ мѣстѣ наиболѣе благопріятномъ для созиданія могущественнаго государства.» (V, 54).

Обращеніе къ патриотическимъ чувствамъ имѣло успѣхъ и римляне начали возстановлять городъ изъ развалинъ. Ливій рассказываетъ (тутъ конечно не обошлось безъ преувеличеній), что всѣ общественныя зданія были разрушены галлами и всѣ историческіе памятники сожжены; что даже мѣста, гдѣ нѣкогда стояли храмы, были сравнены съ землей, а улицы завалены грудями обломковъ и обгорѣлыхъ остатковъ прежнихъ домовъ; что жители съ трудомъ узнавали мѣста своихъ домовъ и что отчаяніе и опустошеніе распространялись далеко за предѣлы городскихъ стѣнъ. Когда же удалось убѣдить жителей приняться за возобновленіе своихъ домовъ, заемъ денегъ подъ большіе проценты, снова ввергъ плебеевъ въ прежнее безвыходное положеніе. Долги росли; военные наборы были удвоены и ложились крайне тяжело на уменьшенное

въ численности населеніе. Римъ какъ-бы отодвинулся на столѣтіе назадъ. Наконецъ, къ довершенію общаго безотраднaго положенія, союзники, которые со времени договора заключеннаго Спуриемъ Кассіемъ оставались вѣрны Риму, именно латины и герники, воспользовались бѣдствіями, чтобы отвоевать себѣ прежнюю независимость.

ГЛАВА V.

ПОКОРЕНИЕ ЛАЦУМА.

(Книги VI—VIII, 390—338 до Р. X.)

Допуская величайшее пристрастие со стороны автора «Лѣтописи», нельзя однако, даже самому строгому историческому критику не признать, что величіе Рима выступало всего рѣзче въ дни испытаній. Городъ былъ вскорѣ выстроенъ за ново; пришельцы изъ Вейевъ, Капенъ, Фалеръ получили право римскаго гражданства, чтобы пополнить пустыя мѣста, оставленныя роковой войной; число гражданъ стало вслѣдствіе этого больше прежняго, потому что къ прежнимъ трибамъ (ихъ было двадцать одна) прибавили четыре новыхъ.

Камиллъ продолжаетъ быть героемъ дня. Онъ одержалъ побѣды надъ вольсками и новой этрусской федераціей. Всѣ сосѣди воспользовались какъ видно бѣдственнымъ положеніемъ Рима, чтобы напасть на него; даже латины и герники (о чемъ мы уже говорили выше), успѣшили нарушить прежній договоръ; они

не только отказали въ условленномъ контингентѣ солдатъ, но даже помогали непріятелю противъ Рима. Подробности различныхъ мелкихъ войнъ, описанныхъ у Ливія, довѣрять нельзя; но изъ послѣдующихъ событій во всякомъ случаѣ ясно, что Римъ съумѣлъ постоять за себя. Латины и герники, видя, что обстоятельства принимаютъ оборотъ для нихъ неблагоприятный, отправили въ Римъ пословъ съ объясненіями: они на отрѣзъ отказывались отъ всякаго участія въ поступкахъ ихъ согражданъ, ставшихъ въ ряды вольсковъ, и просили выдать имъ тѣхъ, которые могли попасть въ плѣнъ къ римлянамъ (между плѣнными было нѣсколько важныхъ лицъ) для примѣрнаго наказанія. Сенатъ сурово попросилъ пословъ поспѣшить удалиться изъ Рима, потому что не могъ обезпечить имъ, какъ мятежникамъ, безопасности, которую обыкновенно пользуются посланники.

Но въ то самое время, какъ Римъ мужественно отстаивалъ свою честь противъ внѣшнихъ враговъ (иногда впрочемъ не безъ временныхъ территориальныхъ уступокъ), внутреннія дѣла его были въ печальномъ положеніи, потому что масса плебеевъ изо дня въ день бѣднѣла отъ тяжелыхъ налоговъ и долговъ. Тутъ на сцену снова выступаетъ защитникомъ угнетенныхъ одинъ изъ извѣстныхъ гражданъ, — съ безкорыстными или честолюбивыми цѣлями, остается неизвѣстнымъ; и снова — справедливо или нѣтъ рѣшить

тоже нельзя — навлекаетъ на себя подозрѣніе въ исканіи царской власти. Манлій, прозванный капитолійскимъ за недавнюю геройскую защиту Капитолія, смотрѣлъ съ завистью (такъ говорили враги)—на популярность Камилла, — не могъ видѣть равнодушно, (говорилъ онъ самъ) бѣдствій честныхъ плебеевъ. Однажды онъ увидалъ—зрѣлище далеко не рѣдкое въ Римѣ,—какъ кредиторы влекли несчастнаго должника въ тюрьму, гдѣ его ожидала тяжелая работа, а быть можетъ и голодная смерть. На этотъ разъ жертвой ростовщиковъ оказался престарѣлый воинъ, пользовавшійся заслуженной извѣстностью. Манлій остановилъ его и заплатилъ тутъ же долги, не безъ риторическихкихъ разглагольствованій (въ которыхъ слышится голосъ Ливія, а не Манлія) объ угнетеніи бѣдныхъ богатыми; о собственныхъ своихъ подвигахъ и сочувствіи къ старому ратному товарищу. За этимъ поступкомъ, доставившимъ ему значительную популярность, послѣдовали другіе, еще болѣе либеральные. Напримѣръ, Манлій продалъ свои земли и сталъ раздавать деньги безъ всякихъ процентовъ бѣднымъ людямъ, которые не могли расплатиться съ долгами, выкупивъ такимъ образомъ болѣе четырехсотъ чело-вѣкъ. Народъ называлъ его своимъ отцемъ; толпа слѣдовала за нимъ по улицамъ и ждала его выхода у дверей его дома. Еще большую симпатію плебеевъ возбудилъ онъ публичнымъ заявленіемъ, что патри-

ціи, не довольствуясь пользованіемъ общественными землями и роскошной жизнью насчетъ тяжелыхъ трудовъ своихъ должниковъ, утаили золото отнятое у галловъ; «онъ зналъ, гдѣ спрятаны эти деньги, и когда-нибудь откроетъ тайну».

Диктаторомъ былъ въ то время назначенъ Коссъ, отчасти въ виду возникающихъ внутреннихъ осложненийъ. Его послѣшно вызвали отъ войска въ городъ. Онъ призвалъ къ себѣ Манлія и потребовалъ объясненія его поступковъ. Защитительная рѣчь, которую историкъ приписываетъ послѣднему, отличалась крайне революціоннымъ духомъ, если только она была произнесена. «Онъ давно зналъ, что назначеніе диктатора было оружіемъ противъ него и простаго народа, а не противъ иноземныхъ враговъ. Его спрашиваютъ, почему онъ одинъ вздумалъ брать на себя защиту простаго народа. Съ такимъ же основаніемъ могли спросить его, почему онъ одинъ вздумалъ спасти Капитолій. Патриціи просятъ указать мѣсто, гдѣ будто бы спрятано золото, отнятое у галловъ; но ему кажется лишнимъ повторять то, что имъ такъ хорошо извѣстно. Во всякомъ случаѣ онъ не намѣренъ давать какихъ бы то нибыло отвѣтовъ по приказанію своихъ личныхъ враговъ». Манлія арестовали и бросили въ тюрьму. Онъ призывалъ боговъ во свидѣтели несправедливости и неблагодарности людей, но не смотря на его популярность, въ народѣ не было слышно ропота.

Ливій, при всей симпатіи къ патриціямъ, отдаетъ должную справедливость римской черни въ томъ, что «она чувствовала безусловное уваженіе къ законной власти». И такъ ни одинъ голосъ не поднялся противъ приговора диктатора; однако въ народѣ появились люди, одѣтые въ трауръ, и толпы собирались у воротъ тюрьмы, гдѣ былъ заключенъ ихъ защитникъ. Сенатъ, замѣтивъ это, рѣшился предупредить мятежь мѣрой, которая должна была расположить чернь въ пользу властей,—именно раздѣломъ земель недавно отвоеваннаго города Сатрія. Двѣ тысячи плебеевъ получили надѣлъ. Но мѣра эта только усилила враждебное настроеніе. Въ народѣ распространился слухъ, что его хотять подкупомъ заставить позабыть своего благодѣтеля. Волненіе приняло наконецъ такіе грозные размѣры, что сенатъ счелъ за лучшее освободить Манлія.

Уступка эта ободрила недовольныхъ, Манлій собиралъ друзей на совѣщанія,—иной разъ ночью—и говорилъ рѣчи самаго зажигательнаго свойства. Онъ напоминалъ своимъ сторонникамъ о судьбѣ мучениковъ-патріотовъ, Спурия, Кассія и Мелія и совѣтовалъ разъ навсегда сбросить съ себя ярмо консуловъ и диктаторовъ:—народъ долженъ самъ рѣшать свои дѣла. Онъ вызывался быть защитникомъ народа. Если бы его друзья захотѣли облечь народнаго предводителя какимъ нибудь вышшимъ саномъ, то пусть облекутъ

имъ его; это облегчить достиженіе цѣли. Такія слова не оставляли сомнѣній, Манлій былъ снова схваченъ и привлеченъ къ суду. Обвиненіе въ притязаніяхъ на «царскую власть» было столь ужаснымъ въ глазахъ римлянъ, что вѣроятно по этой причинѣ въ день суда возлѣ него не было видно ни друзей въ траурѣ, ни даже его двухъ братьевъ, по этой же причинѣ и сама чернь перешла теперь на сторону его враговъ.

«Когда пришелъ день суда, обвинители не могли привести другихъ доказательствъ притязаній Манлія на царскую власть, кромѣ ночныхъ сборищъ, зажига- тельныхъ рѣчей, излишней щедрости и клеветъ на патриціевъ. Нужно думать однако, что обвиненія осно- вывались на вѣскихъ данныхъ, такъ какъ никто не колебался насчетъ самаго приговора, а только насчетъ мѣста, гдѣ его прочесть. Дѣло Манлія любопытно въ томъ отношеніи, что можетъ показать какъ вели- чайшія заслуги, общественныя и частныя, способны служить не въ оправданіе, а скорѣе въ обвиненіе че- ловѣку, котораго подозрѣваютъ въ честолюбивыхъ за- мыслахъ. Въ своей защитительной рѣчи, Манлій ука- залъ на четыреста человѣкъ, которымъ давалъ деньги въ займы безъ всякихъ процентовъ, избавивъ ихъ отъ продажи имущества съ молотка или тюрьмы. Далѣе онъ перечислилъ свои военные подвиги и пред- ставилъ вещественныя доказательства своей храбрости: оружіе, снятое съ тридцати убитыхъ непріятелей, слишкомъ сорокъ личныхъ наградъ отъ разныхъ пол- ководцевъ, въ томъ числѣ два вѣнка за взятіе горо- довъ и восемь за спасеніе согражданъ. Въ свидѣтели онъ привелъ этихъ спасенныхъ гражданъ и между

прочимъ назвавъ предводителя всадниковъ К. Сервилія, находившагося на этотъ разъ въ отсутствіи. Говорятъ, что эта рѣчь вполне соответствовала важности предмета и не уступала его подвигамъ. Наконецъ, обнаживъ грудь, покрытую рубцами и слѣдами ранъ полученныхъ на войнѣ, Манлій, поднявъ глаза къ Капитолію, призывалъ Юпитера и другихъ боговъ въ свою защиту; онъ просилъ ихъ внушить согражданамъ то же желаніе спасти его, съ какимъ онъ, Манлій, въ критическую минуту, спасъ Капитолій и самое существованіе римскаго народа. Онъ умолялъ тѣхъ, которые будутъ преизносить надъ нимъ приговоръ, взглянуть на Капитолій, на крѣпость и храмы боговъ и тогда осудить его» (VI, 20).

Судьи поняли, что пока на глазахъ народа будутъ памятники заслугъ Манлія, пока онъ будетъ стоять передъ ними на марсовомъ полѣ, протянувъ руку къ священному холму, осужденіе его невысказанно. Поэтому они отложили произнесеніе приговора до другаго дня и мѣстомъ его назначили поле за городскими воротами, откуда нельзя было видѣть Капитолія. Здѣсь онъ и былъ приговоренъ къ смертной казни и сброшенъ съ Тарпейской скалы, свидѣтельница его подвиговъ. «Таковъ былъ конецъ человѣка», — замѣчаетъ Ливій, — который пошелъ бы далеко, если бы не родился въ свободномъ городѣ, городѣ не выносившемъ даже имени «царя». Всѣ партіи на этотъ разъ считали его виновнымъ въ измѣнѣ противъ народной свободы. Даже собственная семья дала клятву, что отнынѣ никто въ ней не будетъ носить имени Марка. Когда же на

слѣдующій годъ въ Римѣ появилась чума, то раскаявшіеся плебеи въ одинъ голосъ рѣшили, что это небесная кара за смерть Марка Манлія.

Долги, а слѣдовательно и нищета, продолжали между тѣмъ тяготѣть надъ плебеями и для умѣренныхъ людей изъ партіи патриціевъ стало наконецъ ясно, что необходимо взяться за энергическія мѣры для измѣненія такого порядка вещей. По разсказу Ливія сравненіе двухъ женщинъ послужило первымъ толчкомъ къ борьбѣ, окончившейся самой полной побѣдой, какую когда либо одерживали плебеи. Двѣ сестры изъ знатнаго рода Фабіевъ вышли замужъ. Одна за патриція, бывшаго военнымъ трибуномъ, другая за плебея, Лицинія Столона, человѣка богатаго и достойнаго, но все же неблагороднаго по происхожденію. Младшая, Фабія, была однажды испугана появленіемъ ликтора, извѣщавшаго старшую сестру о возвращеніи ея мужа съ фोरума, и это заставило смѣяться жену трибуна. Фабія оскорбилась и побѣжала жаловаться отцу на свое униженіе. Отецъ обѣщаль, что вскорѣ и ея мужъ займетъ не менѣ почетное мѣсто въ обществѣ. Съ той поры старикъ Фабій и его зять Лициній стали агитировать зановый проектъ, сдѣлавшійся впоследствии извѣстнымъ подъ названіемъ законовъ Лицинія. Внесенныя ими предложенія, въ своей окончательной формѣ, состояли изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ. Первый законъ требоваль, чтобы изъ суммы

капитальныхъ долговъ вычесть все уплаченное уже въ видѣ процентовъ. Второй законъ опредѣлялъ мѣру поземельной собственности; въ силу его ни одно частное лицо не могло имѣть въ своемъ владѣніи болѣе 100 десятинъ (*югеровъ*) земли. Благодаря такой мѣрѣ, получалось много свободныхъ участковъ для раздачи новымъ претендентамъ; это былъ въ сущности аграрный законъ. Наконецъ въ силу третьяго закона одинъ изъ двухъ консуловъ долженъ былъ избираться изъ плебеевъ. Первый законъ можетъ показаться произвольной и принудительной мѣрой, оправдываемой только тѣмъ фактомъ, что цѣлыя массы народа были поставлены въ совершенно безвыходное положеніе неоплатными долгами и что у древнихъ, какъ напр., у евреевъ считалось вообще предосудительнымъ отдавать деньги въ ростъ членамъ своей общины. Второй законъ долженъ былъ очевидно вызвать сильный протестъ со стороны патриціевъ, привыкшихъ считать отданныя имъ въ аренду земли своей собственностью. Но всего ненавистнѣе былъ для патриціевъ третій законъ, ниспровергавшій завѣтныя преграды между сословіями. Послѣ борьбы, продолжавшейся, по словамъ Ливія, цѣлыхъ десять лѣтъ, во время которыхъ городъ не разъ доходилъ до состоянія совершенной анархіи, борьбы, веденной съ обѣихъ сторонъ съ большою энергіей, а со стороны плебеевъ сверхъ того съ крайней умѣренностью и терпѣніемъ (потому что кровопролитія не

произошло, хотя и поговаривали о возстаніи въ народѣ) — всѣ три проекта Лицинія получили силу законовъ и за плебеями осталось право участвовать въ высшихъ должностяхъ государства. Въ память счастливаго окончанія этого дѣла, римляне воздвигли храмъ «согласія» и къ великимъ играмъ прибавили четвертый день. Нашъ лѣтописецъ рассказываетъ въ видѣ курьеза, что Лициній Столонъ первый сдѣлался жертвой проведеннаго имъ закона, такъ какъ оказалось, что онъ владѣлъ излишнимъ количествомъ земли.

Пограничныя схватки съ вольсками и латинами продолжались между тѣмъ по старому. Сверхъ того мы узнаемъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленно, о новомъ вторженіи галловъ и рѣшительной побѣдѣ, одержанной надъ ними, близъ Альбы, Камилломъ, который, не смотря на преклонный возрастъ, былъ въ пятый разъ избранъ диктаторомъ. ¹⁾ Годъ спустя, онъ умеръ во время одной изъ постоянно повторявшихся эпидемій. «Онъ прежилъ двадцать пять лѣтъ послѣ своего возвращенія изъ ссылки и справедливо получилъ названіе втораго основателя Рима».

Нашъ лѣтописецъ упоминаетъ о двухъ событіяхъ, происшедшихъ въ это время. Истинны ли они или

¹⁾ Объ этомъ вторженіи упоминаютъ и другіе писатели; но Арнольдъ считаетъ его „изобрѣтеніемъ семейной хроники Фуриевъ—последнимъ въ исторіи Камилла и далеко не самымъ безцеремоннымъ“. (Hist. of. Rome II, 49).

вымышлены рѣшить нельзя; но во всякомъ случаѣ мы видимъ въ нихъ проявленіе стараго римскаго духа. Одинъ изъ членовъ семейства Манліевъ былъ избранъ диктаторомъ (изъ религіозныхъ соображеній) и воспользовался властью для набора войска въ угоду своему военному честолюбію. Жестокость и крутой нравъ этого человѣка выказались главнымъ образомъ въ его обращеніи съ сыномъ Титомъ, малоспособнымъ и кособокоязычнымъ юношей, котораго онъ выгналъ изъ дому и держалъ въ деревнѣ наравнѣ съ рабами. За этотъ поступокъ одинъ изъ трибуновъ привлекъ его къ суду. Сынъ, услышавъ про это на фермѣ, гдѣ работалъ, поспѣшилъ въ Римъ. Онъ пробрался въ домъ трибуна и представъ передъ нимъ неожиданно съ ножомъ въ рукахъ, рано утромъ, когда тотъ былъ еще въ постели, грозилъ заколотъ его на мѣстѣ, если онъ не откажется отъ преслѣдованія отца. Трибунъ испугался энергическаго вида молодаго человѣка и далъ требуемое обѣщаніе. Ливій замѣчаетъ, что это поступокъ, котораго нельзя одобрить въ гражданинѣ, но который во всякомъ случаѣ дѣлалъ честь сыновнимъ чувствамъ Тита. Съ римскими взглядами поступокъ этотъ согласовался однако на столько, что несмотря на физическій недостатокъ и совершенную неопытность молодаго Манлія, онъ, по единогласному избранію, получилъ въ слѣдующемъ году важный военный постъ.

Къ тому же году отнесена у Ливія извѣстная ле-

генда о самоотверженіи Марка Курція, служившемъ столько разъ темой для поэтовъ и художниковъ. По самой серединѣ форума образовался вдругъ—никто не зналъ какимъ образомъ—страшный провалъ и оракуль объявилъ, что пронасть закроется лишь послѣ того какъ туда будетъ брошено «лучшее сокровище Рима». Но приведемъ конецъ этой исторіи, знакомый большинству читателей, въ картинномъ изложеніи Ливія.

«Тогда юный Маркъ Курцій, храбрый воинъ, видя нерѣшительность согражданъ, воскликнулъ, что въ Римѣ конечно нѣтъ сокровища цѣннѣе безстрашнаго сердца и хорошаго оружія. По его слову всѣ замолкли. Онъ взглянулъ на храмы безсмертныхъ боговъ, вѣнчавшіе форумъ и на Капитолій,—простеръ руки сначала къ небу, а потомъ внизъ къ зіявшей передъ нимъ безднѣ и, съ мольбою къ подземнымъ силамъ, торжественно обрекъ себя на смерть. Верхомъ на конѣ, украшенномъ лучшей сбруей, въ полномъ вооруженіи кинулся онъ въ пропасть, а за нимъ толпы народъ стали бросать свои драгоценности и плоды». (VII, 6).

Тридцать лѣтъ послѣ своего перваго появленія, галлы снова вторглись въ Лаціумъ (361 г. до Р. Х.) и вскорѣ повторили набѣгъ и въ третій разъ. Вторженія ихъ ознаменованы преданіями о двухъ геройскихъ поединкахъ. Въ первомъ поединкѣ участвовали Галлъ исполинскаго роста и юный Титъ Манлій, прозванный «Торкватомъ» отъ золотого ожерелья, извѣстнаго кельтійскаго украшения, которое онъ снялъ съ убитаго непріятели. Второй поединокъ произошелъ между

Валеріемъ и другимъ великаномъ, который, подобно Голіаѳу, вышелъ вызывать на бой любого изъ римлянъ. Преданіе говоритъ, что Валерію помогаль вронъ, который во все время единоборства билъ крыльями по лицу противника; вотъ почему въ память этой побѣды, онъ былъ прозванъ «Корвомъ». Оба героя должны были однако вскорѣ означиться подвигами болѣе серьезными и по вѣроятности болѣе истинными, если и менѣе эффектными. При помощи латиновъ, возобновившихъ древній союзъ съ Римомъ, галлы были отбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Последняя побѣда—если вѣрить Ливію—была одержана подъ начальствомъ втораго Фурія Камилла, сына великаго диктатора. Съ этого времени галлы уже не показывались въ Лаціумъ.

Одновременно съ галлами тревожили римлянъ этруски изъ города Тарквинія и война, возникшая между ними, была ознаменована необычайной свирѣпостью. Этруски разбили римскаго консула, взявъ большое число плѣнныхъ; и слѣдуя возмутительному обычаю, проникшему впоследствіи, какъ мы увидимъ, и въ римскую религію, принесли болѣе трехсотъ плѣнниковъ въ жертву туземнымъ богамъ. Что это было исполненіемъ религіознаго обряда, а отнюдь не простымъ звѣрствомъ, явно изъ послѣдующаго описанія одного сраженія у Ливія, во время котораго впереди войска шли этрускіе жрецы—они были на самомъ

дѣлѣ начальниками или старѣйшинами своего народа съ дѣлами тѣлодвиженіями, «размахивая живыми змѣями и горящими факелами». Въ эту войну диктаторомъ мы впервые видимъ плебея, Марка Рутила, и находимъ, что его побѣды надъ Тарквинскими этрусками были награждены триумфомъ, на перекоръ всѣмъ завистливымъ проискамъ сената. Два года спустя, римляне одержали еще болѣе рѣшительную побѣду и жестоко отомстили этрускамъ за смерть своихъ. 358 знатнѣйшихъ гражданъ города Тарквинія было приведено въ Римъ въ качествѣ военнопленныхъ для наказанія розгами и смертной казни на форумѣ въ отплату за злодѣйство этрусскихъ жрецовъ, четыре года тому назадъ. Жители Церы нашли свою кровную связь съ Тарквинцами слишкомъ сильной, чтобы не помогать имъ противъ Рима. Но послѣ пораженія, когда они смиренно ожидали заслуженной кары, римляне имѣли великодушіе вспомнить, что въ тяжкую годину нашествія галловъ жители Церы дали у себя убѣжище Весталкамъ и Священному огню. Среди всѣхъ этихъ виѣшнихъ затрудненій, къ римскому населенію были прибавлены еще двѣ новыхъ трибы, по всей вѣроятности изъ среды покоренныхъ или покорившихся воѣсковъ.

Теперь мы переходимъ къ періоду, который Ливій считаетъ наиболѣе важнымъ въ Римской исторіи.

«Войны, о которыхъ мы будемъ говорить съ этого

времени, замѣчательнѣе другихъ, какъ по силамъ непріятели, такъ и по отдаленности мѣста дѣйствія и продолжительности походовъ. Тутъ начались враждебныя дѣйствія противъ самнитянъ, народа могущественнаго по своему богатству и оружію. За войной съ самнитянами, довольно продолжительной, послѣдовало нападеніе Пирра на римлянъ и наконецъ война съ Карвагеномъ». (VII, 29).

Эти самниты, съ которыми римлянамъ пришлось вести слишкомъ пятидесятилѣтнюю борьбу, съ небольшими перерывами, принадлежали къ Сабинскому племени и занимали часть Апеннинъ, извѣстную теперь подъ названіемъ Матезе, откуда распространили свои завоеванія до равнинъ Кампаніи. Тутъ-то и произошло у нихъ столкновеніе съ римлянами. При одномъ изъ своихъ набѣговъ, они угрожали Капуѣ и жители этого города, послѣ тщетныхъ попытокъ оттѣснить ихъ, обратились за помощью къ Риму. Помощь была дѣйствительно оказана, хотя и весьма неохотно, по замѣчанію нашего историка, такъ какъ съ самнитами существовалъ старинный договоръ. Римляне отправили къ нимъ сначала пословъ съ просьбой не тревожить друзей Рима. Самниты отнеслись къ посольству съ пренебреженіемъ и римскіе консулы немедленно двинулись въ походъ. Однимъ изъ этихъ консуловъ былъ Валерій «Корвъ», любимецъ солдатъ, не только за свой недавній подвигъ, но и за обходительность, товарищескія отношенія къ подчиненнымъ, открытый характеръ и превосходство во всѣхъ тѣлес-

ныхъ упражненіяхъ. Римляне одержали рѣшительную побѣду; 30,000 непріятелей было положено на мѣстѣ въ первомъ сраженіи, выигранномъ благодаря храбрости одного изъ консульскихъ легатовъ, Деція; кромѣ того въ руки побѣдителей достался весь лагерь. Въ слѣдующемъ затѣмъ сраженіи на полѣ битвы насчитали до 40,000 щитовъ. ¹⁾ Капуа была занята римскимъ гарнизономъ; но роскошь и праздность во время зимовки здѣсь развратила, какъ говорятъ, солдатъ и послѣдствіемъ было серьезное возмущеніе, угрожавшее спокойствію Рима. По счастью, Валерію (избраннаго диктаторомъ по случаю смутъ) удалось успокоить всѣхъ своимъ мудрымъ посредничествомъ. Солдатамъ была обѣщана полная амнистія и они вернулись къ своимъ обязанностямъ.

Между тѣмъ требованія, заявленныя солдатами, указываютъ на другія причины недовольства нежели развлеченія капуанской зимовки. Они требовали напр., чтобы воинъ, занимавшій въ прежній походъ высшую должность, не могъ быть назначаемъ впослѣдствіи на низшую, чтобы имя война не могло быть вычеркнуто изъ списковъ безъ его согласія; и наконецъ, чтобы несоразмѣрно высокое жалованье всадниковъ было умень-

¹⁾ «Мы не имѣемъ исторіи самнитской войны, а только разсказъ о подвигахъ двухъ римлянъ Валерія Корва и П. Деція Муса. Они настоящіе герои повѣствованія и цѣлью послѣдняго очевидно служить ихъ прославленіе». *Arnold.*

шено. Движеніе въ войскѣ имѣло по всей вѣроятности нѣкоторую связь съ волненіями черни, заявлявшей вновь закрѣпленные за нею права, потому что въ это самое время были предложены и, надо думать, проведены однимъ изъ трибуновъ двѣ новыя мѣры, о которыхъ Ливій упоминаетъ лишь вскользь, хотя онѣ очевидно имѣли большое политическое значеніе. Во первыхъ было признано противозаконнымъ давать деньги займы подъ проценты; во вторыхъ было постановлено, чтобы ни одно изъ высшихъ должностныхъ лицъ не могло быть вновь избираемо въ ту же должность ранѣе десяти лѣтъ (этимъ уничтожалась монополія знатныхъ семействъ на высшія мѣста въ республикѣ). Слѣдуетъ упомянуть еще о третьемъ законѣ, по которому на будущее время *оба* консула *могли* быть плебеями, подобно тому какъ въ настоящемъ одинъ изъ нихъ *долженъ* былъ избираться изъ этого сословія.

Въ слѣдующемъ затѣмъ году произошла перемѣна въ отношеніяхъ Рима къ сосѣдямъ, не легко понятная для насъ. Самниты заключили перемиріе съ римлянами, но война въ Кампаніи продолжалась по прежнему и города, тѣснимые самнитами, обратились къ Латинской федераціи за помощью, въ которой имъ отказалъ Римъ. Нашъ историкъ увѣряетъ, что латины съ жаромъ воспользовались случаемъ увлечь кампанцевъ въ заговоръ противъ Римскаго владыче-

ства. Еще вѣроятнѣе, что ихъ привелъ въ негодова-
ніе миръ, заключенный Римомъ съ ихъ общимъ вра-
гомъ для своекорыстныхъ цѣлей. Но такъ или иначе,
латины должны были послать въ Римъ депутацію
для объясненія своихъ намѣреній. Послы предложили
условія будущаго союза, далеко не такія безразсуд-
ныя по существу своему, какими они показались ри-
млянамъ. Именно они предложили, какъ условіе при-
знанія Рима главою конфедераціи, чтобы на будущее
время одинъ изъ двухъ консуловъ и половина сената
избирались изъ среды латинъ.

Когда послы изложили данное имъ порученіе, Титъ
Манлій «Торкватъ», вновь избранный консулъ, всталъ
съ своего мѣста и громкимъ голосомъ заявилъ, что
если римляне будутъ имѣть малодушіе подчиниться
подобнымъ требованіямъ со стороны «провинціаловъ»,
то онъ, Манлій, собственными руками убьетъ перваго
латина, который осмѣлится войти въ курію. Онъ мо-
лилъ Римскихъ боговъ спасти согражданъ отъ такого
униженія. Негодованіе собранія дошло до крайней сте-
пени. Латинскій посолъ поспѣшилъ удалиться изъ зда-
нія сената, но въ смущеніи оступился и, упавъ стрем-
главъ съ лѣстницы, былъ поднятъ безъ чувствъ.
Манлій истолковалъ этотъ случай какъ судъ боговъ
за оскорбленіе римлянъ и благоприятное предзнамено-
ваніе для послѣднихъ. Латинамъ была немедленно объ-
явлена война; оба консула отправились въ Капуу и,

по странному измѣненію отношеній, самниты, въ силу послѣдняго договора, оказались теперь союзниками Рима.

Непріятель, противъ котораго приходилось теперь воевать, былъ могущественнѣе самнитовъ. Борьба же съ латинами имѣла, по мнѣнію Ливія, нѣкоторое сходство съ междуусобной войной. Римляне и латины говорили на одномъ языкѣ, чтили однихъ и тѣхъ же боговъ, были скрѣплены брачными и родственными узами и много разъ сражались рядомъ противъ общаго врага.

«Латины ни въ чемъ не отличались отъ римлянъ, замѣчаетъ нашъ историкъ, кромѣ мужества», но мы не должны забывать, что это говоритъ римлянинъ. Завязавшаяся борьба отличалась жестокостью икропролитіемъ, но быть можетъ по этой-же причинѣ она продолжалась не долго.

Римлянамъ приходилось стать лицомъ къ лицу съ непріателемъ, знавшимъ въ точности ихъ тактику и способы нападенія. Этимъ быть можетъ объясняется строгая военная дисциплина, которую Манлій поддерживалъ въ войскѣ самыми крайними мѣрами. Онъ отдалъ между прочимъ приказаніе, чтобы никто не смѣлъ вступать въ единоборство съ непріателемъ.

Сынъ его, командовавшій отрядомъ легкой конницы, былъ отправленъ на развѣдку и встрѣтился съ начальникомъ Тускуланской конницы, который, издѣваясь

надъ нимъ, вызвалъ его на поединокъ. Онъ принялъ вызовъ и убилъ врага. Напрасно ссылаясь молодой воинъ на собственный примѣръ отца въ единоборствѣ съ Галломъ, консулъ—столь же строгій отецъ какъ и почтительный сынъ — не хотѣлъ видѣть въ этомъ столкновеніи ничего кромѣ двойнаго нарушенія повиновенія къ приказаніямъ отца и полководца. Свое сочувствіе къ храброму юношѣ онъ выразилъ только публичнымъ заявленіемъ, что сынъ его, какъ истинный Манлій, сумѣетъ мужественно встрѣтить смерть. Ему отрубили голову въ присутствіи всего войска и товарищей, которые, оплакивая его судьбу, громко проклинали жестокость отца. Но зато приказанія консула были съ этихъ поръ выполняемы въ точности. ¹⁾

День сраженія—гдѣ то недалеко отъ Везувія—былъ ознаменованъ новымъ подвигомъ, строго согласнымъ съ римскимъ духомъ и увѣковѣчившемъ героя въ исторіи. Вторымъ консуломъ былъ тогда Децій Мусъ, прославившійся въ послѣднюю самнитскую войну. Оба военачальника имѣли въ одну и ту же ночь видѣніе, предупреждавшее ихъ, что боги требуютъ въ видѣ жертвы «войска съ одной стороны, а полководца съ дру-

¹⁾ Такая строгость военной дисциплины была національной чертой у римлянъ. Подобный же поступокъ приписываютъ Постумію въ одну изъ прежнихъ войнъ съ вольсками. Ливій не довѣряетъ этому разсказу; но одно мѣсто въ Авлѣ Гелліѣ доказываетъ, что преданіе это вообще пользовалась довѣріемъ. См. Кн. IV, гл. 29 Aul. Gell, I. 13.

гой». Они согласились тогда между собой, что если которое нибудь крыло станет отступать, начальник его должен обречь себя на жертву. При обычномъ жертвоприношеніи передъ битвой, предзнаменованія оказались неблагопріятными для Деція; но онъ замѣтилъ жрецу, что «это все равно, лишь бы они были благопріятны для товарища.» Во время боя, крыло его дѣйствительно начало отступать. Тогда онъ, не теряя ни минуты, призвалъ верховнаго жреца—лицо долженствовавшее руководить церемоніей обреченія себя на жертву и сталъ готовиться къ смерти.

«Первосвященникъ приказалъ ему облечься въ консульское одѣяніе, покрыть голову тогой и подъ нею приложить руку къ подбородку; затѣмъ стать на копьѣ, положенное у его ногъ и произнести слѣдующую молитву: «О Янусъ, Юпитеръ, отецъ нашъ Марсъ, Квиринъ, Беллонъ, Лары, Новенбилскія ¹⁾ божества, боги моего народа, боги, въ рукахъ которыхъ мы и наши враги, вамъ я молюсь, передъ вами преклоняюсь, у васъ прошу отпущенія. Пошлите римскому народу, квиритамъ, побѣду и непреодолимую силу, поразите враговъ римлянъ-квиритовъ страхомъ, ужасомъ и смертью. Вмѣстѣ съ этой мольбой я обрекаю себя за народъ римскій, за войска, легіоны и союзниковъ народа Римскаго, а войска, легіоны и союзниковъ непріятели обрекаю вмѣстѣ съ собою тѣнямъ и землѣ.» Кончивъ молитву, Децій послалъ своихъ ликторовъ сказать Манлію, что обрекъ себя для спасенія войска. Затѣмъ стянулъ свою одежду вокругъ пояса, вскочилъ на коня и кинулся въ самую сере-

¹⁾ Они не извѣстны.

дину непріятеля. Оба войска увидали въ немъ нѣчто сверхестественное; онъ казался сосудомъ, вмѣщавшемъ въ себѣ весь гнѣвъ небесный, орудіемъ, которое должно было обратить гибель на головы враговъ. Ужасъ овладѣлъ сначала передними рядами латиновъ и постепенно распространился во всей массѣ войска. Гдѣ показывался Децій, тамъ люди дрожали какъ пораженные громомъ—(VIII. 9).

Военная хитрость втораго консула — который вывелъ въ бой ветерановъ на послѣдяхъ, — довершила побѣду, начатую паническимъ страхомъ. «Мы находимъ у нѣкоторыхъ писателей, — замѣчаетъ Ливій, — что самниты, выжидавшіе какой оборотъ приметъ дѣло, двинулись на помощь римлянамъ, когда увидали, что побѣда остается за ними. ¹⁾ Едва ли четвертая часть непріятельскаго войска уцѣлѣла въ рѣзнь; лагерь латиновъ былъ взятъ и могущество ихъ окончательно уничтожено. Имъ удалось собрать новое войско лишь для новаго пораженія. Многіе латинскіе города сдались безъ боя; вскорѣ покорилась и вся страна. Послѣ трехлѣтней войны — самой продолжительной изъ всѣхъ предпринятыхъ дотогѣ римлянами — могущественная Латинская федерація пала безвозвратно.» Условія договора съ латинскими городами клонились

¹⁾ Нѣтъ самнитскихъ историковъ для подтвержденія этого событія и нѣтъ римскаго историка, который отнесся бы къ дѣлу безпристрастно. Удивляться этому нельзя: Еслибы мы основывались на однихъ англійскихъ источникахъ, то конечно не знали бы о степени участія пруссаковъ въ побѣдѣ при Ватерлоо.» (Arnold).

къ тому, чтобы по возможности изолировать ихъ другъ отъ друга и предупредить на будущее время возможность союзовъ между ними. Римляне и латины слились теперь въ одно государство.

По истеченіи срока службы въ консульскомъ санѣ, Манлій былъ почтенъ вполне заслуженнымъ триумфомъ. Но въ послѣднемъ была и своя темная сторона. «Только пожилые люди вышли ему на встрѣчу. Молодежь отказалась участвовать въ триумфѣ и въ теченіи всей его жизни относилась къ нему съ ненавистью и омерзеніемъ.»

Таково краткое, но краснорѣчивое замѣчаніе историка. Молодое поколѣніе очевидно не могло забыть жестокаго приговора Манлія надъ сыномъ.

ГЛАВА VI.

РИМЛЯНЕ ДѢЛАЮТСЯ ВЛАДЫКАМИ ИТАЛІИ.

(Кн. VIII—X; 327—290 до Р. X.)

Римляне и самниты были сосѣдями слишкомъ воинственными, а быть можетъ и слишкомъ честолюбивыми, чтобы долго оставаться въ мирѣ между собою. Когда война съ латинами была окончена и взаимная помощь сдѣлалась не нужной, оба народа стали ревниво слѣдить другъ за другомъ. Самниты отняли у вольсковъ городъ Фрагеллы и разрушили его; вскорѣ затѣмъ римляне отправили туда свою колонию, такъ какъ для нихъ было важно занять этотъ выгодный пунктъ, хотя въ сущности такая мѣра была захватомъ чужаго владѣнія. Съ другой стороны самнитовъ обвиняли въ томъ, что они возстановляютъ противъ Рима, тайно или явно, нѣкоторыя изъ мелкихъ дружественныхъ государствъ. Война стала наконецъ неизбѣжной и оба народа были готовы къ ней.

Первое сколько нибудь серьезное столкновение окончилось побѣдой, одержанной римлянами при довольно

замѣчательныхъ обстоятельствахъ. Папирій Курсоръ, избранный диктаторомъ на время войны, строго приказалъ начальнику конницы—Фабію—не вступать съ непріателемъ въ бой до его прибытія. Но искушеніе оказалось выше силъ Фабія; онъ далъ сраженіе самнитамъ и разбилъ ихъ хотя и съ большимъ урономъ для себя. Диктаторъ, прибывъ къ войску, приговорилъ его къ смерти за нарушеніе приказанія. Войска взволновались почти до явнаго мятежа; диктаторъ упорствовалъ и исторія Манлія должна была повидимому повториться съ крайне опасными результатами. Фабій убѣждалъ въ Римъ. Здѣсь его престарѣлый отецъ просилъ защиты народныхъ трибуновъ, но даже они не рѣшились поднять голоса противъ приговора диктатора. Только когда сенатъ и народъ, соединявшіеся вмѣстѣ, стали просить пощады виновнаго какъ личной милости, Папирій наконецъ смягчился, Фабій былъ выбранъ въ консулы на слѣдующій годъ и послѣ перемирія, нарушеннаго самнитами, по мнѣнію Ливія, разбилъ ихъ окончательно и заставилъ сдаться на крайне унижительныхъ условіяхъ. Они предложили между прочимъ выдать римлянамъ одного изъ своихъ полководцевъ, бывшаго по ихъ мнѣнію зачинщикомъ въ дѣлѣ, которое они сами признавали теперь «вѣроломнымъ нарушеніемъ даннаго слова.» Воинъ этотъ спасся отъ мщенія римлянъ самоубійствомъ.

Въ слѣдующемъ году выступаетъ на сцену чело-

вѣкъ, прозванный Самнитскимъ Ианнибаломъ—Понтій Телезинскій. Ему принадлежитъ искусный планъ, пагубный для римлянъ и кончившійся такъ называемымъ Кавдинскимъ миромъ. Нашъ историкъ, который вообще несчастливъ въ военной географіи, не пытается въ этомъ случаѣ представить намъ планъ похода. Мы узнаемъ только, что римляне, вслѣдствіе ложныхъ указаній, попали въ опасный горный проходъ въ Апенниннахъ, извѣстный подъ именемъ Кавдинскихъ Фуркулъ, гдѣ непріятель устроилъ имъ засаду и откуда не было выхода ни впередъ ни назадъ. ¹⁾ Послѣ двухъ или трехъ отчаянныхъ попытокъ пробиться, римляне, видя передъ собой голодную смерть, сдались безусловно. Самниты были въ нерѣшительности какъ всего лучше воспользоваться своей побѣдой. Они послали спросить совѣта у Гереннія, отца ихъ полководца, слышавшаго за мудрѣйшаго человѣка своего племени. Первый совѣтъ старца состоялъ въ томъ, чтобы отпустить всѣхъ плѣнныхъ домой, не причинивъ имъ никакого зла. Когда же этотъ совѣтъ былъ единогласно отвергнутъ, то онъ предложилъ убить всѣхъ до послѣдняго. Эту Макиавеллевскую альтернативу онъ объяснялъ тѣмъ, что съ такимъ могущественнымъ врагомъ какъ Римъ можно, ничего не рискуя, пус-

¹⁾ Указать мѣста съ увѣренностью нельзя. Нибуръ и Арнольдъ полагаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о долиинѣ между Аріенцо и Архаіей, по пути отъ Неаполя въ Беневентъ.

тить въ ходъ самое безграничное великодушiе, если нельзя поразить его ударомъ, который парализоваль бы его силы на нѣсколько поколѣнiй. Самниты не последовали ни одному изъ совѣтовъ старца. Римлянамъ была обѣщана жизнь подь условiемъ отдать неприятелю все оружье, пройти подь ярмомъ и очистить самнитскую землю. Кромѣ того они должны были дать заложниковъ до того времени, пока не удалятъ своихъ военныхъ поселенiй, а также въ видѣ ручательства за сохраненiе мира на будущее время. Войско, говоря, громко возставало противъ такихъ унижительныхъ условiй и порицало консуловъ. Лентуль, одинъ изъ главныхъ легатовъ, убѣждалъ солдатъ языкомъ, не лишеннымъ своеобразнаго благородства, что жизнь ихъ нужна Риму и что слѣдуетъ сносить даже униженiя, изъ любви къ родинѣ.

«Пока войско разсуждало такимъ образомъ о своей участи, роковой часъ позора приближался и ужасъ его далеко превзошелъ всѣ ожиданiя. Во первыхъ воинамъ было приказано выступить впередъ безоружными и въ одной нижней одеждѣ; между ними выбрали заложниковъ и отвели подь стражу. Затѣмъ ликторы получили приказанiе оставить своихъ консуловъ, съ которыхъ сняли военные плащи. Церемонiя эта наполнила сердца зрителей таюй жалостью, что солдаты незадолго передъ тѣмъ проклинавшiе консуловъ и хотѣвшiе растерзать ихъ, позабыли собственные страданiя и отворачивали лицо, чтобы не видѣть униженiя своихъ начальниковъ. Консулы, раздѣтые почти до нага, должны были пройти подь ярмомъ; по-

томъ тому же униженію подвергли всѣхъ офицеровъ, начиная съ высшихъ, наконецъ очередь дошла и до солдатъ. Непріятельское войско, въ полномъ вооруженіи, стояло кругомъ, смѣясь и издѣваясь надъ римлянами. Нѣкоторые самниты замахивались надъ ними мечами и многіе римляне, негодующіе взгляды которыхъ оскорбляли побѣдителей, были ранены или даже убиты такимъ образомъ». (IX. 6, 7).

Римляне отправились въ Кануу, гдѣ ихъ приняли сочувственно. Отсюда они отдѣльными кучками вернулись въ Римъ, пробираясь тайкомъ, въ ночной темнотѣ, точно преступники, и скрываясь въ теченіи нѣсколькихъ дней отъ глазъ негодующихъ согражданъ. Консулы молча сложили съ себя прежній санъ и въ Римѣ былъ снова избранъ Диктаторъ.

Условія договора были позорнымъ образомъ нарушены римлянами. Даже Ливій не можетъ оправдывать или даже извинять ихъ поступковъ. Договоръ, заключенный—по собственному признанію нашего историка—римскими консулами и трибунами, былъ объявленъ несогласнымъ съ волей римскаго народа. Постумій, говорятъ, вернулся къ самнитамъ и отдалъ себя и своихъ офицеровъ въ руки враговъ, признавая себя виновнымъ въ заключеніи условій, которыя римляне отказались принять, но даже такой подвигъ самоотверженія не могъ смыть съ народа пятна нарушенія даннаго слова. Единственный честный образъ дѣйствія, предложенный двумя изъ трибуновъ, состо-

ялъ въ востановленіи во всѣхъ пунктахъ status quo въ Кавдинскомъ ущелии до сдачи; но предложеніе это отказались даже выслушать въ сенатѣ.

Самнитскій полководецъ отнесся къ нарушенію договора съ благороднымъ негодованіемъ. Онъ отказался принять людей, обрекавшихъ себя въ жертву для удовлетворенія справедливости. Когда же консулъ Постумій съ грубой наивностью заявилъ, что выдавъ себу перемѣнилъ національность и въ доказательство ударилъ римскаго посла, сказавъ, что такое оскорбленіе со стороны «самнита» даетъ римлянамъ право немедленно начать войну — Понтій выразилъ одно только презрѣніе къ подобной уловкѣ.

«Это насмѣшка надъ совѣстью, недостойная ребенка, а тѣмъ болѣе старѣйшинъ и правителей великаго государства» сказалъ онъ и призвалъ боговъ войны для отмщенія за измѣну римлянъ.

Но боги не услышали его. Хотя самниты возобновили враждебныя дѣйствія и продолжали борьбу цѣлыхъ двадцать три года и хотя герники воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы подняться противъ Рима—общій результатъ, (не смотря на случайныя пораженія) былъ все таки въ пользу Рима. Самъ Ливій сознается, что анналы этого времени представляютъ страшную путаницу и здѣсь было бы неумѣстно подвергать ихъ критикѣ. Изъ одного разсказа, имѣющаго впрочемъ всѣ признаки вымысла, выходитъ, что въ первый же годъ возобновленія войны, самнитскій

полководец Понтій Телезинскій со все́мъ войскомъ былъ въ свою очередь принужденъ пройти подъ ярмомъ и что въ этой же битвѣ возвращены все знамена и оружіе, захваченныя у римлянъ въ Кавдинскомъ ущельи. Побѣду приписываютъ Папирію Курсору, тогдашнему консулу. Герой этотъ, прославившійся столько же быстротою ногъ (отсюда его прозвище *Cursor*) и физической силой, сколько способностью ѣсть и пить, напоминаетъ нѣкоторыхъ рыцарей Круглаго Стола. Ливій полагаетъ, что Александръ Македонскій, еслибы онъ послѣ покоренія Азіи обратилъ оружіе на Европу, могъ бы найти достойнаго соперника въ великомъ Римскомъ Диктаторѣ. Во всякомъ случаѣ, благодаря Папирію, счастье наконецъ повернуло снова на сторону Рима въ эту вторую Самнитскую войну. Побѣда была рѣшительная, но мѣсто ея осталось неизвѣстнымъ. Триумфъ, которымъ почтили Папирія, надолго сохранился въ памяти народа по своему великолѣпію; роскошное вооруженіе, украшенное золотомъ и серебромъ, позолоченныя щиты и блестящія одежды, снятыя съ самнитскихъ воиновъ, и преимущественно съ ихъ «священнаго легіона», представляли зрѣлище невиданное до тѣхъ поръ въ Римѣ. Щиты долго потомъ служили для украшенія фोरума въ торжественныхъ случаяхъ. Война тянулась впрочемъ еще года четыре и заключилась новымъ поражениемъ самнитовъ при Бовіанѣ, гдѣ полководецъ ихъ

Статій Гелій съ многочисленнымъ войскомъ попали въ плѣнъ. Самниты были вынуждены просить мира.

Въ періодъ второй самнитской войны нашъ историкъ отмѣтилъ нѣсколько событій во внутренней жизни государства, вполне достойныхъ вниманія. Одно изъ нихъ въ особенности справедливо названо имъ «вторымъ шагомъ къ свободѣ.» То былъ законъ, воспрещавшій заключать въ тюрьму за долги. Осуществленіемъ своимъ законъ этотъ обязанъ народному негодованію по поводу возмутительной жестокости одного изъ Папіріевъ (семейство это отмѣчалось вообще сильными страстями) къ несостоятельному должнику; но очевидно, что фактъ, о которомъ упоминаетъ Ливій, былъ только непосредственнымъ предлогомъ для заявленія давно задуманнаго плана. Членъ другаго знатнаго семейства, Анній Клавдій, «Слѣпой», внукъ Децемвира, прославился за это время не однимъ подвигомъ. Свое имя онъ главнымъ образомъ увѣковѣчилъ величественными общественными сооруженіями, воздвигнутыми во время его цензорства и консульства. Онъ построилъ первый изъ тѣхъ колоссальныхъ водопроводовъ, развалины которыхъ до сихъ поръ возбуждаютъ наше удивленіе, и еще болѣе извѣстную дорогу, соединяющую Римъ съ Капуей, и носящую имя Анніевой дороги. Такихъ грандіозныхъ работъ не видывали со времени этрусскихъ построекъ, приписываемыхъ Тарквиніямъ. Діодоръ гово-

рить, что онѣ поглотили все римскіе доходы; Нибуръ полагаетъ, что пришлось пожертвовать частью государственныхъ земель для покрытія расходовъ по нимъ. Но сооруженія эти не были результатомъ принудительной работы римской черни — обстоятельство, сдѣлавшее постройки «Тирановъ» ненавистными въ народѣ; всего вѣроятнѣе, что онѣ служили средствомъ занять массу самнитовъ и другихъ плѣнниковъ и потому представляли сравнительно небольшой расходъ для государства. Анпій, достигнувъ власти, обнаружилъ гордый и высокомерный духъ своей семьи. Онъ оставался въ должности цензора—какъ бы издѣваясь надъ существовавшимъ закономъ на этотъ счетъ—все пять лѣтъ, составлявшихъ номинальный срокъ и оскорбилъ не только семейства древнихъ патриціевъ, но и представителей умѣренной партіи, включивъ въ списокъ сенаторовъ людей, неимѣвшихъ другихъ правъ на подобный почетъ, кромѣ богатства. Можно подозревать, что такой мѣрой онъ хотѣлъ привлечь этихъ людей на свою сторону. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ввелъ нѣкоторыя популярныя мѣры, имѣвшія по всей вѣроятности ту же цѣль. Такъ, онъ заставилъ обнародовать родъ календаря, заключавшаго въ себѣ рубрики понтификальных законовъ относительно дней, въ которые было запрещено заниматься дѣлами; въ прежнее время за свѣдѣніями этого рода приходилось обращаться въ «коллегии» понтификовъ и авгуровъ,

принадлежавшихъ исключительно къ сословію патриціевъ. Нѣсколько лѣтъ спустя появился законъ (Огульнiевъ), открывавшій эти коллегіи для плебеевъ и уничтожавшій еще одну изъ немногихъ остававшихся привилегій этого учрежденія—на этотъ разъ чисто религіознаго свойства. Въ томъ же году былъ формально введенъ въ дѣйствіе законъ Валерія, дававшій право апелляціи къ народу, но почему то до сихъ поръ не примѣнявшійся на практикѣ.

Эквы, не тревожившіе Рима со времени вторженія галловъ, присоединились въ послѣднюю войну къ самнитамъ и навлекли на себя гнѣвъ римлянъ. Послѣ пораженія самнитовъ, они стояли одни и конечно не могли состязаться съ могущественными сосѣдями. Въ пятьдесятъ дней, рассказываетъ нашъ историкъ, консулы взяли у нихъ болѣе сорока городовъ и «самое имя ихъ стерли съ лица земли.» Тѣмъ не менѣе они все еще сохранили настолько силъ, чтобы время отъ времени заявлять о своемъ существованіи мятежами. «Маловажный походъ» противъ Умбрійскихъ разбойниковъ (такъ ихъ называетъ Ливій), которыхъ тоже нужно было за что-то наказать, окончился ихъ пораженіемъ и захватомъ 2000 плѣнныхъ; всѣ они, съ жестокостью обычной въ тѣ времена, были брошены въ подземелье и задушены тамъ помощью дыма.

Сверхъ того у римлянъ были небольшія столкно-

венія съ марсіянами и этрусками, а борьба съ послѣдними послужила поводомъ къ третьей и послѣдней самнитской войнѣ. Надежды самнитовъ на успѣхъ были возбуждены новымъ вторженіемъ галловъ въ Этрурію. Говорятъ, что этруски, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру римлянъ, откупились отъ нихъ большой суммой денегъ и въ добавокъ заручились ихъ помощью противъ Рима ¹⁾. Вѣрно во всякомъ случаѣ, что галлы стали угрожать Риму и что самниты воспользовались удобнымъ случаемъ для образованія сильной коалиціи противъ него. Сами они распространили свои завоеванія до Луканіи, откуда были отправлены въ Римъ послы съ просьбой о помощи. Самниты высокомерно отказались выслушать увѣщанія римлянъ или отозвать свои войска, вслѣдствіе чего объявили имъ войну.

Повѣтствованіе о послѣдовавшемъ затѣмъ походѣ, во время котораго военачальникомъ былъ консулъ Сципіонъ—первый Сципіонъ, имя котораго мы встрѣчаемъ на страницахъ исторіи—далеко не ясно и не удовлетворительно. Во всякомъ случаѣ можно однако видѣть, что не смотря на всѣ побѣды, о которыхъ упоминаетъ Ливій, римлянамъ приходилось плохо, такъ какъ они обратились къ старику Квинту Фабію съ просьбой принять на себя консульское званіе, отъ

¹⁾ Полибій расходится съ Ливіемъ въ этомъ разсказѣ о договорѣ съ галлами.

котораго онъ упорно отказывался. Но тутъ Этрурія начала колебаться и заговаривать о мирѣ; оба консула прошли побѣднымъ шествіемъ черезъ страну самнитовъ, истребляя все мечемъ и огнемъ на своемъ пути. Снова показались въ Этрурії галлы — купленные этрусскимъ золотомъ, рассказываетъ Ливій — и самнитскій полководецъ (второй изъ рода Гелліевъ) принялъ смѣлое рѣшеніе оставить свою страну въ ея отчаянномъ положеніи и направиться въ Этрурію, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ, подкрѣпленнымъ многочисленнымъ войскомъ, удержать ее отъ уступокъ. Недостатокъ военнаго образованія у Ливія не позволилъ ему оцѣнить все значеніе этого ловкаго маневра. Въ то время какъ консулы со всемъ римскимъ войскомъ шли въ Этрурію на встрѣчу Геллію, другая самнитская армія вторглась въ Кампанію и опустошила земли, принадлежавшія Риму. Римъ пришелъ въ смятеніе и ужасъ, какого не испытывалъ со времени вторженія галловъ; опасность положенія увеличивалась еще личной враждой между консулами. Впрочемъ такъ или иначе самниты были остановлены; и хотя нельзя вполне довѣряться описанію двухъ великихъ побѣдъ, одержанныхъ будто-бы римлянами, успѣхъ былъ во всякомъ случаѣ достаточенъ для обезпеченія ихъ спокойствія. ¹⁾ Союзники, которыхъ не

¹⁾ Ливій говоритъ, что при второй изъ этихъ побѣдъ римляне убили 6000 непріятелей, взяли въ плѣнь 2500

соединяли никакіе общіе интересы, кромѣ вражды въ Риму, векорѣ разошлись; этруски и умбрійцы предпочли идти защищать собственную страну, самниты и галлы отказались отъ плана нападенія на Римъ и отступили въ Апеннинамъ, куда за ними послѣдовали и оба консула съ своими легіонами.

Они сразились у Сентина. Фабій командовалъ правымъ крыломъ, противъ самнитовъ; Децій — лѣвымъ противъ галловъ. Послѣдній долженъ былъ признать, что съ ними также трудно имѣть дѣло какъ и съ ихъ предками. Видя, что пѣхота гнется, онъ два раза бросался на непріятеля во главѣ конницы и наконецъ заставилъ галловъ податься. Но въ то время какъ римляне скакали впередъ, имъ готовилась встрѣча съ новымъ и страшнымъ врагомъ—вооруженными колесницами галловъ. Видъ ихъ и стукъ колесъ испугалъ римскихъ коней; паника охватила ряды всадниковъ; они повернули и бросились бѣжать, сообщая ужасъ и смятеніе остальной массѣ войска. Сраженіе на лѣвомъ крылѣ казалось безнадежно потеряннымъ.

Тогда Децій, старавшійся отчаянными усиліями личной храбрости остановить своихъ, вспомнилъ о геройскомъ подвигѣ своегоотца. Удѣлъ нашего рода, сказалъ онъ съ гордымъ достоинствомъ, жертвовать жизнью

и возвратили 7400 человекъ своихъ, захваченныхъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Это оказывается уже черезъ чуръ преувеличеннымъ.

для спасенія родины» и по примѣру отца, призвалъ верховнаго жреца для совершенія церемоніи обреченія. Повторивъ обычную формулу, онъ добавилъ отъ себя страшное проклятіе:

«Посылаю передъ собой, куда я иду, страхъ и бѣгство, кровь и убійство, проклятіе небесныхъ боговъ и боговъ подземныхъ. Вмѣстѣ съ собой обрекаю на гибель знамена, оружіе, доспѣхи враговъ. Пусть самнитовъ и галовъ постигнетъ моя судьба.»

Затѣмъ, завернувшись въ плащъ, бросился въ самую густую толпу непріятелей и палъ, покрытый ранами. Но даже вся вѣра римскихъ легионовъ въ чудесную силу такого геройскаго самопожертвованія не могла согнуть стойкіе ряды галловъ; не подоспѣй въ эту минуту другой консулъ на подкрѣпленіе лѣваго крыла, римляне были бы разбиты на голову. Но по счастью Фабій, опрокинувъ самнитовъ послѣ отчаяннаго боя и прослѣдуя ихъ къ лагерю, замѣтилъ отчаянное положеніе лѣваго фланга и немедленно отрядилъ часть своей пѣхоты и конницы атаковать галловъ съ тыла. Вскорѣ была одержана полная побѣда: самнитскій полководецъ палъ, защищая лагерь, и его войска, отступая въ стройномъ порядкѣ, покинули наконецъ залитое кровью поле битвы. Нашъ историкъ опредѣляетъ число убитыхъ у непріятеля въ 25,000 чел.; въ плѣнъ было взято 8000. Цифры эти можетъ быть не преувеличены, такъ какъ Ливій допускаетъ, что

римляне потеряли убитыми 8200; 7000 чел., на одномъ лѣвомъ флангѣ, которымъ командовалъ Децій.

Это была дѣйствительно великая побѣда, купленная дорогой цѣной. И хотя самниты мужественно боролись еще цѣлыхъ два года, усилія ихъ, даже имъ самимъ, должны были казаться безнадежными. Торжественныя приготовленія къ послѣднему ихъ походу показываютъ, что они сознательно ставили послѣднюю ставку. Новый общій наборъ въ Самниумѣ призывалъ на службу всѣхъ способныхъ носить оружіе, подѣ страхомъ смертной казни. Кромѣ того однимъ престарѣлымъ жрецомъ былъ возобновленъ древній и таинственный обрядъ, который онъ прочелъ на старинномъ полотняномъ сверткѣ. Каждый воинъ, «точно жертва, ведомая на закланіе», подводился къ алтарю и долженъ былъ дать жертвенную клятву въ безусловной вѣрности своимъ начальникамъ, на жизнь и смерть, и въ готовности убить cadaго товарища, который покинетъ ряды. Нѣсколько солдатъ, отказавшихся произнести этотъ обѣтъ, были казнены тутъ-же на мѣстѣ и остальные должны были давать присягу надъ ихъ безжизненными тѣлами. Такимъ образомъ составилъ избранный 16,000-ый легіонъ; каждый воинъ, послѣ первыхъ десяти, выбиралъ себѣ товарища, пока число не было полно. Легіонъ этотъ, по своей бѣлой одеждѣ былъ извѣстенъ подѣ именемъ «полотнянаго легіона».

Ливій полагаетъ однако, что эта суровая клятва скорѣе запугала солдатъ, чѣмъ одушевила ихъ мужествомъ для боя. Они сражались, говоритъ онъ, главнымъ образомъ потому, что боялись убѣжать «и трепетали передъ своими товарищами болѣе нежели передъ непріятелемъ.» Ему пришлось занести на страницы исторіи новую побѣду римлянъ до окончанія послѣдней книги Первой Декады. Онъ заканчиваетъ ее прежде чѣмъ «Самнитскій Ганнибалъ» вновь появляется на полѣ битвы (непонятно почему онъ такъ долго медлилъ); прежде чѣмъ Понтій Телезинскій, герой Кавдинскаго ущелья, повернулъ колесо военного счастья на время въ другую сторону и разбилъ Римскаго консула, хотя затѣмъ онъ въ свою очередь потерпѣлъ поражение отъ Фабіевъ, отца съ сыномъ, и потерявъ 20,000 чел., былъ отведенъ плѣнникомъ въ Римъ, чѣмъ и окончилась великая самнитская война. Всего этого нѣтъ на страницахъ Ливія, но съ другой стороны мы избавлены и отъ описанія того, какъ римляне, къ вѣчному своему позору, ввели въ городъ Понтія, обременнаго цѣпями для украшенія триумфа побѣдителей, и въ тотъ же день отрубили голову самнитскаго героя въ подземельяхъ Капитолія.

ГЛАВА VII.

Утраченная Декада.

(294—219 до Р. X.)

Вторая Декада Лѣтописи Ливія, отъ одиннадцатой до двадцатой книги, потеряна и оставляетъ пробѣлъ въ семьдесятъ пять лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени Римъ уничтожилъ послѣднихъ противниковъ своего владычества въ Италиі, нѣсколько разъ пробовалъ свои силы противъ иноземныхъ враговъ и получилъ страсть къ завоеваніямъ. Городъ Тарентъ попытался избѣгнуть участи другихъ сосѣдей, призвавъ на помощь Пирра, Эпирскаго царя, который страстно желалъ сдѣлаться вторымъ Александромъ, и потому съ радостью воспользовался случаемъ перевести свое войско въ Италию. Такимъ образомъ, Римъ и Греція въ первый разъ встрѣтились съ оружіемъ въ рукахъ. Искусство Пирра, какъ полководца, тактика македонскихъ фалангъ, не извѣстная римлянамъ, ужасъ и смятеніе, которое распространяли слоны—все это вмѣстѣ дало пришельцамъ двѣ рѣшительныя побѣды и

Римъ еще никогда не находился въ большей опасности. Но вскорѣ Пирру пришлось покинуть Италию, послѣ пораженія при Беневентѣ, 275 до Р. Х., и тарентинцы дорого заплатились за иноземную помощь. Послѣ этого мелкія государства окончательно покорились и въ 266 году до Р. Х. римляне сдѣлались безспорными владыками Италиі.

Тогда для Рима открылось новое поприще. Ему захотѣлось вмѣшаться въ дѣла Сициліи, гдѣ каррагеняне приобрѣли слишкомъ большое могущество, чтобы не возбуждать зависти. Каррагенъ былъ самой цвѣтущей изъ всеѣхъ Финикійскихъ колоній и сдѣлался столицей Ливіи. Торговые корабли его, съ предприимчивостью свойственной этому племени, плавали вдоль береговъ Средиземнаго моря, доходя до Корнуэля или даже Балтійскаго моря въ одномъ направленіи, до Сіерра Леоне въ другомъ, и основывали колоніи вездѣ, гдѣ это казалось удобнымъ для торговыхъ цѣлей. У каррагенянъ были богатые серебряные рудники въ Испаніи, они владѣли всеѣмъ пространствомъ земли, называемымъ теперь Андалузіей и Гренадой, заняли всю Сардинію, Корсику, Балеарскіе острова, распространили свои колоніи по берегамъ Сициліи и помышляли о занятіи всего острова. Толпа пиратовъ-авантюристовъ, называвшихъ себя Мамертинцами (дѣтьми Мамерса или Марса), поселилась въ Мессанѣ, откуда хотѣлъ ихъ вытѣснить Геронъ, который изъ про-

стаго солдата, сражавшагося подъ начальствомъ Пирра, сдѣлался царемъ Сиракузскимъ. Сиракузы обратились за помощью къ Риму, по ихъ словамъ имъ оставалось только выбирать между Римомъ и Карфагеномъ; римлянамъ же угрожала большая опасность, если они потерпятъ, чтобы Карфагенскій флотъ свободно плавалъ въ виду Италіи. Римлянъ не трудно было убѣдить; въ добавокъ, во время ихъ сборовъ въ дѣло вмѣшались карфагеняне, устроили соглашеніе между Герономъ и Мамертицами и заняли Мессанскую гавань. Столкновение стало неизбѣжнымъ. Хотя Геронъ сначала и былъ на сторонѣ Карфагена, но военные успѣхи римлянъ заставили его вскорѣ измѣнить политику и сдѣлаться постояннымъ и вѣрнымъ союзникомъ Рима.

Оба народа, которые теперь въ первый разъ встрѣчались на боевомъ полѣ, представляли много рѣзкихъ національныхъ различій. Римляне, закаленные въ битвахъ, были незнакомы съ моремъ. Карфагеняне съ другой стороны были рождены и воспитаны на морѣ и военная служба въ полѣ не соотвѣтствовала ни ихъ привычкамъ, ни ихъ вкусамъ. Потому они предпочли взять наемныя войска изъ Испаніи и Африки. Прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ прежде чѣмъ ихъ великій полководецъ Гамилькаръ Баркасъ могъ вывести въ поле пѣхотное войско, способное противостоятъ римскимъ легионамъ; римлянамъ въ свою очередь нужно было

взять за образецъ Карфагенскія военныя суда, чтобы имѣть возможность выставить собственный флотъ противъ непріятельскаго съ какими бы то ни было шансами на успѣхъ. Говорятъ, что черезъ два мѣсяца они успѣли построить и спустить сто военныхъ кораблей по новому образцу. Получивъ возможность помѣриться съ Карфагеномъ и на морѣ, римляне распространили театръ войны до самой Африки и послѣ двадцатитрехлѣтней борьбы овладѣли наконецъ Сициліей вслѣдъ за рѣшительной морской побѣдой при Эготскихъ островахъ. Этотъ періодъ извѣстенъ подъ именемъ первой Пунической войны ¹⁾). Возстаніе, вспыхнувшее въ Сардиніи, въ то самое время какъ карфагеняне были заняты подавленіемъ мятежа среди наемныхъ войскъ, открыло римлянамъ удобный случай взять островъ подъ свое покровительство, и вскорѣ за Сардиніей послѣдовала Корсика; Нибуръ называетъ этотъ захватъ «одной изъ возмутительнѣйшихъ несправедливостей въ исторіи Рима.» Нельзя было ожидать, чтобы карфагеняне отнеслись спокойно къ взятію ихъ лучшихъ провинцій. Но въ данную минуту они были слишкомъ слабы для сопротивленія, и потому выжидали удобнаго случая. Когда пробилъ часъ и явился нужный человѣкъ, началась вторая Пуническая война.

Нашъ историкъ стоитъ теперь на болѣе твердой

¹⁾ Римляне называли финикіянь „Пунами“, откуда и произошло прилагательное „Пуническая“.

почвѣ и можетъ опираться на болѣе вѣрныя авторитеты. Въ эту войну былъ взятъ въ плѣнъ Цинцій Алиментъ, римскій сенаторъ, который успѣлъ даже сблизиться съ великимъ карфагенскимъ вождемъ въ бытность въ его станѣ и написалъ впоследствии римскую исторію на греческомъ языкѣ; Ливій не разъ ссылается на нее съ похвалою. Фабій Пикторъ тоже пріобрѣтаетъ съ этихъ поръ значеніе современнаго авторитета, такъ какъ участвовалъ въ походахъ противъ карфагенянь. Но нашъ лѣтописецъ главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, руководится позднѣйшей исторіей Полибія, который родился лѣтъ тридцать по окончаніи войны и могъ имѣть весьма точныя свѣдѣнія. Полибій вообще отличается здравымъ взглядомъ и безпристрастіемъ. Ливій, имѣвшій передъ глазами все его сочиненіе, (до насъ же дошло только пять книгъ) обязанъ этому историку гораздо больше, чѣмъ желаетъ въ этомъ сознаться, когда нѣсколько свысока называетъ его «авторитетомъ, которымъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ пренебрегать.»

ГЛАВА VIII.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО И КАННЫ.

(Бниги XXI—XXII. 218—216 до Р. X.)

Нашъ историкъ называетъ войну карфагенянь, подъ предводительствомъ Ганнибала, противъ римлянъ, «самой замѣчательной изъ всѣхъ когда либо бывшихъ.» Современные авторитеты согласны съ нимъ по крайней мѣрѣ относительно древней исторіи. «Это не была простая борьба, говорить Мишле, долженствовавшая рѣшить судьбу двухъ городовъ или двухъ государствъ; но борьба, отъ которой зависела участь двухъ человѣческихъ расъ; борьба, которая должна была рѣшить будетъ ли мѣръ принадлежать Индо-Германской или семитической семьѣ народовъ». «Никогда еще, — продолжаетъ Ливій, — не боролись два государства болѣе богатые военными средствами; оба были на верху могущества; оба знали военное искусство и тактику противника изъ опыта. вмѣстѣ съ тѣмъ военное счастье въ эту войну была такъ переменчиво, что сторона, одержавшая конечную побѣду, на-

ходилась одно время въ самой крайней опасности». Онъ прибавляетъ далѣе, что какъ ни велики были военныя силы съ обѣхъ сторонъ, взаимная вражда и ненависть были еще сильнѣе.»

Будущій герой этой войны съ раннихъ лѣтъ воспитывался въ духѣ вражды къ Риму. Отецъ его Гамилькаръ Баркасъ растилъ своихъ трехъ сыновей Ганнибала, Газдрубала и Магона какъ «трехъ львятъ», которые должны были питаться кровью Рима. Когда Гамилькара убили въ Испаніи, юный Ганнибалъ продолжалъ служить подъ начальствомъ его преемника Газдрубала, своего зятя. Вскорѣ Газдрубалъ погибъ отъ руки убійцы и Ганнибалъ былъ единогласно избранъ войскомъ и карфагенскимъ народомъ въ полководцы; вожаки противной партіи, которые старались поставить на его мѣсто другаго представителя могущественнаго рода Баркасовъ, грозившаго Карфагенамъ военнымъ деспотизмомъ, были принуждены уступить. Характеристика юнаго полководца и пріемъ оказанный ему войскомъ въ Испаніи одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ исторіи Ливія.

«Старымъ воинамъ казалось, что передъ ними стоитъ воскресшій Гамилькаръ. Они видѣли ту же рѣшимость въ лицѣ, тотъ же огонь въ глазахъ, тѣ же черты и тоже выраженіе. Въ самое короткое время Ганнибалъ такъ сумѣлъ расположить всѣхъ въ свою пользу, что память объ отцѣ стала играть самую незначительную роль въ его популярности. Не было челоуѣка, обладав-

шаго въ болѣе высокой степени двумя противоположными свойствами: умѣніемъ повелѣвать и повиноваться. Трудно было поэтому рѣшить, чья любовь къ нему была сильнѣе—любовь начальниковъ или солдатъ. Когда предстояло трудное или опасное предпріятіе Газдрубалъ посылалъ Ганнибала; и ни одному изъ офицеровъ солдаты не довѣрялись болѣе слѣпо и не повиновались съ большей охотой. Съ геройской храбростью шелъ онъ на встрѣчу опасности и въ самомъ разгарѣ ея сохранялъ благоразуміе и присутствіе духа. Никакіе труды не могли утомить его физически или нравственно. Онъ выносилъ одинаково спокойно холодъ и зной; ѣлъ и пилъ сколько ему было нужно, а не ради удовольствія; спалъ или не спалъ, смотря по необходимости, и не по времени дня или ночи. Онъ отдавалъ покою только часы свободные отъ работы; но и тутъ не искалъ мягкаго ложа или тишины. Не разъ видѣли, какъ онъ, завернувшись въ плащъ, спалъ на землѣ вмѣстѣ съ часовыми или солдатами на посту. Въ одеждѣ Ганнибалъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ молодыхъ людей; только оружіе и боевой конь выдѣляли его изъ толпы. Въ цѣломъ войскѣ не было лучшаго солдата въ пѣшихъ или конныхъ рядахъ. Первый онъ шелъ въ дѣло и послѣдній отступалъ. Всѣ эти блестящія качества омрачались однако великими пороками. Ганнибалъ былъ безчеловѣчно-жестокъ и превосходилъ въ роломствомъ даже своихъ соотечественниковъ; онъ не зналъ ни правды, ни уваженія или страха передъ богами, ни вѣрности данной клятвѣ. (XXI. 4.)

Таковъ былъ молодой полководецъ (въ это время онъ достигъ двадцатилѣтняго возраста), великій сынъ великаго отца, который шелъ противъ консуловъ и диктаторовъ Рима, цѣлыхъ семнадцать лѣтъ одер-

живалъ надъ ними побѣды и наконецъ самъ былъ побѣжденъ, скорѣе обстоятельствами, чѣмъ военнымъ превосходствомъ. Столкновеніе между Римомъ и Картагеномъ произошло на спорной испанской землѣ. Явной причиной была осада Сагунта (теперешній Мурвiedро) Ганнибаломъ; по поводу ея возникъ вопросъ о томъ, лежитъ ли городъ въ предѣлахъ демаркаціонной линіи, установленной договоромъ между Римомъ и Картагеномъ въ Испаніи. Изъ Рима были отправлены послы сказать Ганнибалу, чтобы онъ оставилъ «римскихъ союзниковъ» въ покоѣ; когда же онъ отказался ихъ принять, то они, по смыслу своихъ инструкцій, немедленно отправились въ Картагенъ. Тамъ имъ тоже недали удовлетворительнаго отвѣта, а Ганнибалъ между тѣмъ все болѣе и болѣе тѣснилъ Сагунтъ. Не смотря на геройское сопротивленіе, продолжавшееся цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, (самъ Ганнибалъ былъ тяжело раненъ въ одной схваткѣ), городъ былъ взятъ приступомъ и всѣ жители преданы мечу. Старѣйшины Сагунта предпочли однако добровольную смерть: собравъ всѣ свои сокровища въ кучу на площади, они устроили погребальный костеръ и бросились въ пламя.

Негодованіе римлянъ не знало мѣры, тѣмъ болѣе что тутъ примѣшивалось недовольство собой за промедленіе. Они отправили новое посольство въ Картагенъ, требуя, чтобы сенатъ призналъ или отвергъ дѣйствія Ганнибала. Споры, возникшіе по этому поводу въ кар-

сагенскомъ сенатѣ были коротки, но жарки. Главный ораторъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Итакъ, перестаньте толковать о Сагунтѣ и Иберѣ и прямо выскажите то, что у васъ давно на умѣ. Тутъ римскій посолъ поднявъ полу своей тоги въ складку, сказавъ: «здѣсь мы вамъ приносимъ мѣръ или войну, выбирайте». Въ отвѣтъ на это ему закричали «давайте, что хотите! намъ все равно». Посолъ, развернувъ тогу, сказалъ «даю войну». Всѣ отвѣчали, что принимаютъ ее охотно и будутъ вести борьбу съ той же готовностью съ какой приняли вызовъ».

Римскіе послы поплыли въ Испанію, чтобы, не теряя времени, расположить жителей въ свою пользу и отклонить возможно большее число племенъ отъ союза съ Карфагеномъ. Въ Испаніи они однако встрѣтили мало сочувствія. Одно племя посовѣтовало имъ искать союзниковъ въ такой мѣстности, гдѣ еще не слышали о томъ, какъ предательски они поступили относительно Сагунта. Тогда послы перебрались въ Галлію. Цѣлью ихъ было предотвратить, если возможно, движеніе Ганнибала черезъ эту страну въ Италію. Галлы отвѣтили, что они не видятъ причинъ обращать на себя оружіе карфагенянъ для спасенія Рима.

Ганнибалъ началъ приготовляться къ задуманному имъ походу. Оставивъ сильный гарнизонъ въ Сициліи, и назначивъ своего брата Газдрубала предводителемъ войска въ Испаніи, на время своего отсутствія, онъ двинулся къ Пиринеямъ. Съ нимъ было 90,000 пѣ-

хоты, 12,000 конницы, изъ африканцевъ и испанцевъ, и 37 слоновъ. За день до перехода черезъ Иберъ онъ имѣлъ сонъ или видѣніе.

«Ему представился воинъ божественной красоты, который сказалъ, что присланъ Юпитеромъ вести его въ Италію, если онъ согласится слѣдовать за нимъ, не отвращая отъ него взоровъ. Сначала Ганнибалъ, подъ вліяніемъ непонятнаго страха, слѣдовалъ за проводникомъ своимъ, не оглядываясь ни назадъ, ни въ сторону. Но потомъ внутренно подивился такому послушанію и по свойственному челоуѣку любопытству, захотѣлъ узнать почему ему не велѣно смотрѣть назадъ. Онъ оглянулся и увидалъ за собой громадную змѣю, которая ползла извиваясь и опрокидывая кусты и деревья на своемъ пути. За ней шла буря и гремѣлъ громъ. Онъ спросилъ, что это за чудовище и чего оно хочетъ отъ него и услышалъ голосъ говорившій: «это разореніе Италіи, — но нужно идти впередъ, не дѣлать вопросовъ и не пытаться поднимать завѣсу будущаго». (Кн. XXI, 22).

При помощи переговоровъ и подарковъ, Ганнибалу удалось обезнечить свободный проходъ для своихъ войскъ въ Галлію и разузнать всѣ подробности пути черезъ Альпы. Покоривъ племена, остававшіяся вѣрными римскому союзу по сю сторону Пиринеевъ, онъ оставилъ здѣсь Ганнопа съ сильнымъ войскомъ, самъ же перешелъ горы и переправился черезъ Рону, не смотря на нѣкоторое сопротивленіе галловъ на противоположномъ берегу. Со свойственной ему находчивостью онъ набралъ лодокъ у туземцевъ и заставилъ своихъ сол-

дать дѣлать грубые паромы для переправы. Слоны были перевезены на плотахъ, куда ихъ не трудно было заманить хитростью, которая до сихъ поръ употребляется въ Индіи—именно плоты покрыли землею и ввели самокъ первыми. У римлянъ было въ это время два войска въ полѣ, каждое подъ начальствомъ консула. Публий Сципіонъ командовалъ испанскимъ корпусомъ, а консулъ Семпроній былъ отправленъ въ Сицилію съ приказаніемъ переплыть въ Африку, если представится удобный случай. Сципіонъ прибылъ въ Марсель слишкомъ поздно для того, чтобы помѣшать переправѣ Ганнибала черезъ Рону и немогъ получить точныхъ свѣдѣній о движеніи его войска. Въ то время какъ главный корпусъ карфагенской арміи переправлялся черезъ рѣку, произошла небольшая стычка между нумидійской иррегулярной конницей и отрядомъ римскихъ всадниковъ. Ганнибалъ находился въ нерѣшительности, идти ли на встрѣчу римскому войску, о приближеніи котораго узналъ, или же продолжать свое движеніе въ Италію, когда прибытіе нѣсколькихъ старѣйшинъ отъ Бойевъ, племени Цизальпийскихъ галловъ, предложившихъ провести его черезъ Альпы, положило конецъ его колебаніямъ. Онъ рѣшился не тратить напрасно своихъ силъ въ сраженіи, но воспользоваться движеніемъ въ горы. Передъ выступленіемъ Ганнибалъ обратился къ войску съ рѣчью, выраженія которой вѣроятно отличались нѣсколько отъ

помѣщенныхъ у Ливіа, хотя общій смыслъ должно быть переданъ вѣрно. «Альпы,—говорилъ онъ имъ,—ворота Рима. Римъ уже былъ однажды взятъ галлами, тѣми самыми галлами, которыхъ они теперь такъ легко побили, ужели они позволятъ кому нибудь превзойти себя?»

Въ самомъ началѣ похода, карфагеняне потерпѣли неудачу, вслѣдствіе измѣны проводниковъ, присланныхъ отъ одного горнаго племени, и нѣкоторое время находились въ большой опасности. Они были со всѣхъ сторонъ окружены непріателемъ въ узкомъ ущельѣ; горцы тѣснили ихъ спереди и сзади и бросали цѣлый градъ камней съ вершинъ утесовъ. Обаяніе Ганнибала и тутъ поддержало духъ войска и оно пробило себѣ выходъ изъ горъ. Девять дней послѣ того какъ карфагеняне оставили равнину, Ганнибалъ могъ, съ вершины средняго гребня Альпъ, любоваться долинами Италиі. Но утомленное и полузамерзшее войско упало духомъ; въ довершеніе бѣды выпалъ глубокой снѣгъ и спускъ съ горъ оказался еще труднѣе подъема. Въ одномъ мѣстѣ большое пространство горной дороги было разрушено (вѣроятно лавиной) и пришлось остановиться для ея починки. Здѣсь мы встрѣчаемъ знакомый разсказъ о срываніи скалъ, т. е. о томъ какъ ихъ раскачивали большими кострами и затѣмъ поливали уксусомъ. Вьючный скотъ, и въ особенности слоны, сильно страдали отъ голода, пока удалось до-

браться до перваго пастбища. Ганнибалъ сдѣлалъ перекличку солдатамъ и нашелъ, что у него осталась едва половина войска, перешедшаго черезъ Иберъ.

Разсказъ о переходѣ Ганнибала черезъ Альпы крайне живописенъ у Ливія, но географическія данныя здѣсь крайне туманны; поневолѣ приходится подозрѣвать, что значительная доля подробностей принадлежитъ къ удачнымъ вымысламъ самаго автора. Онъ откровенно признается, что не знаетъ въ точности какимъ путемъ прошло ганнибалово войско, — т. е. прошло ли оно черезъ такъ называемый «Пеннинскій» проходъ или черезъ «Кремонскій.» Всего вѣроятнѣе однако, что карфагеняне шли черезъ малый С. Бернаръ, хотя находили нѣкоторыя указанія въ пользу Монъ-Сениса.

Между тѣмъ Сципіонъ, увидавъ, что ему не удалось остановить движеніе Ганнибала чрезъ Галлію, снова посадилъ свои легіоны на суда, готовясь встрѣтить непріятеля при его спускѣ въ равнины Пиемонта. Ставъ во главѣ войска, которое онъ нашелъ здѣсь подъ начальствомъ преторовъ, онъ переправился чрезъ По у Плаценціи, и бросился на встречу Ганнибала, въ свою очередь нетерпѣливо ожидавшаго его. Оба полководца, замѣчаетъ нашъ историкъ, были самаго высокаго мнѣнія другъ о другѣ. Онъ приводитъ длинныя рѣчи, сказанныя войскамъ съ той и другой стороны—пользуясь этимъ средствомъ, чтобы познакомить читателя съ чувствомъ, одушевлявшимъ обѣ враждующ-

щія стороны при началѣ военныхъ дѣйствій. Римскій полководецъ говорилъ своимъ солдатамъ, что непріятель, съ которымъ придется сражаться, уже знакомъ имъ по прежнимъ побѣдамъ. Кареагенъ не могъ конечно народить новое племя людей со времени послѣдней войны; кромѣ того непріятельское войско теперь утомлено переходомъ чрезъ Альпы и изнурено голодомъ. Наконецъ солдаты должны помнить, что они будутъ сражаться за спасеніе Рима: другой цѣпи горъ для защиты города нѣтъ; цѣлость и безопасность его въ ихъ рукахъ.

Кареагенскій вождь прибѣгнулъ къ довольно оригинальному способу для поднятія духа солдатъ. Онъ обѣщаль даровать жизнь и свободу всякому изъ захваченныхъ въ плѣнъ галловъ, кто захочетъ взять на себя роль гладіатора и вступить въ единоборство передъ кареагенскими рядами. Это зрѣлище, по его мнѣнію, должно было разшевелить страсти солдатъ и возбудить въ нихъ желаніе сражаться. Затѣмъ онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, выставляя на видъ вѣроломство и ненасытное властолюбіе Рима, противъ которыхъ необходимо было бороться изъ чувства самосохраненія; указалъ также на выгодное сравненіе между его боевой опытностью и добрымъ согласіемъ, существующимъ издавна между нимъ и солдатами, въ противуположность этому «шестимѣсячному» полководцу, посланному Римомъ противъ нихъ съ толпой неумѣлыхъ

новобранцевъ, для которыхъ онъ былъ почти совсѣмъ чужой.

Ихъ первымъ столкновеніемъ было кавалерійское сраженіе на берегахъ Тичина, гдѣ римляне были разбиты. Консулъ получилъ рану и былъ обязанъ, по словамъ нѣкоторыхъ, своимъ спасеніемъ одному рабу; но Ливій, вообще наклонный увлекаться въ поэтическую сторону, предпочитаетъ разсказъ, въ которомъ спасеніе приписывается сыну консула, извѣстному впоследствии подъ именемъ Сципіона «Африканскаго». Римскому войску пришлось переправляться обратно черезъ По ночью, разрушать мостъ—они дѣлали это съ такой поспѣшностью, что въ рукахъ непріятеля осталось шестьсотъ пѣнниковъ — и укрыться подъ стѣнами Плаценціа. Ганнибалъ, перейдя рѣку по плывучему мосту, погнался за непріятелемъ и настигъ его. Но консулъ все еще страдалъ отъ недавно полученной раны и не имѣлъ довѣрія къ своему войску. Сильный отрядъ союзныхъ галловъ успѣлъ уже оставить римскій лагерь и, умертвивъ часовыхъ, передаться Ганнибалу. Сципіонъ снова отступилъ подъ прикрытіемъ ночной темноты и остановился позади небольшой рѣки Требіа. Тутъ къ нему присоединился второй консулъ Семпроній, отозванный со всей поспѣшностью изъ Сициліи; онъ переправилъ свой корпусъ черезъ Мессинскій проливъ и въ сорокъ дней прошелъ по всей длинѣ Италіи. Такъ какъ его това-

рищъ былъ боленъ, Семпроній сдѣлался единственнымъ главнокомандующимъ и горѣлъ нетерпѣніемъ помѣряться силами съ молодымъ карфагенскимъ полководцемъ до истеченія своего срока службы. Нѣсколько незначительныхъ успѣховъ въ кавалерійскихъ стычкахъ внушили ему еще болѣе самонадѣянности и, вопреки совѣтамъ Сципіона, онъ рѣшился дать генеральное сраженіе карфагенянамъ. Для встрѣчи съ непріателемъ нужно было переправиться черезъ рѣку и Семпроній, пренебрегая всѣми мѣрами военной предусмотрительности, повелъ въ бой солдатъ, которые промокли, продрогли и не успѣли позавтракать. Однако не смотря на то, что римская конница на обоихъ крылахъ была вскорѣ опрокинута и обращена въ бѣгство слонами, необыкновенная стойкость легионовъ могла бы еще спасти честь этого дня, еслибы карфагеняне не прибѣгли къ военной хитрости. Сильный отрядъ конницы, искусно спрятанный въ засадѣ, внезапно ударилъ римлянамъ въ тылъ. Сраженіе было безвозвратно проиграно; однако сильный отрядъ римлянъ успѣлъ пробиться сквозь непріятельскіе ряды и добраться до Плаценціи, куда подъ покровомъ ночи прибылъ и Сципіонъ съ остатками разбитаго войска. Римляне рѣшились отступить, не теряя времени; Семпроній удалился въ Этрурію. Ганнибалъ, послѣ неудачной попытки перевалить черезъ Апеннины въ ненастную погоду, причемъ войску

его пришлось много выстрадать, рѣшился перезимовать въ Цизальпинской Галліи.

Согласно съ обычной военной политикой Рима, которая кажется намъ крайне нецѣлесообразной, начальство надъ войскомъ перешло въ слѣдующемъ году въ руки новыхъ консуловъ. Бѣдствія послѣдняго времени повергли Римъ въ крайнее уныніе. Новый наборъ къ веснѣ былъ необходимъ и состоялся съ большими жертвованіями. Ганнибалъ успѣлъ ранней весной перебраться черезъ Апеннины и прокладывалъ себѣ путь по Флорентійскимъ болотамъ, цѣной неимоверныхъ усилій и страданій для солдатъ и самаго себя. Онъ ѣхалъ на единственномъ слонѣ, пережившемъ Альпійскія и Апеннинскія невзгоды и лишившемъ одного глаза отъ воспаленія, которое могло быть слѣдствіемъ долгаго пребыванія на холодѣ, слишкомъ рѣзкомъ для его южной крови. Не смотря на это, картагеняне продолжали двигаться по направленію къ Этруріи, сжигая и истребляя все на своемъ пути.

Однимъ изъ новыхъ консуловъ былъ Фламиній, который въ прежнее время консульства укротилъ Цизальпинскихъ галловъ. Но на этотъ разъ и онъ оказался не счастливымъ своихъ предшественниковъ. Допустивъ Ганнибала напасть на римлянъ въ ущельи близъ Тразименскаго озера, ¹⁾ Фламиній потерпѣлъ жестокое

¹⁾ Близъ теперешняго мѣстечка Пассиньяно. Небольшая рѣчка Сангвинетто сохраняетъ до сихъ поръ воспоминаніе о кровопролитіи этого дня.

пораженіе. Густой туманъ, скрывшій непріятеля при его первомъ нападеніи, еще болѣе усилилъ смятеніе римлянъ. Ихъ авангардъ пробился сквозь непріятельскіе ряды лишь для того, чтобы на другой день сдаться конницѣ Магарбала. Самъ консулъ былъ убитъ и 15,000 его войска остались на полѣ битвы, или же были изрублены и смяты вполѣдствіи непріятельской конницей.

Ливій новидимому заимствовалъ свое описаніе сраженія при Тразименскомъ озерѣ и его результатахъ изъ исторіи Фабія Пиктора, который служилъ въ эту войну и быть можетъ принималъ участіе въ самой битвѣ. Но рассказъ о томъ, какъ было принято въ Римѣ извѣстіе о отрашномъ пораженіи, очевидно представляетъ картину, слишкомъ законченную, чтобы подозрѣвать заимствованіе изъ болѣе древняго историка.

«Когда первая вѣсть о пораженіи достигла Рима, ужасъ и смятеніе овладѣли всѣми и народъ устремился къ форуму. Жены и матери бродили по улицамъ, спрашивая всрѣчныхъ, что такое случилось съ войскомъ и въ чемъ состоитъ бѣдствіе, о которомъ толкуютъ мужчины. Постепенно нарастающая толпа положила себѣ дорогу къ зданію сената и мѣсту общественныхъ собраній и стала требовать сановниковъ для объясненія. Преторъ, Маркъ Помпоній, вышелъ только на закатѣ солнца и сказалъ: «Мы разбиты въ большомъ сраженіи.» Никакихъ другихъ объясненій онъ не далъ; но молва передала печальное извѣстіе отъ одного человѣка къ другому и всѣ пошли по домамъ, повторяя, что консулъ съ большею частью войска

погибъ; что немногіе оставшіеся въ живыхъ или должны были пройти подъ ярмомъ или же бѣжали и разсѣялись по Этруріи.

Столь же различна какъ судьба легионовъ была и тревога тѣхъ, кто имѣлъ родныхъ въ этомъ войскѣ; никто не зналъ о постигшей ихъ участи и всѣ были въ неизвѣстности насчетъ того, чего бояться и чего надѣяться. На другой день, и въ теченіе многихъ послѣдующихъ, народъ толпился у городскихъ воротъ; женщинъ было не меньше мужчинъ; ¹⁾ всѣ ждали возвращенія своихъ или вѣстей о нихъ. Группы людей подбѣгали къ каждому входившему въ городъ съ тревожными распросами и отдѣлаться отъ нихъ было невозможно (особенно для знакомаго), не рассказавъ всѣхъ подробностей дѣла отъ начала до конца. Затѣмъ по выраженію лицъ отходившихъ можно было видѣть, какія вѣсти онѣ получили — хорошія или дурныя. На пути домой вокругъ нихъ собирались друзья, поздравляя или соболазнуя. Женщины особенно громко выражали свою радость или печаль. Про одну мать рассказываютъ, что, встрѣтивъ неожиданно сына у воротъ, она умерла отъ радости. Другая, до которой дошли ложныя извѣстія о смерти сына, сидѣла дома въ горькихъ слезахъ; внезапно въ комнату вошелъ оплакиваемый юноша и чрезмѣрная радость убила ее. Преторы держали сенатъ въ сборѣ отъ утра до вечера въ теченіи нѣсколькихъ дней, совѣтуясь насчетъ того, какихъ выбрать полководцевъ и откуда взять войско для отраженія побѣдоносныхъ картагенянъ». (XXII. 7).

Правители города не обнаружили малодушія въ

¹⁾ Только великое народное бѣдствіе могло извинить такое явное нарушеніе приличій въ глазахъ римлянина.

этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Фабій Максимъ былъ назначенъ диктаторомъ, а Минуцій Руфъ начальникомъ конницы.

Хотя Ганнибалъ продолжалъ свое побѣдоносное движеніе черезъ Пиценъ и Апулію, Фабій, не смотря на превосходство силъ, не обнаруживалъ намѣренія сразиться съ нимъ въ открытомъ полѣ. Онъ только слѣдилъ за всѣми его движеніями, стараясь отклонить его отъ большихъ городовъ и въ особенности отъ Рима. Однажды, когда онъ былъ увѣренъ, что отрѣзалъ имъ сообщеніе, кареагеняне обошли его хитростью. Ночью они погнали въ горы 2000 быковъ, привязавъ зажженные факелы къ рогамъ; римляне сочли, что это движущееся войско, между тѣмъ какъ Ганнибалъ вводилъ своихъ солдатъ въ другомъ направленіи. Онъ однако чувствовалъ, что въ римскомъ диктаторѣ имѣетъ искуснаго и храбраго противника. На бѣду начальникъ конницы отличался совершенно противоположнымъ характеромъ; открыто противодействовалъ планамъ диктатора и чуть не довелъ войско до возмущенія. Во время отсутствія Фабія, похавшаго въ Римъ, этотъ Минуцій одержалъ нѣсколько маловажныхъ побѣдъ и это побудило его приверженцевъ въ сенатѣ, недовольныхъ бездѣйствіемъ диктатора, требовать утвержденія закона, который давалъ бы начальнику конницы власть равную диктаторской. Результатомъ было то, что войско раздѣлилось и Минуцій былъ во-

влеченъ въ бой съ неприятелемъ. Ганнибалъ разбилъ бы его на голову, не подоспѣй Фабій съ своей пѣхотой. Съ той гражданской доблестью, которая не разъ искушала тяжкіе грѣхи римскихъ сановниковъ, Минуцій откровенно признался въ своей ошибкѣ и не смотря на новый законъ, отдалъ себя на будущее время въ полное распоряженіе диктатора. Фабій сразу поднялся въ общественномъ мнѣніи въ войскѣ и въ Римѣ; самъ Ганнибалъ, по замѣчанію Ливія, наконецъ почувствовалъ, что ведетъ войну противъ римлянъ и на Итальянской землѣ.

Между тѣмъ срокъ службы диктатора, всегда короткій въ такихъ крайнихъ случаяхъ, истекалъ съ концемъ года. Ближайшіе преемники Фабія продолжали впрочемъ дѣйствовать въ его духѣ. Но затѣмъ произошла переменна и одинъ изъ новыхъ консуловъ Теренцій Варронъ — сынъ мясника, какъ называли его недруги изъ аристократической партіи, но во всякомъ случаѣ человекъ вышедшій изъ народа и избранный по его волѣ — отличался такимъ же нетерпѣніемъ и еще большей неосторожностью, чѣмъ прежній начальникъ конницы. Его товарищъ Павелъ Эмилиій, находившійся подъ вліяніемъ Фабія, дѣйствовалъ гораздо осмотрительнѣе. Опять начались въ римскомъ лагерѣ печальныя послѣдствія раздѣленія власти, такъ какъ каждый изъ консуловъ былъ попеременно черезъ день главнокомандующимъ. Положеніе карагенянъ было

въ это время самое критическое; они терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и сверхъ того союзныя съ римлянами государства не хотѣли далѣе выносить безнаказаннаго опустошенія своей земли: съ обѣихъ сторонъ горѣли слѣдовательно нетерпѣніемъ сразиться. По неосмотрительности Варрона столкновение произошло однако при неблагопріятныхъ для римлянъ условіяхъ и результатомъ было почти совершенное истребленіе римской арміи подъ Каннами. Тотъ, кто изучаетъ военную исторію, долженъ искать яснаго и точнаго описанія этого сраженія у Полибія, а не у нашего лѣтописца, у котораго, при всей живописности разсказа, оно выходитъ крайне сбивчиво. По обыкновенію римская кавалерія не могла противустоять напору карфагенской и Газдубаль, съ полчищами галльскихъ и испанскихъ всадниковъ, опрокинувъ римскую конницу, ударилъ въ тылъ пѣхоты. Эмилиій, раненый въ началѣ дня, не могъ сидѣть на конѣ; его офицеры и солдаты тоже сѣшились, окружили его и защищались отчаянно, но безуспѣшно. «Всѣ почти остались на мѣстѣ.» Консулъ пережилъ своихъ защитниковъ; онъ сидѣлъ на камнѣ, истекая кровью, тогда къ нему подъѣхалъ одинъ офицеръ, прося взять его лошадь и попробовать спастись. Онъ отказался. «Скажи тамъ въ Римѣ,—проговорилъ онъ съ трудомъ,—чтобы они принимали мѣры къ защитѣ города и передай Фабію, что я помню его совѣты умирая, какъ помнилъ при

жизни». Варронъ съ небольшимъ отрядомъ конницы успѣлъ спастись съ поля битвы и укрыться въ Венузиѣ. 40,000 пѣхоты и 2700 конницы легли на Каннскомъ полѣ. Въ числѣ жертвъ были почти всѣ офицеры и между ними храбрый Минуцій; 3000 пѣхоты и 300 всадниковъ были взяты въ плѣнъ. Когда Магонъ привезъ въ Карфагенъ извѣстіе о великой побѣдѣ своего брата, онъ высыпалъ передъ собраніемъ сената цѣлый мѣшокъ (иные говорятъ три) золотыхъ колець, снятыхъ съ труповъ всадниковъ, павшихъ подъ Каннами. ¹⁾ Римляне, успѣвшіе укрыться въ своемъ лагерѣ, сдались на другой день Ганнибалу, кромѣ небольшого отряда, который пробился оружіемъ и достигъ города Канузія.

«Такова, пишетъ Ливій, была несчастная битва подъ Каннами. Она не менѣе достопамятна чѣмъ пораженіе при р. Алліѣ, хотя по своимъ послѣдствіямъ не имѣла такого роковаго значенія, потому что непріятель не воспользовался побѣдой. Но за то она отняла у Рима все войско, тогда какъ пораженіе при Алліѣ, погубивъ городъ, спасло легіоны.» Ганнибалъ пропустилъ удобную минуту. Напрасно Магарбалъ, «лучшій офицеръ лучшей въ свѣтѣ кавалеріи» ²⁾ предла-

¹⁾ Это напоминаетъ разсказъ о четырехъ тысячахъ позолоченныхъ шпоръ, снятыхъ съ убитыхъ французскихъ рыцарей Флемингами на Куртрейскомъ полѣ въ 1302 г. п. Р. X.—послѣ такъ называемой «битвы шпоръ».

²⁾ Arnold

галль скакать немедленно впередъ и убѣждалъ своего вожда слѣдовать за нимъ съ главнымъ корпусомъ прямо въ Римъ, увѣряя, что «черезъ пять дней они будутъ ужинать въ Капитоліѣ.» Ганнибалъ предпочелъ ждать, и историкъ сознается, что своимъ спасеніемъ Римъ обязанъ только этому промедленію. Что касается паники и отчаянія города, то Ливій не находитъ словъ для ихъ описанія. «Перо мое отказывается изобразить этотъ ужасъ и я умолкаю, потому что всякое описаніе было бы несравненно блѣднѣе дѣйствительности.» Далѣе онъ упоминаетъ о двухъ весьма знаменательныхъ фактовъ, указывающихъ въ какомъ отчаянномъ положеніи находились тогда римскія власти: 8000 рабовъ были вооружены и записаны въ число солдатъ вмѣстѣ съ 6000 освобожденныхъ преступниковъ. Наконецъ прибѣгли къ ужасному средству — человѣческимъ жертвоприношеніямъ, въ надеждѣ умилостивить невѣдомыхъ боговъ, излившихъ свой гнѣвъ на Римъ. Двое галльскихъ и двое греческихъ плѣнниковъ обоихъ половъ были зарыты живыми въ землю — «возмутительный религіозный обрядъ, совершенно несогласный съ обычаями Рима.»

ГЛАВА IX.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ОТЪ КАННЪ ДО ЗАМЫ.

(Кн. XXII—XXX. 216—202 до Р. X.)

Еще разъ доблестный духъ Рима всталъ выше бѣдственныхъ обстоятельствъ. Доходили слухи о возмущеніи союзниковъ, о новыхъ высадкахъ карфагенянъ на берега Сициліи, но никто не думалъ о мирѣ. Когда же Варронъ, опрометчивость котораго была причиной послѣдняго бѣдствія, привелъ разсѣянные остатки войска къ воротамъ Рима, сенатъ выразилъ ему официальную благодарность за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи республики. При всеобщей деморализаціи, послѣдовавшей за Каннскимъ побоищемъ, нѣкоторые молодые офицеры возымѣли мысль оставить Италію на произволь судьбы и искать убѣжища на службѣ Гіерона или какого нибудь другаго изъ дружественныхъ царей. Но Варронъ съ презрѣніемъ отвергъ подобное предложеніе, а молодой Сиционъ бросился съ обнаженнымъ мечемъ на кучку людей, собравшихся для совѣщанія по этому поводу, и грозилъ изрубить перваго человѣка, который откажется здѣсь же на мѣстѣ

дать клятву въ вѣрности республикѣ. Совершенно иначе, и быть можетъ крайне жестоко по нашимъ современнымъ понятіямъ, отнеслись римляне къ войнамъ, которые дали взять себя въ плѣнъ при Каннахъ. Ганнибалъ позволилъ имъ отправить въ Римъ депутатовъ для переговоровъ о выкупѣ; но сенатъ, оставаясь непреклоннымъ передъ мольбами родныхъ, объявилъ, что люди, которые предпочли жизнь чести, «не стоятъ выкупа». Даже тѣ солдаты, которые спаслись отъ плѣна бѣгствомъ, были въ видѣ наказанія отправлены на службу въ Сицилію до окончанія войны. Пять лѣтъ спустя, когда Римскій сенатъ, доведенный до послѣдней крайности, вооружалъ даже рабовъ, солдаты эти умоляли, чтобы имъ позволили смыть лежавшее на нихъ пятно самой тяжелой службой на родинѣ, но сенатъ холодно отвергъ ихъ просьбу.

Ганнибалъ взявъ городъ Самній и затѣмъ перешелъ въ равнины Кампаніи, гдѣ ему покорились многіе города и въ томъ числѣ богатая Капуа. Послѣ потери Рима, послѣдняя потеря была для римлянъ наиболѣе чувствительной. Но кареагенскій вождь, главная сила котораго заключалась въ конницѣ, не предпринималъ дальнѣйшихъ движеній; а зима, проведенная среди Капуанской роскоши, ослабила его войско болѣе, чѣмъ бѣдствія перехода черезъ Альпы и трудности всего похода вообще. Марцеллъ, бывший тогда начальникомъ этого участка, ограничился однимъ наблюденіемъ за движеніями непріятеля.

Въ Галліи римляне испытали еще болѣе бѣдствій. Ихъ консулъ Постумій, проходя черезъ Лагскій лѣсъ, подвергся нападению туземцевъ, которые изрубили большую часть войска. Пришлось отложить всякія попытки дальнѣйшаго движенія. Тѣмъ временемъ римскій флотъ былъ занятъ наблюденіемъ за берегами Италіи и старался образовать коалицію съ этолійцами и другими племенами на Македонской границѣ, противъ Филиппа, съ которымъ Ганнибалъ только что заключилъ союзъ.

За то въ другихъ мѣстахъ замѣчался уже поворотъ счастія на сторону Рима. Въ Сардиніи была одержана большая побѣда Манліемъ, преторомъ командовавшимъ войскомъ на этомъ островѣ, надъ соединенными силами сардинцевъ и карфагенянъ, при чемъ послѣдніе потеряли трехъ генераловъ. Годомъ раньше, въ Испаніи, братья Публій и Кней Сципіоны отгѣснили карфагенянъ за Иберъ; услыхавъ, что Газдрубалъ двинулъ значительное войско на помощь Ганнибалу, они соединились вмѣстѣ, встрѣтили непріятели на берегахъ рѣки и разбили его на голову, парализовавъ такимъ образомъ дѣйствія карфагенянъ противъ Рима. Въ этой битвѣ карфагеняне потеряли 13,000 убитыми и много пѣнныхъ, не считая потери, которой римскій историкъ придаетъ очевидно очень большое значеніе, потери девяти слоновъ. Рѣшительная побѣда эта имѣла результатомъ отпаденіе почти всѣхъ испан-

скихъ племенъ отъ карфагенскаго союза; Сардинія и Испанія были теперь на сторонѣ Рима.

Въ слѣдующемъ году (214 до Р. Х.) консулы были Квинтъ Фабій и Маркъ Марцеллъ «щитъ и мечъ Рима». Народъ хотѣлъ было избрать двухъ другихъ кандидатовъ, но Фабій, который въ качествѣ консула, выслужившаго срокъ, имѣлъ право голоса, попросилъ избирателей обдумать хорошенько свое рѣшеніе: имъ было необходимо «избрать теперь достойнаго соперника Ганнибала». Ни что не доказываетъ истиннаго величія Фабія болѣе чѣмъ этотъ поступокъ, которымъ онъ рисковалъ навлечь на себя укоръ въ навязываніи народу своей особы. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ въ виду собственное избраніе, въ Римѣ же не было примѣра, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ два года сряду занималъ должность консула.

Съ неимоверными усиліями собрали римляне людей и денегъ къ готовившемуся походу; противъ Ганнибала выступили въ Кампанію двѣ сильныя арміи подъ начальствомъ двухъ консуловъ. Попытка карфагенянь взять Тарентъ не увѣнчалась успѣхомъ; ихъ главный полководецъ Ганнонъ былъ разбитъ Гракхомъ при Беневентѣ; а въ наказаніе за измѣну, Фабій разрушилъ Самній. Затѣмъ начались дѣятельныя приготовленія для осады Капуи.

Марцеллъ былъ однако отозванъ до истеченія года службы въ Сицилію, мѣсто своей будущей славы. Си-

ракузскій царь Геронъ—бывшій цѣлыхъ семь лѣтъ вѣрнымъ союзникомъ Рима — умеръ и оставилъ престолъ внуку—отроку, занятому одними удовольствіями. Опекунами и совѣтниками его были двое дядей, склонившихся на сторону карфагенянъ; кромѣ того Ганибалъ имѣлъ, въ числѣ другихъ агентовъ при Сиракузскомъ дворѣ, союзника искуснаго и энергическаго въ лицѣ Гипократа. Юнаго царя увѣрили, что римское могущество безвозвратно пало, обѣщали подчинить его скипетру всю Сицилію и, наперекоръ совѣтамъ нѣкоторыхъ мудрыхъ старцевъ, вовлекли въ союзъ съ карфагенянами. Вскорѣ онъ погибъ отъ руки убійцы во время похода противъ Леонтина и въ Сиракузахъ поднялся общій крикъ въ пользу свободной республики и новаго союза съ Римомъ. Анранодоръ, одинъ изъ дядей юнаго царя, завладѣлъ цитаделью и защищалъ ее въ интересахъ короны; но какъ онъ, такъ и его приверженцы сдались передъ республиканскою партіей, когда убѣдились, что народное чувство въ пользу свободнаго правленія было слишкомъ сильно. Вскорѣ его обвинили въ заговорѣ противъ свободы Сиракузъ и стремленіи возстановить «власть тирановъ»; народъ пришелъ въ ярость и результатомъ было безразличное истребленіе всѣхъ приверженцевъ и потомковъ Герона. Римляне, узнавъ о положеніи дѣлъ въ Сиракузахъ, отправили туда немедленно флотъ для защиты своихъ интересовъ противъ карфагенскихъ

происковъ. Эта внушительная демонстрація конечно подкрѣпила въ сторонникахъ Рима желаніе возобновить прежній союзъ.

Но Гиппократъ, энергическій и дѣятельный агентъ Ганнибала и Картагенъ, очевидно не могъ быть доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ, и нашелъ точку опоры въ Сициліскомъ городѣ Леонтинахъ, который не хотѣлъ подчиниться ни Сиракузамъ, ни Риму. Въ это время прибылъ Марцеллъ и принялъ начальство надъ Сицилійскимъ войскомъ. Леонтины онъ взялъ приступомъ и найдя здѣсь многихъ бѣглецовъ изъ римскаго войска и флота, велѣлъ публично наказать ихъ розгами и отрубить головы 2000 человекъ. Эта жестокая месть внушила сиракузянамъ довольно основательный ужасъ передъ римскимъ владычествомъ. Гиппократъ и его братья, которые спаслись отъ Леонтинской рѣзни, были выбраны войкомъ въ предводители, и въ Сиракузахъ началась контръ-революція въ пользу Картагенъ. Городскія ворота были заперты передъ римлянами.

Марцеллъ немедленно двинулъ свои морскія и сухопутныя силы къ Сиракузамъ. Осада эта интересна какъ первый примѣръ научной обороны. 74-хъ лѣтній ученый, математикъ и астрономъ, долгое время отражалъ всѣ грубыя усилія цѣлой Римской арміи. Мы имѣемъ въ виду Архимеда, который въ теченіи многихъ лѣтъ служилъ Гіерону своими познаніями. Онъ

первый предложилъ устроить въ стѣнахъ бойницы на различной высотѣ; его катапульты и другія подобныя машины—артиллерія того времени—были самыхъ разнообразныхъ видовъ и размѣровъ; кромѣ того онъ устроилъ громадную машину въ родѣ Журавля, спускавшася со стѣны; къ внутреннему концу рычага была привѣшена большая тяжесть, а къ наружному громадный крюкъ. При опусканіи крюкъ этотъ захватывалъ непріятельское судно, поднималъ его надъ водой и затѣмъ съ силой бросалъ внизъ, причеъ конечно судно и экипажъ шли ко дну. Оборона была такъ искусна и естественное положеніе Сиракузь такъ выгодно, что осада вскорѣ превратилась въ блокаду. Последняя продолжалась цѣлый годъ, пока наконецъ случай не помогъ Марцеллу. Въ части города, называвшейся Эпиполами, кто-то открылъ слабое мѣсто въ стѣнѣ и въ то время какъ горожане были заняты играми на праздникѣ въ честь Діаны, два вооруженныхъ отряда взобрались ночью на стѣну и безъ всякаго труда овладѣли этой частью города и укрѣпленіемъ по имени Гексапилонъ. Остальное было уже легкой побѣдой.

«Когда Марцеллъ взошелъ въ укрѣпленіе и увидалъ у своихъ ногъ городъ, можно сказать прекраснѣйшій изъ всѣхъ городовъ того времени, онъ, говорить, заплакалъ—частью отъ радости по поводу великаго подвига совершеннаго имъ, частью изъ сожалѣнія о погибшей славѣ Сиракузь. Ему припомнилась

погибель афинскаго флота, поражение двухъ лучшихъ армій и двухъ знаменитыхъ полководцевъ; войны, веденныя противъ Карфагенъ съ переменнымъ счастьемъ; могущественные цари, въ особенности Геронъ, не только какъ послѣдній изъ Сиракузскихъ правителей, но и какъ царь достойный, могущественный и вѣрный союзникъ римскаго народа. Когда все это вдругъ воскресло въ его памяти и онъ подумалъ, что теперь городъ со всею его великолѣпнѣею и прошлой славой долженъ быть отданъ на разграбленіе и обращенъ въ пепель, Марцеллъ послалъ нѣсколькихъ сиракузянъ, служившихъ въ его войскѣ, уговорить соотечественниковъ сдаться.» (Кн. XXV. 24).

Часть города дѣйствительно сдалась, но лишь для того чтобы сдѣлаться жертвой самаго безпощаднаго расхищенія — не смотря на слезы Марцелла. Другая половина города и крѣпость продолжали защищаться и карфагеняне всею силою старались отстоять ее. Но войско, посланное изъ Карфагена на выручку Сиракузамъ, погибло почти до послѣдняго человѣка отъ лихорадокъ, господствовавшихъ въ болотистой мѣстности, гдѣ оно расположилось. Гипократъ (которому удалось выйти изъ Сиракузъ) погибъ вмѣстѣ съ другими. Карфагенскій флотъ, отчасти вслѣдствіе неблагоприятныхъ вѣтровъ, а отчасти по недостатку храбрости въ главномъ начальникѣ, не рѣшился сразиться съ римскимъ. Наконецъ наемное чужеземное войско возмутилось въ осажденномъ городѣ и измѣна отдала Сиракузы въ руки Марцелла. При вступленіи въ городъ большаго кровопролитія не было, но въ послѣ-

довавшихъ затѣмъ сценахъ убійства и насилія погибла одна драгоценная жизнь. Архимеда нашли на песчаной площадкѣ, до такой степени поглощенного рѣшеніемъ какой-то математической задачи, что онъ не замѣтилъ происходившаго вокругъ него смятенія. Къ великому прискорбію Марцелла, одинъ римскій солдатъ, не имѣвшій понятія о наукѣ и ученыхъ, убилъ его на мѣстѣ. Городъ былъ разрушенъ и разграбленъ. Добыча, по словамъ Ливія, была даже цѣннѣе той, которая могла быть взята въ самомъ Каррагенѣ.

Другіе сицилійскіе города, перешедшіе на сторону Каррагена поспѣшили, послѣ этого печальнаго примѣра, изъявить свою покорность Риму, — но Марцеллъ обошелся съ ними крайне сурово и даже велѣлъ казнить главныхъ представителей партіи враждебной Риму. Жестокость этого полководца оставила такое ужасное впечатлѣніе въ Сициліи, что когда, при его вторичномъ избраніи въ консулы, его назначили преторомъ острова, сицилійцы отправили депутатовъ умолять римскій сенатъ отмѣнить назначеніе. Одинъ изъ офицеровъ Ганнибала, Мутинъ, продолжалъ между тѣмъ волновать островъ и даже разбилъ однажды самаго консула. Тѣмъ временемъ срокъ службы Марцелла приходилъ къ концу и онъ спѣшилъ въ Римъ насладиться ожидавшими его почестями тріумфа, представивъ одному изъ новыхъ консуловъ, Лавинію, трудъ и славу дальнѣйшаго покоренія Сициліи. Въ

концѣ своего служебнаго года, онъ могъ заявить римскому сенату (не безъ значительной доли хвастовства), что островъ приведенъ въ надлежащій порядокъ и что въ немъ не осталось ни одного карфагенянина.

По свойственной нашему историку привычкѣ, онъ разсказалъ событія въ Сициліи въ томъ порядкѣ, какъ они происходили въ теченіи трехъ лѣтъ. Для насъ же будетъ удобнѣе вернуться къ событіямъ, совершавшимся въ то же время въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воевали римляне. Въ Италіи, Ганнибалъ напалъ неожиданно на Тарентъ и взялъ его, причемъ Гракхъ, одинъ изъ преемниковъ Фабія и Марцелла, погибъ въ засадѣ, а старый сотникъ, избранный послѣ него, и отличавшійся скорѣе личною храбростью чѣмъ военными талантами, потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ Ганнибаломъ; вмѣстѣ съ нимъ погибло до 15,000 чел. Всѣ эти неудачи искупались однако для римлянъ паденіемъ Капуи въ слѣдующемъ году.

Римляне рѣшились въ что бы то ни стало смирить свою возмущившуюся союзницу. Они стянули вокругъ Капуи всѣ войска, которыми могли располагать въ Италіи и, предложивъ всѣмъ друзьямъ Рима покинуть городъ до извѣстнаго дня, окружили его тройнымъ рядомъ окоповъ. Ганнибалъ поспѣшилъ на помощь Капуи, но его побѣдоносная конница оказалась безсильною противъ римской пѣхоты; онъ перемѣнилъ

планъ похода и съ большой находчивостью внезапно ударилъ на Римъ. Шель онъ приблизительно по тому же пути, по которому нѣкогда шли галлы, и смятеніе, овладѣвшее городомъ при извѣстіи о его приближеніи, едва ли уступало впечатлѣнію бѣгства отъ рѣки Алліи. Хотя Ганнибалъ расположился лагеремъ въ пяти верстахъ отъ городскихъ воротъ, настоящей цѣлью его было отвлечь римлянъ отъ Капуи; онъ не имѣлъ средствъ, а можетъ быть и намѣренія взять городъ приступомъ. Непрiятельское войско безпрепятственно грабило богатыя окрестности Рима, приводя въ отчаяніе и ярость жителей, которые болѣе ста пятидесяти лѣтъ не видали чужеземцевъ. Ливій рассказываетъ, что Ганнибалъ вмѣстѣ съ своимъ штабомъ ѣздилъ осматривать каллинскіе ворота; но далѣе этого онъ не проникалъ. Планъ освобожденія Капуи не удался; только самая незначительная часть осаждающаго войска была послана для защиты столицы. Разгнѣванный неудачей, Ганнибалъ отправился въ Бруттинскую область, предоставивъ капуанцевъ на произволь судьбы.

Судьба эта не долго заставила себя ждать и была ужасна. Капуанцы не надѣялись на пощаду. Многие изъ знатныхъ гражданъ приняли ядъ наканунѣ сдачи. Сенаторы, оставшіеся въ живыхъ, были казнены. Рассказываютъ, что когда ихъ привязали къ позорному столбу, консулъ Фульвій получилъ изъ Рима

приказаніе помиловать ихъ; но онъ положилъ полученную бумагу за поясъ, не прочитавъ ее, и велѣлъ продолжать казнь. Большая часть жителей была продана въ рабство; земля и все имущество ихъ конфискованы. Капуа составляла важнѣйшее пріобрѣтеніе Ганнибала въ Италиіи и потеря ея была для него тяжелымъ ударомъ.

Дѣла римлянъ въ Испаніи были менѣе благопріятны. Мы имѣемъ основаніе думать, что описаніе подвиговъ обоихъ Сципіоновъ, которое Ливій заимствовалъ у древнихъ писателей, основано на семейныхъ хроникахъ. Вѣрно только одно, что они одинъ за другимъ были разбиты и лишились жизни въ битвѣ съ Газдрубаломъ, не задолго до паденія Капуи, и что римляне были снова оттѣснены за Иберъ. На долю младшихъ членовъ этой семьи выпала месть за смерть этихъ героевъ и возстановленіе военной славы Рима. Впрочемъ нельзя поручиться, чтобы и въ описаніи подвига молодого Публія Сципіона не было того же преувеличенія, которое мы находимъ относительно его отца и дяди. Рѣдкія дарованія П. Сципіона заставили избрать его въ общественныя должности раньше законнаго возраста; и теперь, когда пришлось выбирать проконсула для отправки въ Испанію и всякій отклонялъ отъ себя честь, сопряженную съ такой отвѣтственностью въ этихъ критическихъ обстоятель-

ствахъ, нашъ герой выступилъ впередъ и былъ единогласно избранъ въ проконсулы.

Молодой Сципiонъ очевидно любимецъ нашего лѣтописца и Полибiя, которому онъ слѣдовалъ; отсюда его характеръ вѣроятно изображенъ нѣсколько пристрастно. Но тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что это былъ человѣкъ необыкновенный и что онъ пользовался какимъ-то особеннымъ обаянiемъ на людей. Странные слухи ходили по поводу его рожденiя; рассказывали про какое то небесное видѣнiе, котораго онъ удостоился и про то, что онъ проводилъ цѣлые часы въ молитвѣ въ храмѣ Юпитера Капитолiйскаго передъ началомъ всякаго важнаго дѣла. Онъ не давалъ себѣ труда опровергать эти слухи и люди смотрѣли на него съ удивленiемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ.

Сципiонъ взялъ съ собой значительныя подкрѣпленiя и, перезимовавъ въ Таррагонѣ, весной перешелъ Иберъ и направился къ Новому Картагену, — наиболѣе важному изъ непрiятельскихъ городовъ, операцiонному базису и складу всехъ сокровищъ и запасовъ. Перейдя по широкой лагунѣ, тянувшейся позади города, онъ овладѣлъ имъ послѣ приступа и отдалъ на разоренiе и разграбленiе войску. Въ руки римлянъ досталась богатая добыча и кромѣ того морскiе запасы и военные матеріалы. Мастеровыхъ разнаго рода забрали въ лагерь, гражданъ и рабовъ сдѣлали гребцами на

римскихъ судахъ. Но въ числѣ захваченныхъ плѣнниковъ были такіе, съ которыми Сципіонъ обращался необыкновенно мягко. То были испанскіе заложники, взятые кареагенцами отъ разныхъ городовъ и находившіеся у нихъ подъ стражей. Римскій полководецъ хотѣлъ дать имъ почувствовать, насколько выгодно было для нихъ самихъ и ихъ соотечественниковъ держать сторону Рима, а не Кареагена. Приводимъ одинъ анекдотъ, какъ примѣръ сципіоновой политики и искусства Ливія сочинять романы.

«Солдаты привели къ нему одну плѣнницу — взрослую дѣвушку такой необыкновенной красоты, что она обращала на себя общее вниманіе. Сципіонъ распросилъ объ ея родинѣ и родныхъ, и узнавъ между прочимъ, что она просватана за молодого князя Аллуція, немедленно послалъ за женихомъ и родителями. Ему сообщили тѣмъ временемъ, что молодой человекъ страстно влюбленъ въ свою невѣсту; поэтому, когда родные прибыли, онъ отнесся къ жениху съ большимъ вниманіемъ чѣмъ къ родителямъ. «Я обращаюсь къ тебѣ, — сказалъ онъ ему, — потому что мы, какъ молодые люди, лучше поймемъ другъ друга. Когда солдаты привели ко мнѣ твою невѣсту, я узналъ, что ты питаешь къ ней сильную привязанность; взглянувъ на нее, этому было легко повѣрить. Еслибы я могъ свободно предаваться увлеченіямъ моихъ лѣтъ, еслибы я не посвятилъ себя исключительно на служеніе моей родинѣ и могъ дать мѣсто чистой и законной любви, то встрѣтивъ подобную дѣвушку, самъ влюбился бы въ нее безъ ума и искалъ бы ея руки. Теперь я могу только содѣйствовать вашей любви.

Пока твоя невѣста находилась подъ моею охраной,

она пользовалась всѣмъ уваженіемъ, которымъ могли бы окружить ее близкіе родные. Я берегъ ее для тебя и передаю теперь въ твои руки, какъ даръ достойный насъ обоихъ. Взамѣнъ я тоже прошу у тебя дара: будь другомъ римскаго народа. И если ты считаешь меня честнымъ человѣкомъ, (здѣшніе племена знали моего отца и дядю съ лучшей стороны), то повѣрь моему слову, что между римлянами много такихъ людей. Нѣтъ народа, къ которому было бы несправедливѣе питать вражду и котораго было бы выгоднѣе имѣть другомъ». Молодой князь внѣ себя отъ удивленія и радости схватилъ руку Сципіона и благодарилъ его въ пламенныхъ выраженіяхъ, прося боговъ воздать его благодѣтелю, за оказанную ему великую милость. Затѣмъ позвали родителей и родныхъ дѣвушки. Узнавъ, что имъ отдають ее безъ всякаго выкупа, тогда какъ они привезли съ собой много золота, они стали умолять Сципіона принять это золото въ даръ, увѣряя, что онъ этимъ окажетъ имъ одолженіе столь же большое какъ и возвращеніемъ дочери. Тронутый ихъ искренностью, Сципіонъ обѣщаль взять золото и велѣлъ положить его у своихъ ногъ. Потомъ позвалъ Аллуція и сказалъ ему. «Прошу тебя принять это отъ меня какъ свадебный подарокъ, въ добавленіе къ приданому, которое ты получишь отъ тестя. Женихъ простился съ нимъ въ восторгѣ отъ его привѣтливости и подарка и по возвращеніи домой превозносилъ до небесъ великодушіе Сципіона. «Явился герой, — говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ, — подобный богамъ и покоряющій себѣ людей не только храбростью, но великодушіемъ и щедростью.» Онъ собралъ своихъ друзей и черезъ нѣсколько дней вернулся къ Сципіону съ 1.500 отборныхъ всадниковъ.» (Кн. XXVI. 50).

Однако ни добрая слава новаго римскаго полководца

между Испанскими племенами, ни побѣда одержанная имъ надъ Газдрубаломъ, не могли помѣшать послѣднему двинуться на помощь къ его брату Ганнибалу въ Италію.

Положеніе дѣлъ въ самой Италіи было между тѣмъ печально до крайности. Не смотря на взятіе Сиракузъ и на возвращеніе Капуи, Римъ приходилъ въ отчаяніе и его союзники начинали волноваться. Двѣнадцать изъ тринадцати колониальныхъ городовъ отказались платить обычную дань деньгами и людьми < у нихъ не было ни того, ни другаго, > говорили они. Римъ очутился бы сразу безъ всякихъ средствъ, еслибы о талые города послѣдовали примѣру этихъ двѣнадцати. Но по счастью они дали все, что отъ нихъ требовали и въ добавокъ заявили, что въ случаѣ нужды охотно дадутъ и больше. Хлѣбъ становился дорогъ; въ продовольствіи былъ большой недостатокъ, а для покрытія издержекъ по содержанію флота предстоялъ новый налогъ. Этотъ налогъ вызвалъ такой ропотъ въ народѣ, что власти начали бояться возмущенія; только мужественное самоотверженіе и щедрыя пожертвованія сенаторовъ и всадниковъ успокоили чернь. Богатые люди отдавали въ казну всю свою золотую и серебрянную утварь и всю звонкую монету, оставивъ себѣ только самое необходимое. Наконецъ пришлось прибѣгнуть и къ священной сокровищницѣ, предназначенной для исключительныхъ случаевъ; изъ нея было взято четыре <тысячи фунтовъ золота>.

Новый поход не принадлежалъ къ удачнымъ. Изъ полководцевъ, выступившихъ противъ Ганнибала, Фульвій былъ убитъ и его войско разсѣяно. Марцеллъ, избранный консуломъ въ шестой разъ, выѣхавъ на развѣдку съ своей конницей, нашелъ смерть въ засадѣ, гдѣ его товарищъ Бриспинъ получилъ смертельную рану. Такимъ образомъ Римъ потерялъ въ одинъ день обоихъ консуловъ. Войско отступило къ Венузіѣ и Капуѣ. Въ это время пришло извѣстіе, что Газдрубалъ успѣлъ ускользнуть отъ Сципіона, переваливъ черезъ горы, прошелъ Галлію и находится на пути къ Ганнибалу. Газдрубалъ перешелъ черезъ Альпы по той же дорогѣ какъ и его братъ, но только быстрѣе и съ меньшими затрудненіями. Въ Ломбардіи онъ, повидимому, не встрѣтилъ сопротивленія и консулъ Ливій, посланный чтобъ удержать его на границѣ, былъ принужденъ отступить. По счастью гонецъ, отправленный съ извѣстіемъ о его прибытіи и планами дальнѣйшаго движенія, попалъ въ руки другаго консула, Клавдія Нерона, поджидавшаго Ганнибала въ Венузіѣ.

Неронъ немедленно принялъ рѣшеніе, которое до сихъ поръ возбуждаетъ удивленіе по своей смѣлости, а также и по успѣшному результату. Онъ выступилъ ночью съ избраннымъ отрядомъ въ 7000 человекъ и, прежде чѣмъ Ганнибалъ успѣлъ замѣтить его отсутствіе, былъ уже далеко и спѣшилъ на встрѣчу своему товарищу, чтобы совмѣстно съ нимъ ударить на Га-

здрубала и предупредить его соединеніе съ братомъ. Успѣхъ предпріятія былъ полный. Карфагеняне, послѣ напрасныхъ попытокъ отступленія, были принуждены сразиться съ римлянами на берегу рѣки Метавры и потеряли рѣшительное пораженіе. Какъ бы ни была преувеличена цифра ихъ потерь у римскаго историка, она во всякомъ случаѣ весьма значительна. Ливій отдаетъ должную справедливость храбрости Газдрубала. «Онъ былъ великъ во многихъ битвахъ, замѣчаетъ онъ, но нивъ одной настолько какъ въ этой.»

«Газдрубалъ поддерживалъ духъ своего войска, ободряя солдатъ и подвергаясь опасности наравнѣ съ ними. Когда они выбились изъ силъ и начинали подаваться отъ чрезмѣрнаго утомленія, онъ возбуждалъ въ нихъ мужество, то упреками, то просьбами. Собирая бѣжавшихъ, онъ возобновлялъ бой во многихъ мѣстахъ, гдѣ борьба казалась уже невозможной. Наконецъ, когда стало несомнѣнно, что сраженіе проиграно, Газдрубалъ, не желая пережить воиновъ, довѣрившихся ему, далъ шпоры коню и бросился въ самую середину римскихъ когортъ. Онъ былъ убитъ, сражаясь до послѣдней минуты, какъ подобало сыну Гамилькара и Ганнибалу брату» (XXVII, 49).

Неронъ, повернувъ назадъ съ той же быстротой, съ какой пришелъ, засталъ Ганнибала все еще ожидающимъ извѣстія отъ брата. Онъ послалъ въ его станъ двухъ плѣнниковъ съ вѣстью объ одержанной имъ побѣдѣ и приказалъ бросить передъ карфагенскимъ лагеремъ голову Газдрубала, чтобы Ганнибалъ могъ

узнать черты лица, котораго не видѣлъ цѣлыхъ одинадцать лѣтъ, и убѣдиться въ печальной судьбѣ, постигшей его брата. Римскій консулъ, по собственному признанію историка, оказался въ этомъ случаѣ болѣе дикимъ варваромъ, чѣмъ картегенскій вождь, котораго принято было называть вѣроломнымъ и жестокимъ. Въ самомъ дѣлѣ Ганнибалъ не задолго передъ тѣмъ съ честью похоронилъ тѣло Марцелла, а еще ранѣе Гракха въ Луканіѣ, Павла Эмилія послѣ Каннъ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать тоже относительно Фламинія консула, убитаго близъ Тразименскаго озера.

Ливій, большой любитель мелодрамы, рассказываетъ, что когда Ганнибалъ увидѣлъ отрубленную голову брата, онъ воскликнулъ, что прочелъ въ его чертахъ судьбу Картегена. Вѣренъ ли этотъ рассказъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ побѣда при Метаврѣ была поворотной точкой счастья для воюющихъ сторонъ. Историкъ Галламъ называетъ эту битву одной изъ немногихъ, способныхъ измѣнить ходъ исторіи. Римъ наконецъ вздохнулъ свободнѣе. Нельзя въ переводѣ дать понятія о прелести той главы, въ которой Ливій описываетъ, какъ была встрѣчена въ Римѣ радостная вѣсть. Это прямая противоположность картины послѣ Тразименскаго пораженія.

«Въ то время, какъ городъ находился въ тревожномъ ожиданіи, разнесся слухъ, сначала смутный, что двое всадниковъ прискакали съ поля битвы къ римс-

кому войску, охранявшему Умбрійскія ущелья, съ вѣстью о пораженіи непріятели. Граждане выслушали эту вѣсть скорѣе ушами чѣмъ сердцемъ; они не смѣли даже мечтать о такомъ счастьи, а тѣмъ болѣе вѣрить ему. Самая быстрота, съ которой донеслось извѣстіе, служила поводомъ къ сомнѣнію, потому что по слухамъ сраженіе происходило только два дня тому назадъ. Вскорѣ пришло отъ Манлія изъ лагера письмо съ извѣстіемъ о прибытіи всадниковъ. Когда это письмо несли по Форуму въ домъ городского претора, весь сенатъ вышелъ изъ Куріи, а народъ начиналъ до такой степени тѣсниться вокругъ зданія сената, что гонецъ не могъ пройти. Его тянули то въ ту то въ другую сторону, громко требуя, чтобъ онъ прочелъ имъ бумагу съ Ростры, прежде чѣмъ передастъ ее сенату. Наконецъ толпу заставили отступить и держаться въ порядкѣ, между тѣмъ какъ радостная вѣсть, которой все еще отказывались вѣрить, была объявлена во всеуслышаніе, хотя съ соблюденіемъ нѣкоторой постепенности. Письмо прочли сначала въ сенатѣ, потомъ на площади. Смотри по характеру каждаго, одни принимали извѣстіе съ восторгомъ, въ сердцахъ другихъ оставалось сомнѣніе; они хотѣли видѣть письмо собственными глазами или услышать подтвержденіе изъ устъ самаго консула.

Затѣмъ разнеслась вѣсть о прибытіи официальныхъ пословъ. Все населеніе, даже старики и дѣти, побѣжали имъ на встрѣчу. Каждый хотѣлъ быть первымъ, чтобы собственными глазами и ушами видѣть и слышать этихъ пословъ. Сплошная масса народа тянулась отъ города до Мильвійскаго моста. Послы взошли на Форумъ, окруженные толпой всѣхъ сословій. Одни разспрашивали ихъ самихъ, другіе ихъ свиту о подробностяхъ событія. И когда всѣ узнали, что войско непріятели погибло вмѣстѣ со своимъ предво-

дителемъ, что римскіе легіоны цѣлы, что консулъ остался живъ—неописанная радость охватила все собраніе. Цѣлыхъ три дня храмы были полны; жены и матери одѣлись въ лучшія платья и приводили съ собой дѣтей, чтобы воздать благодарность богамъ. Прежній страхъ исчезъ безслѣдно, точно война была уже кончена.> (XXVII, 50, 51).

Между тѣмъ покореніе Испаніи быстро шло впередъ, благодаря усиліямъ Сципіона. Онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ другимъ Газдрубаломъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Гисконова сына въ отличіи отъ Ганнибалова брата. Города, сопротивлявшіеся до тѣхъ поръ римлянамъ, поспѣшили изъявить покорность и побѣжденный картагенскій полководецъ, собравъ остатки войска, сѣлъ на суда и отплылъ въ Африку, очистивъ Испанію отъ картагенянъ до такой степени, что Силанъ, помощникъ Сципіона, былъ убѣжденъ, что «война окончена». Радость оказалась однако преждевременной.

Римскій полководецъ горѣлъ нетерпѣніемъ перенести театръ войны въ непріятельскую страну. Ему было мало покоренія Испаніи; онъ хотѣлъ низложить самый Картагенъ и въ надеждѣ привлечь къ союзу съ Римомъ одного изъ самыхъ могущественныхъ царьковъ, Сифакса Мазезулійскаго, пригласившаго его на совѣщаніе, онъ отплылъ въ Африку. За обѣденнымъ столомъ Сципіонъ увидалъ себя рядомъ съ своимъ бывшимъ противникомъ, Газдрубаломъ, и если вѣрить

пристрастному историку, очаровалъ и его, какъ очаровывалъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, своей обходительностью и пріятной бесѣдой. Полагая, что заручился дружбой Сифакса, который какъ оказывается только дурачилъ его, Сципіонъ вернулся въ Испанію и здѣсь нашелъ нѣкоторые безпорядки. Ему пришлось «наказывать» нѣсколько городовъ, которые отпали отъ Рима, пользуясь его отсутствіемъ; онъ вскорѣ снова привелъ ихъ къ покорности. Гораздо важнѣе были безпорядки въ средѣ его собственнаго войска роптавшаго на постоянное оттягиваніе уплаты жалованья. И при этихъ то трудныхъ обстоятельствахъ Сципіонъ вдругъ опасно заболѣлъ. Распространившійся слухъ о томъ, что онъ умираетъ, снова заставилъ Испанскія племена взяться за оружіе; но едва до нихъ дошло извѣстіе о выздоровленіи Сципіона, какъ ими овладѣлъ паническій страхъ—доказательство какимъ вліяніемъ онъ пользовался и какъ далеко были распространены страхъ и удивленіе къ нему. Строгими мѣрами прекратилъ онъ безпорядки въ собственномъ войскѣ, причемъ обнаружилъ большую дипломатическую ловкость: коноводы были незамѣтно схвачены и казнены. Сципіонъ выдержалъ кромѣ того отчаянное сраженіе съ возмущившимися испанцами, которые, не надѣясь на пощаду, дрались на жизнь и смерть. Побѣда осталась за нимъ и Магонъ, послѣдній изъ картагенскихъ полководцевъ, оставшихся вѣрнымъ Испаніи, получилъ

приказаніе сдѣлать высадку въ Лигуріи и, если возможно, поднять Сѣверную Италію противъ Рима.

Самъ Сципіонъ спѣшилъ въ Римъ заявить свою кандидатуру на консульство. Онъ былъ избранъ, но въ великой своей досадѣ не могъ добиться назначенія въ Африку. Старикъ Фабій Максимъ — не довольно старый впрочемъ для длинныхъ рѣчей на страницахъ нашего историка—протестовалъ противъ такого назначенія, называя его вопіющей неосторожностью до тѣхъ поръ пока Ганнибалъ оставался въ Италіи.

Каррагенскій вождь удержался въ ней еще цѣлыхъ четыре года, хотя и не пошелъ далѣе въ своихъ завоеваніяхъ. Онъ сосредоточилъ свои силы около Бруттія и римляне не рѣшались атаковать его въ открытомъ полѣ. Но отсутствіе подкрѣпленій изъ Каррагена, недостатокъ продовольствія и итальянскія лихорадки были врагами гораздо болѣе пагубными для него. Магонъ, братъ Ганнибала, высадился въ Генуѣ съ Балеарскихъ острововъ, гдѣ онъ собралъ значительныя сухопутныя и морскія силы. Однако, не смотря на то, что взятіе города привело подъ его знамена много лигурійцевъ и галловъ, ему не удалось выполнить даннаго ему порученія—соединиться съ войскомъ Ганнибала. Послѣ ожесточеннаго боя съ римлянами, выступившими ему на встрѣчу, онъ былъ разбитъ и смертельно раненъ. Въ это-то время оба брата получили приказаніе вернуться назадъ въ Африку, гдѣ Магонъ вскорѣ умеръ.

Сципіона не допустили сдѣлать Африку явнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, но онъ получилъ отъ правительства позволеніе отправиться туда, если считаетъ это необходимымъ въ интересахъ государства.» Нечего и говорить, что онъ нашелъ свое присутствіе въ этой странѣ необходимымъ и среди общаго восторга солдатъ, выбранныхъ имъ для этого похода, и громкаго одобренія толпы, собравшейся на берегу, со всей торжественностью и пышностью приличной обстоятельству и среди молитвъ, которыми умѣлъ такъ хорошо пользоваться для надлежащаго эффекта, онъ отплылъ изъ Лилибея.

«Послѣ молитвы Сципіонъ бросилъ въ море внутренности жертвъ, согласно установленному обычаю и велѣлъ трубачу дать знакъ къ выступленію. Вѣтеръ былъ попутный и они вскорѣ потеряли берегъ изъ виду. Къ полудню поднялся туманъ такой густой, что суда едва могли избѣжать столкновенія. Чѣмъ далѣе шли они впередъ, тѣмъ болѣе стихалъ вѣтеръ. На слѣдующую ночь былъ такой же густой туманъ, но съ восходомъ солнца онъ разсѣялся и вѣтеръ сталъ крѣпчать. Въ виду ихъ была земля и кормчій вскорѣ сказалъ Сципіону, что они не далѣе пяти миль отъ африканскаго берега, что передъ ними Меркуріевъ мысъ;¹⁾ и что, если Сципіонъ захочетъ, флотъ магомъ очутится въ гавани. Сципіонъ, увидавъ землю, помолился чтобы африканскіе берега открылись для славы родины и его самого, затѣмъ приказалъ распустить паруса и плыть къ другому мѣсту, пониже. Вѣтеръ продолжалъ быть попутнымъ. Но туманъ, появившійся почти въ тоже время какъ на-

¹⁾ Теперь мысъ Бонъ.

канунѣ, вскорѣ скрылъ землю изъ виду и по мѣрѣ его сгущенія вѣтеръ стихъ. Наступленіе ночи дѣлало путь невѣрнымъ; суда бросили якоря, опасаясь какъ бы не столкнуться другъ съ другомъ или не быть выброшенными на берегъ. Съ разсвѣтомъ подулъ опять свѣжій вѣтеръ, разогналъ туманъ и открылъ весь берегъ Африки. Сципіонъ спросилъ какъ называется ближайшій мысъ и услыхавъ, что его зовутъ «прекраснымъ»¹⁾, сказалъ: «это хорошій знакъ; плывемъ туда!» Флотъ присталъ къ этому мѣсту и войско вышло на берегъ. (XXIX. 27)

Успѣхъ не замедлилъ слѣдовать по стопамъ Сципіона. Правда Сифаксъ обманулъ его, но зато Массинисса, царь одного нумидійскаго племени вѣроломный и грубый варваръ, но искусный предводитель конницы— только что вытѣсненный изъ своихъ владѣній тѣмъ-же Сифаксомъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту, оставить Карфагенъ и примкнуть къ римлянамъ. Сципіонъ познакомился съ нимъ еще въ Испаніи и поддерживалъ постоянныя сношенія. Конница Массинисы оказала римлянамъ огромныя услуги въ новомъ походѣ. Лагерь нумидійцевъ и карфагенянъ, застигнутый въ расплохъ былъ сожженъ (онъ состоялъ изъ плетеныхъ шалашей, покрытыхъ камышемъ и сухими листьями) и въ послѣдовавшей затѣмъ рѣзнь — битвой этого никакъ нельзя назвать—истреблено около 30,000 карфагенянъ; нумидійское войско, состоявшее изъ 60,000 чел., было разсѣяно или изрублено на мѣстѣ. Сифаксъ отсту-

¹⁾ Pulchrum Promontorium; нынѣ мысъ Фарива.

пилъ въ Нумидію; римляне послѣдовали за нимъ, разбили и отправили въ Римъ плѣнникомъ. Массинисеа же получилъ свое царство обратно.

Въ это-то время, когда присутствіе Ганнибала въ Африкѣ стало совершенно необходимымъ, онъ былъ отозванъ изъ Италиі, также какъ и его братъ Магонъ. Но герой, котораго брали съ поля его побѣдъ и надеждъ, не смотря на то, что давно предчувствовалъ нѣчто подобное, не могъ отнестись хладнокровно къ приказанію карфагенскаго сената.

«Разсказываютъ, что слушая пословъ, Ганнибалъ громко стоналъ, скрежеталъ зубами и даже плакалъ. Когда они кончили: «Наконецъ-то, воскликнулъ онъ, сброшена личина. Не намеками, а прямо заставляютъ меня враги покинуть Италию, откуда уже давно хотѣли выгнать, отказывая въ деньгахъ и людяхъ. Ганнибалъ побѣжденъ; но не народомъ римскимъ—съ нимъ онъ умѣлъ справляться—нѣтъ, карфагенскимъ сенатомъ съ его завистью и проеками. Сципіонъ будетъ торжествовать и хвастаться моимъ позоромъ, но еще болѣе будетъ радъ Ганнонъ, который готовъ погубить Карфагенъ лишь бы погубить и нашъ родъ. Изгнанникъ, везомый въ ссылку, не можетъ быть печальнѣе, чѣмъ былъ Ганнибалъ, покидая непріятельскую страну. То и дѣло оглядываясь назадъ къ берегамъ Италиі, онъ обвинялъ боговъ и людей, и проклиналъ себя самого за то, что не повелъ прямо въ Римъ свое войско, покрытое кровью канской побѣды.» (XXX. 20).

Сципіонъ осаждалъ городъ Утику въ то время, какъ явились къ нему карфагенскіе послы просить мира.

Условія, которыя онъ имъ предложилъ и которыя они приняли, равнялись безусловной покорности. Карфагеняне должны были очистить Италію, Галлію и Испанію; уступить Риму всё острова между Италіей и Африкой, выдать всё свои военные корабли, за исключеніемъ двадцати, и заплатить огромную контрибуцію хлѣбомъ и деньгами. Какъ ни суровы были требованія побѣдителей, ихъ пришлось отправить на утвержденіе въ Римъ, для чего и было назначено перемиріе. Если вѣрить римскому историку, перемиріе это было нарушено со стороны карфагенянъ, надежды которыхъ воскресли при извѣстіи о возвращеніи Ганнибала. Весь этотъ рассказъ имѣетъ апокрифическій характеръ, равно какъ и подробности свиданія между римскимъ консуломъ и Ганнибаломъ вскорѣ послѣ его высадки, — причемъ «оба стояли нѣкоторое время молча, какъ бы онѣмѣвъ отъ взаимнаго удивленія.» ¹⁾ Также мало правдоподобенъ рассказъ о карфагенскихъ шпионахъ, которыхъ открылъ Сципіонъ и приказалъ будтобы обвести вокругъ лагеря, чтобы они могли видѣть, что тамъ дѣлается и донести своему начальнику. Но какова бы ни была истинная исторія переговоровъ о мирѣ, они окончились ничѣмъ и оба полководца вмѣстѣ со своими войсками сразились близъ Замы ²⁾.

Бой былъ продолжителенъ и упоренъ. Выставлен-

¹⁾ Книга ХХХ. 30.

²⁾ Самое мѣсто сраженія неизвѣстно въ точности.

ные впереди карфагенскихъ рядовъ слоны, числомъ до восьмидесяти, на которыхъ возлагались большія надежды, не только прошли черезъ всю толщу римскаго войска, не причинивъ вреда (благодаря искусственному распоряженію Сципіона, приказавшаго солдатамъ разступиться для пропуска животныхъ), но, повернувъ внезапно, стали даже угрожать непріятельской конницѣ на обоихъ крылахъ. Масинисса съ своей кавалеріей оказалъ большія услуги. Но рѣшить дѣло должно было состязаніе между римскими легіонами, состоявшими изъ избранныхъ воиновъ, и закаленными въ бояхъ Ганнибаловыми ветеранами, которые сопровождали его при переходѣ черезъ Альпы и завоеваніяхъ въ Италиі. Тѣ и другіе не уступали ни шагу, пока Лелій и Масинисса съ Нумидійской и Римской конницею, вернувшись послѣ кратковременнаго преслѣдованія непріятельской кавалеріи, не ударили въ тылъ Ганнибалову войску. Это рѣшило судьбу сраженія: 20,000 карфагенянь было убито и столько же взято въ плѣнь. Сципіонъ шелъ моремъ къ Карфагену, когда его встрѣтилъ корабль съ флагомъ перемирія. Условія, поставленныя имъ на этотъ разъ, были еще суровѣе предъидущихъ, Карфагенъ теперь могъ сохранить всего десять кораблей; долженъ былъ обязаться не вести никакой войны внѣ предѣловъ Африки и даже внутри ея безъ согласія Рима; продовольствовать и содержать римскую армію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и дать

сотню заложниковъ по выбору побѣдителя. Карфагенскій сенатъ колебался принять или отвергнуть эти условія, когда Ганнибалъ, который спасся изъ рѣзни съ нѣсколькими всадниками, поднялся съ мѣста и сталъ говорить въ пользу мира во что бы то ни стало. Миръ былъ подписанъ. Великая Пуническая война, или какъ справедливо называли ее римляне, война съ Ганнибаломъ, была окончена и вмѣстѣ съ нею преждевременно окончилось поприще одного изъ величайшихъ—если не величайшаго полководца всѣхъ временъ и народовъ. Ганнибалу только что минуло тогда сорокъ пять лѣтъ. Онъ прожилъ еще около двадцати лѣтъ послѣ заключенія мира, но вскорѣ, какъ мы увидимъ, былъ изгнанъ изъ Карфагена (гдѣ всегда имѣлъ завистливыхъ враговъ) по требованію римлянъ и никогда уже не игралъ первенствующей роли. — Впослѣдствіи мы встрѣтимъ его на второстепенномъ посту начальника флота у Антиоха Сирійскаго.

ГЛАВА X.

РИМЛЯНЕ ВЪ ГРЕЦІИ.

(Книги XXX - XXXIV. 200—194 до Р. X.)

Мы достигли того періода исторіи, когда Римъ приходитъ въ открытое столкновеніе съ Греціей. Филиппъ V Македонскій заключилъ, какъ мы уже знаемъ, союзъ съ Картагеномъ послѣ побѣды Ганнибала при Каннахъ; но враждебныя отношенія между нимъ и римлянами не имѣли пока активнаго характера и римляне, занятые испанскими и африканскими дѣлами, скоро заключили съ Филиппомъ перемиріе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ.

Но послѣ битвы при Замѣ съ разныхъ сторонъ стали доходить просьбы о помощи и защитѣ противъ честолюбивыхъ замысловъ и захватовъ Филиппа. Одинъ изъ его полководцевъ хотѣлъ занять Аѳины силою. Начальники македонскаго флота стремились завладѣть Эгейскимъ моремъ, вредя морскимъ силамъ Родоса и Атталы, Пергамскаго царя, стариннаго и вѣрнаго союзника Рима. Всѣ они возлагали надежды на вмѣша-

тельство римлянъ. Сенатъ отвѣчалъ Пергамскимъ и Родосскимъ посламъ, что «заботится объ азіатскихъ дѣлахъ». Дошелъ ли до свѣденія Филиппа этотъ вы-сокомѣрный отвѣтъ или нѣтъ, но только онъ не остался въ долгу на словахъ. Завладѣвъ всеми важными приморскими городами Фракіи, онъ собирався занять Абидосъ, и когда для увѣщанія его былъ отправленъ нѣкій Эмилиій, слишкомъ молодой для тако-го назначенія и сталъ говорить языкомъ, къ которому Филиппъ не привыкъ, Македонскій царь отвѣтилъ не безъ достоинства:

«Твои годы, сказалъ онъ, и твои личные преимуще-ства и главнымъ образомъ твое римское имя, за-ставляетъ тебя прибѣгать къ слишкомъ сильнымъ вы-раженіямъ. Я желаю прежде всего, чтобы римляне помнили свой договоръ со мною и поддерживали миръ. Но если они заставятъ меня взяться за оружіе, то я буду въ силахъ доказать, что Македонскій скипетръ и македонское имя не отстанутъ въ военной славѣ отъ Рима.»—(XXXI. 18.)

За исключеніемъ Акарнаніи и Беотіи, всеъ Грече-скія государства или присоединились къ римлянамъ въ войнѣ противъ Филиппа, или оставались нейтраль-ными. Въ 200 году до Р. Х. римское консульское войско перешло изъ Брундузія въ Аполлонію въ Эпирѣ. Оно во многихъ отношеніяхъ отличалось отъ легио-новъ пуническихъ войнъ. Всеъ солдаты были волонте-рами (наборъ вызвалъ слишкомъ громкій ропотъ), кро-

мѣ того при нихъ находилось 1000 нумидійскихъ всадниковъ и слоны, привезенные изъ Карфагена. Война тянулась около двухъ лѣтъ безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ, и наконецъ завершилась блестящей побѣдой, одержанной при Кинокефалахъ надъ Филиппомъ, Титомъ Фламиніемъ, молодымъ римскимъ полководцемъ новой школы, Фламиніи былъ самъ наполовину грекъ по вкусамъ и образованію, но оказался энергическимъ и талантливымъ полководцемъ. Пораженіе было полное и Македонскому владычеству былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Разъ опрокинутыя фаланги превратились въ беспорядочную толпу, которую легко было разсѣять; слоны, уже нѣсколько разъ оказывавшіе римлянамъ большія услуги въ этомъ походѣ, много способствовали успѣху дѣла. Непріятель потерялъ около 13,000 убитыми и плѣнными; между тѣмъ какъ уронъ римлянъ, по свидѣтельству Ливія, не простирался выше 700 чел. Филиппъ былъ принужденъ согласиться на условія, уже ранѣе предложенныя римлянами: отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Азіи, Греціи и по берегамъ Эгейскаго моря и ограничиться однимъ своимъ Македонскимъ царствомъ; далѣе выдать почти весь свой флотъ, заплатить тяжелую контрибуцію и сдѣлаться въ вопросахъ мира и войны почти вассаломъ Рима. Фламиніи прошелъ какъ триумфаторъ черезъ всю Грецію до Коринфа, гдѣ присутствовалъ на великихъ Истмійскихъ играхъ. Ему

хотѣлось произвести здѣсь сильное впечатлѣніе и онъ былъ не прочь порисоваться. Изъ Рима прибыло въ то же время десять пословъ съ ратификаціей мирнаго договора.

«Римляне заняли свои мѣста на играхъ. Тогда герольдъ вмѣстѣ съ трубачемъ, вышли согласно обычаю, на середину арены, гдѣ принято торжественно возвѣщать о началѣ игръ, и когда труба подала знакъ къ молчанію, сказалъ громкимъ голосомъ: «Рим кій сенатъ и народъ и Титъ Квинкій, ихъ полководецъ, побѣдивъ Филиппа и македонянь, объявляетъ свободными и независимыми Коринѣ, Фокею и Локриду; островъ Евбею, жителей Магнезіи и Тессалии, Перривіи и Ахейцевъ Фтіотійскихъ. Всѣ они отнынѣ должны повиноваться лишь собственнымъ законамъ». Герольдъ перечислилъ такимъ образомъ всѣ государства, подвластныя до того времени Филиппу. Радостная вѣсть произвела потрясающее дѣйствіе на все собраніе. Не смѣя вѣрить тому что слышали, люди смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи, какъ будто не могли дать себѣ отчета—сонъ ли это или дѣйствительность. Они спрашивали сосѣдей о тѣхъ мѣстахъ прокламаціи, которая касалась ихъ самихъ, не довѣряя собственнымъ ушамъ. Герольда снова вызвали на арену; каждому хотѣлось не только вновь услышать, но и увидать вѣстника свободы: онъ повторилъ прежнія слова. Когда же всѣ наконецъ убѣдились въ несомнѣнности радостной вѣсти, поднялась цѣлая буря восторженныхъ криковъ и рукоплесканій, повторяясь опять и опять какъ бы въ доказательство, что изъ всѣхъ благъ, народу всего дороже его свобода. Игры были совершены на скоро и кое какъ. Всѣмъ было не донихъ, —одна мысль наполняла умы и никакія

удовольствія не могли привлечь вниманія. По окончаніи игръ, толпа устремила къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ римскій вождь. Греки до того тѣснились вокругъ него, стремясь схватить его руку, осыпать его цвѣтами и листьями, что жизнь его находилась почти въ опасности. Но онъ былъ цвѣтущимъ тридцати трехлѣтнимъ мужчиной и молодость, какъ ровно и чувство удовлетворенной гордости, придали ему силу. Взрывъ народнаго восторга не ограничился минутнымъ проявленіемъ; радость наполняла всѣ сердца много дней кряду и отражалась во всѣхъ мысляхъ и разговорахъ. Былъ же на свѣтѣ такой народъ, который на собственные средства, не щадя трудъ въ и опасностей, рѣшился вести войну за освобожденіе другихъ, при томъ не близкихъ сосѣдей или обитателей одного материка, а народовъ отдѣленныхъ морями. И эти моря онъ перешлылъ, чтобы прекратить несправедливое господство, возстановить во всемъ мірѣ порядокъ, справедливость и законъ. По слову одного герольда всѣ города Греціи и Азіи получили свободу. Мысль о такомъ подвигѣ доказываетъ смѣлый и благородный духъ, осуществленіе ея есть плодъ мужества и благословенія свыше (XXXIII, 32, 33).

Невольно хочется спросить не самъ ли Фламиній составлялъ бюллетени съ театра войны? Но то, что онъ пользовался большою любовью между греками и что самъ былъ большимъ почитателемъ ихъ обычаевъ и образованія не подлежитъ сомнѣнію. Онъ съ самаго начала могъ обезпечить болѣе полную свободу Спартѣ, еслибы избавилъ ее отъ владычества тирана Набиса, который вначалѣ держалъ сторону Филиппа; но теперь Набисъ пользовался расположеніемъ рим-

лянь, рассчитывавшихъ на его содѣйствіе въ ихъ цѣляхъ, и на него смотрѣли сквозь пальцы, пока постоянныя жалобы сосѣдей не заставили сенатъ дать Фламинину право поступить съ нимъ по его личному усмотрѣнію; Фламининъ успѣлъ смирить его; и на Немейскихъ играхъ въ Аргосѣ, на которыхъ присутствовалъ римскій полководецъ, повторилось приблизительно прошлогодняя сцена Истмійскаго перешейка. Освобожденіе Аргоса отъ гнета Набиса, въ руки котораго Филиппъ далъ эту страну съ своекорыстными цѣлями, было торжественно провозглашено герольдомъ и снова народъ присутствовалъ Фламинина какъ своего освободителя. Прощаясь съ Греціей, по истеченіи срока своего продолжительнаго пребыванія въ этой странѣ, онъ отдалъ народу, собравшемуся провожать его въ Коринѣ, отличный совѣтъ, которымъ однако греки не имѣли охоты воспользоваться ни въ то время ни послѣ. Рѣчь свою къ нимъ онъ закончилъ слѣдующими словами.

«Пусть правители и различныя сословія въ каждомъ государствѣ и всѣ государства между собою стремятся къ согласію и единству. Пока они были единодушны, ни цари ни тираны не имѣли власти вредить имъ. Взаимное недовѣріе и разладъ дали удобный случай для бдительныхъ враговъ, такъ какъ при междуусобіяхъ люди скорѣе готовы обратиться къ помощи чужеземцевъ, чѣмъ уступить своимъ соотечественникамъ. Фламининъ убѣждалъ ихъ сохранить и оберегать собственными усилиями свободу, купленную для нихъ чужимъ оружіемъ и возвращенную безкорысті-

емъ иноземцевъ, Пусть римскій народъ видитъ, что возвратилъ свободу людямъ достойнымъ ея, и что его пожертвованія не пропали дарамъ». (XXXIV, 49.)

Греки прощались съ Фламининомъ въ слезахъ, пишетъ нашъ лѣтописецъ, какъ дѣти съ отцомъ, и самъ онъ былъ до такой степени взволнованъ, что едва могъ договорить свою рѣчь до конца. Передъ своимъ отправленіемъ онъ потребовалъ отъ грековъ, въ знакъ благодарности, освобожденія тѣхъ несчастныхъ римлянъ которые были проданы въ рабство въ Грецію во время Пуническихъ войнъ, когда суровый приговоръ соотечественниковъ отказалъ имъ въ выкупѣ¹⁾. Въ одной Азіи ихъ нашлось тысячу двѣсти человѣкъ. Пусть судятъ по этому, замѣчаетъ Ливій, сколько ихъ должно было быть во всей Греціи. Триумфъ Фламинина въ Римѣ продолжался цѣлыхъ три дня. Въ процессіи можно было видѣть художественныя произведенія Греціи, захваченныя преимущественно у Филиппа; золотыя вѣнки, поднесенные освободителю различными государствами, — ихъ было до ста сорока, — далѣе плѣнныхъ князей и заложниковъ изъ знатныхъ семействъ, между которыми были Димитрій, младшій сынъ Филиппа и Арминій, сынъ тирана Набиса; но самымъ торжественнымъ зрѣлищемъ (Ливій очевидно признаеть это) была группа освобожденныхъ римлянъ, которые съ обрѣтыми головами, въ знакъ возвращенной свободы, шли за своимъ освободителемъ къ Капитолійскому холму.

¹⁾ См. стр. 151.

ГЛАВА XI.

РИМЛЯНЕ ВЪ АЗІИ.

(Бн. XXXV—XXXIX. 193—183 до Р. X.)

Македонія была унижена и Римъ могъ свободно обратитъ свое оружіе въ другую сторону. Антіохъ Сирійскій, извѣстный подъ именемъ Великаго, распространилъ съ нѣкотораго времени свои завоеванія по берегамъ Малой Азіи, главнымъ образомъ въ ущербъ признанныхъ владѣній Египетскихъ царей. Между нимъ и Филиппомъ прежде существовало даже положительное соглашеніе о раздѣлѣ Египта. Царствовавшій тогда Птоломей былъ еще ребенкомъ и римляне, имѣя въ виду собственныя интересы, приняли его въ послѣднее время подъ свое покровительство. Еслибы Антіохъ предупредилъ ихъ вмѣшательство, присоединившись къ Филиппу до ослабленія македонскаго могущества, событія могли принять совсѣмъ иной оборотъ; но той или другой причинѣ онъ этого однако не сдѣлалъ. Теперь у него хватило мужества отказать римлянамъ въ ихъ требованіи, чтобы онъ возвратилъ Птоломею свои завоеванія, но не достало силъ под-

держивать отказъ оружіемъ. Отправившись въ Грецію, по приглашенію этолійцевъ, враждебныхъ Риму, онъ нашелъ Македонскаго царя глухимъ къ позднимъ предложеніямъ союза противъ общаго врага; мало того, Филиппъ былъ очевидно намѣренъ держать сторону своихъ новыхъ союзниковъ и повелителей противъ него. Напрасно Антиохъ искалъ убѣжища въ прославленномъ Фермопильскомъ ущельи; онъ былъ разбитъ и при его отступленіи въ Азію за нимъ послѣдовали римляне, «начинавшіе уже распространять свое владычество на весь міръ». Наконецъ при Магнезій, у горы Сицила, Сирійскій царь потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ битвѣ съ Луціемъ Корнеліемъ Сципіономъ прозваннымъ «Азіатскимъ», — первымъ римскимъ полководцемъ, высадившимъ свое войско въ Азію — и долженъ былъ заключить миръ на крайне унижительныхъ условіяхъ. Но собственно говоря, побѣда, рѣшившая судьбу Сиріи, была одержана помощниками Сципіона, между тѣмъ какъ самъ онъ лежалъ больной въ своей палаткѣ. Какъ и въ дѣлѣ при Замѣ, слоны, выставленные сирійцами, у Сицила послужили имъ же во вредъ, опрокинувъ ихъ собственные ряды; потеря непріятели при Магнезій оцѣнена римлянами въ 50,000 человѣкъ.

Война съ Антиохомъ снова приводитъ насъ въ столкновеніе съ героемъ Пуническихъ войнъ. Карфагенская партія, со всѣхъ сторонъ строившая козни противъ

Ганнибала и его политики, дала знать Риму о его сношеніяхъ съ Антіохомъ. Римляне немедленно отправили въ Карфагенъ пословъ съ протестомъ и требованіемъ выдать его. Одинъ только человекъ, къ еще большей славѣ своего имени, возвысилъ въ Сенатѣ голосъ противъ такого образа дѣйствія, — именно Сципіонъ, давнишній врагъ Ганнибала и лучше всѣхъ знавшій ему цѣну. Онъ заявилъ прямо, что «не согласно съ римскимъ достоинствомъ выслушивать навѣты враждебной партіи противъ такого человека.» Ганнибалъ не сталъ однако ждать результата переговоровъ; онъ немедленно бѣжалъ ко двору Антіоха, изъ чего можно заключить, что ходившіе о немъ слухи не были лишены основанія. Онъ былъ принятъ радушно, но не успѣлъ склонить сирійцевъ къ своей энергической политикѣ и заставить ихъ перенести театръ войны въ Италію, вмѣстѣ того чтобы ожидать римлянъ въ Греціи. Антіохъ ввѣрилъ ему начальство надъ флотомъ — назначеніе, къ которому онъ по всей вѣроятности былъ мало способенъ и которое не увѣчалось успѣхомъ.

Въ одномъ мѣстѣ, заимствованномъ нашимъ историкомъ у его предшественника, Клавдія Квадригорія, ¹⁾ (которому онъ впрочемъ вообще мало довѣряетъ), говорится о любопытномъ свиданіи между Ганнибаломъ

¹⁾ Писалъ приблизительно въ 100 г. до Р. Х. Отъ исторіи его сохранились лишь разсѣянные отрывки.

и Сципіономъ Африканскимъ. Послѣдній, по свидѣтельству Клавдія, находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ изъ Рима къ Антиоху. Онъ и Ганнибалъ встрѣтились въ Эфесѣ, гдѣ между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

«Сципіонъ спросилъ Ганнибала, кто по его мнѣнію величайшій полководецъ? «Александръ Македонскій», былъ отвѣтъ, «потому что онъ побѣждалъ громадныя арміи съ небольшимъ войскомъ и прошелъ черезъ отдаленныя страны, о которыхъ никто прежде не имѣлъ понятія.» Сципіонъ захотѣлъ узнать, кто въ мнѣніи Ганнибала занимаетъ второе мѣсто. На его вопросъ тотъ отвѣчалъ: Пирръ; онъ первый научилъ какъ располагать лагерь, и никто не превосходилъ его въ искусствѣ выбирать мѣсто для битвы или передовыхъ постовъ. Кромѣ того онъ такъ умѣлъ пріобрѣтать сердца людей, что народы Италіи предпочли власть чужеземца власти Рима, которой они издавна были подчинены.» Когда Ганнибалъ былъ спрошенъ, кого онъ признаетъ третьимъ по достоинству, то безъ всякаго колебанія сказалъ: «меня самаго». Сципіонъ замѣялся и спросилъ: какого же мнѣнія былъ бы ты о себѣ, еслибы побѣдилъ меня? «Въ такомъ случаѣ» отвѣтилъ Ганнибалъ, «я бы считалъ себя выше Александра, Пирра и всѣхъ другихъ». Пуническое лукавство этого отвѣта и неожиданный оборотъ комплимента польстили Сципіону; Ганнибалъ какъ будто намѣренно исключилъ его изъ числа великихъ полководцевъ, не допуская даже сравненія». (XXXV. 14).

Одинъ пунктъ мирнаго договора съ Антиохомъ ложится пятномъ по римское имя. Именно, римляне потребовали (хотя Ливій и умалчиваетъ объ этомъ),

чтобы Ганнибалъ былъ выданъ своимъ непримиримымъ врагамъ. Но карфагенскому герою удалось бѣжать и укрыться при дворѣ Прусія, Виоинскаго царя. Римская месть послѣдовала за нимъ и сюда, въ лицѣ Фламинина, рѣшившагося во что бы то ни стало избавить Римъ отъ этого врага. Ганнибалъ догадался о вѣроломствѣ пріютившаго его царя, когда тотъ поставилъ у дверей его вооруженныхъ солдатъ.

«Онъ всегда ожидалъ подобнаго конца своей жизни, какъ потому, что зналъ непримиримую ненависть римлянъ къ себѣ, такъ и потому, что вообще мало довѣрялъ царямъ... Онъ потребовалъ у преданнаго раба ядъ, который приготовилъ на случай бѣды. «Освободимъ римлянъ отъ ихъ вѣчной тревоги,» сказалъ онъ; «у нихъ очевидно не хватаетъ терпѣнія дожидаться смерти старика. Побѣда, которую Фламининъ одержитъ надъ безоружнымъ изгнанникомъ, не будетъ на трудной, ни славной. Последнія событія въ самомъ дѣлѣ показываютъ, что духъ римлянъ сильно измѣнился. Когда царь Пирръ, ихъ вооруженный непріятель, расположился лагеремъ въ Италиі, отцы ихъ предупреждали его беречься отравы. Теперешнее же поколѣніе посылаетъ одного изъ своихъ консуларовъ подговорить Прусія къ вѣроломному убійству гостя. Затѣмъ, проклиная Прусія и его царство, и призывая боговъ въ свидѣтели этого нарушенія даннаго слова и всѣхъ законовъ гостепрѣимства, выпилъ ядъ. Таковъ былъ конецъ Ганнибала.» (XXXIX. 52.)

Историкъ, сознательно писавшій хронику римскаго величія, не могъ говорить съ большимъ безпристрастіемъ о поведеніи римлянъ относительно ихъ вели-

каго противника. Ливій, который, не смотря на горячій патриотизмъ, привыкъ отдавать должную дань удивленія всему благородному и великому и презирать все низкое (въ этомъ состоитъ его главная заслуга), долженъ былъ упомянуть объ этомъ поступкѣ своихъ соотечественниковъ. Не извиняя его и не порицая открыто, иначе какъ устами кареагенскаго героя онъ однако спѣшить опустить завѣсу надъ этой темной страницей Римской исторіи.

Въ томъ же году, 183 г. до Р. Х., умеръ въ Римѣ великій противникъ Ганнибала и его побѣдитель, Сципіонъ Африканскій. Противъ семейства Сципіоновъ образовалась съ нѣкотораго времени враждбная партія. Имѣла ли она серьезныя причины и каковы были ея побужденія, рѣшить невозможно безъ полнаго знакомства съ исторіей политическихъ фракцій въ Римѣ; но такъ или иначе Замскій герой былъ обвиненъ въ злоупотребленіяхъ и взяточничествѣ во время командованія войскомъ. Онъ встрѣтилъ это обвиненіе съ негодованіемъ и презрѣніемъ, потребовалъ, говорятъ, свои счетныя книги и разорвалъ ихъ на глазахъ обвинителей.

«Когда его призвали въ судъ для защиты, Сципіонъ проложилъ себѣ дорогу черезъ толпу къ Рострѣ, въ сопровожденіи большаго числа личныхъ друзей и родныхъ. Тотчасъ же водворилось молчаніе. «Трибуны и народъ римскій, сказалъ онъ, сегодня годовщина дня, когда я разбилъ Ганнибала и Кареагенянь въ ожесточенномъ бою. Поэтому сегодня умѣстно оставить

всякія ссоры и личную вражду и идти въ Капитолій для поклоненія Юпитеру, великому и милосердому, Юнонѣ, Минервѣ и всѣмъ божествамъ, охраняющимъ нашу крѣпость. Я иду благодарить ихъ за то, что въ этотъ день и многіе другіе, они дали мнѣ силу и способность служить родинѣ. Пойдете-ли и вы со мною, римляне, просить боговъ посылать вамъ и на будущее время вождей въ родѣ меня? Съ семнадцатаго года моей жизни вы осыпали меня почестями, опережавшими мои заслуги, но съ этого же возраста не было ни одного знака довѣрія съ вашей стороны, котораго я бы не оправдалъ.» Изъ Ростры онъ направился къ Капитолію. Все собраніе мгновенно встало и пошло занимъ. Даже писцы и слѣдователи покинули судей и на форумъ не осталось никого кромѣ толпы рабовъ и глашатая суда, напрасно вызывавшаго защитниковъ. Сципіонъ, въ сопровожденіи народа обошелъ храмы не только на Капитоліѣ, но и во всемъ городѣ. Въ этотъ день популярность его достигла еще высшей степени, и величіе его характера было еще глубже признано римлянами, чѣмъ въ тотъ день, когда онъ триумфаторомъ проѣзжалъ по городу, послѣ побѣды надъ Сифаксомъ и карфагенянами.» (XXXVIII. 52.)

По свидѣтельству Ливія день этотъ былъ однако послѣднимъ счастливымъ днемъ въ жизни Публія Сципіона. Враги не переставали требовать его къ суду, а онъ упорствовалъ въ нежеланіи защищаться. Одинъ изъ трибуновъ, Тиверій Гракхъ, несмотря на личную вражду, энергичнѣе всѣхъ протестовалъ противъ постановленія своихъ собратьевъ объ арестѣ Сципіона.

«Ужели человекъ, покорившій Африку, долженъ быть попираемъ вами? Для того ли онъ побѣдилъ че-

тырехъ лучшихъ Карфагенскихъ полководцевъ и разбилъ четыре арміи въ Испаніи? Для того ли взялъ въ плѣнъ Сифакса, смирилъ Ганнибала, подчинилъ намъ Карфагенъ, отгѣснилъ Антиоха за Тавръ, (его братъ Луцій признаетъ его участникомъ этого славнаго подвига)—чтобы теперь, здѣсь, сдѣлаться жертвой какихъ нибудь двухъ Петиліевъ, желающихъ прославить свое имя оскорбленіемъ Сципіона? Неужели никакія заслуги, никакія почести, данныя вами же, не въ состояніи обезпечить спокойствія частной жизни героя, скажу болѣе, не могутъ сдѣлать ее *священной* въ вашихъ глазахъ? Сѣдины такихъ людей должны были бы внушить вамъ хоть нѣкоторую сдержанность, если вамъ недоступно чувство уваженія.» (XXXVIII. 53).

Даже обвинители Сципіона были, говорятъ, тронуты этой благородной рѣчью, а сенатъ благодарилъ оратора за то, что онъ съумѣлъ пренебречь личной враждой для исполненія долга гражданина. Обвиненіе было оставлено безъ вниманія.

«Съ этихъ поръ перестали говорить о Сципіонѣ Африканскомъ. Онъ провелъ остатокъ дней въ Литернѣ,¹⁾ не сожалея о Римѣ. Рассказываютъ, что, умирая, онъ завѣщалъ похоронить его въ этомъ мѣстѣ и здѣсь же поставить ему памятникъ; онъ не хотѣлъ, чтобы кости его покоились среди неблагодарныхъ соотечественниковъ. Такъ умеръ Сципіонъ, достойный вѣчной славы, но скорѣе за свои доблести на военномъ поприщѣ, чѣмъ въ мирное время.» (XXXVIII. 53.)

Враги семейства Сципіоновъ все еще не могли окон-

¹⁾ Теперь Torre di Patria. Слово patria какъ бы служить подтвержденіемъ разказа, что Сципіонъ называлъ этотъ городъ «отечествомъ» вмѣсто Рима.

чательно успокоиться и стали теперь требовать суда надъ Луціемъ Сципіономъ «Азіатскимъ» братомъ предыдущаго. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Антиохомъ для заключенія мира на болѣе выгодныхъ для сирійцевъ условіяхъ. Луцій, по примѣру брата, отнесся къ этой клеветѣ съ гордымъ презрѣніемъ; тѣмъ не менѣе его признали виновнымъ и конфисковали его имущество для удовлетворенія обвинителей. Мало того, его даже посадили въ тюрьму, но весьма скоро освободили.

Дѣло Сципіоновъ служитъ однимъ изъ многихъ доказательствъ, встрѣчаемыхъ на страницахъ Ливія, что въ это время въ Римѣ начала возникать олигархія богатства, весьма отличная по своему характеру отъ прежняго духа старыхъ патриціевъ. Римъ, послѣдними завоеваніями, не только расширилъ свои предѣлы, но и открылъ поприща, на которомъ полководцы могли удобно обогащать себя и свои семейства. Строгіе и простые нравы, составлявшіе нѣкогда гордость Рима, падали съ каждымъ днемъ; въ Римъ переходила изъ Греціи и Востока страсть къ роскоши и празднои жизни. Пагубное вліяніе имѣлъ, говорятъ, между прочимъ триумфъ Манлія Вульсона въ честь его побѣды надъ Азіатскими галлами, (галло-греками или галатеями) черезъ годъ послѣ низложенія Антиоха. Никогда еще Римъ не видалъ подобной роскоши. Въ процессіи несли 200 золотыхъ вѣнковъ и груды серебра и золота

въ слиткахъ и монетахъ. Вульсонъ бросалъ деньги въ ряды солдатъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ допускалъ грабежи и разбои въ войскѣ во время своего пребыванія на Востокъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ отложилъ на нѣкоторое время свое прошеніе Сенату о назначеніи ему триумфа, изъ страха подвергнуться публичному обвиненію.

«Чужеземная роскошь была занесена въ Римъ войскомъ, вернувшимся изъ Азіи. Тутъ въ первый разъ появились диваны изъ золоченой бронзы, цѣнные ковры, занавѣсы и другія пышныя ткани и, что считалось тогда неизвѣстной роскошью, столы и скамьи изъ слоновой кости. Тогда же вошли въ моду женщины-арфистки и наемные шуты на пирахъ. Самыя пиршества стали гораздо богаче и разнообразнѣе. Поварь, занимавшій прежде послѣднее мѣсто между рабами, началъ играть выдающуюся роль и занятіе, которое нѣкогда считалось низкимъ, стало выгодной профессіей. Но тѣмъ не менѣе роскошь того времени была лишь слабымъ проблескомъ того, что вскорѣ должно было наступить.» (XXXIX, 6).

Одинъ могучій голосъ раздавался однако время отъ времени противъ постепенно усиливавшагося упадка нравовъ. Маркъ Порцій Катонъ, въ качествѣ претора, цензора и консула призывалъ римлянъ вернуться къ прежней простотѣ. Его увѣщанія были напрасны. Къ голосу Катона присоединяется голосъ самаго Ливія, когда дѣло касается отмѣненія Опіанова закона, запрещавшаго излишнюю роскошь между жен-

щинами. ¹⁾ Но, порицая женщинъ за излишество въ одеждѣ и экипажахъ, Ливій не щадитъ и мужчинъ. Женщинамъ онъ говоритъ, что «та, которая начинаетъ стыдиться того, чего стыдиться не слѣдуетъ, вскорѣ перестанетъ стыдиться того, чего слѣдуетъ стыдиться»; мужчинъ же предостерегаетъ противъ «двухъ противоположныхъ пороковъ, овладѣвшимъ Римомъ,—корыстолюбія и расточительности, которые составляютъ гибель каждаго государства». Онъ убѣждаетъ ихъ, что «изъ всѣхъ видовъ ложнаго стыда всего хуже стыдъ, внушаемый простотой и бѣдностью,» и оплакиваетъ день, когда изъ Сиракузъ прибыли художественныя произведенія какъ бы для того, чтобы «затмить глиняныя изображенія римскихъ боговъ»; и день, когда изъ Греціи и Азіи были привезены сокровища, сдѣлавшія его соотечественниковъ «скорѣе плѣнниками чѣмъ побѣдителями.»

Катонъ не безъ основанія возставалъ также и противъ вліянія «иноземныхъ суевѣрій» на женскіе умы. Римскихъ матронъ время отъ времени обвиняли въ колдовствѣ, непозволительныхъ оргіяхъ и даже тайныхъ отравленіяхъ; и хотя подобные рассказы были преувеличены страхомъ, тѣмъ не менѣе (какъ это всегда бываетъ) въ нихъ была и нѣкоторая доля правды. Большое волненіе произвела одна исторія, случившаяся около времени окончанія Латинской вой-

¹⁾ Кн. XXXIV, 2.

ны (335 до Р. Х.), когда въ Римѣ первый разъ судили отравительницъ. ¹⁾ Разсказъ Ливіа напоминаетъ болѣе современныя повѣтствованія о колдовствѣ въ старой и новой Англіи. Сначала было арестовано 20 матронъ по доносу невольницы; онѣ въ свою очередь выдали другихъ и такимъ образомъ 120 женщинъ, виновность которыхъ была будто бы доказана, подверглись смертной казни. Послѣ римскихъ побѣдъ въ Греціи и Азіи страхъ передъ колдовствомъ усилился до неимоверной степени и соразмѣрно его силѣ и карательныя мѣры приняли еще болѣе страшный характеръ. Поклоненіе богинѣ Цибелѣ, со всеми отвратительными обрядами этого культа, было введено по требованію народа въ послѣдніе годы войны съ Ганнибаломъ, на основаніи какого-то пророчества, будто бы найденнаго въ Сивиллиныхъ книгахъ и гласившаго: «когда иноземный врагъ вторгнется въ Италію, то будетъ разбитъ и прогнанъ, если въ Римъ перенесутъ мать всѣхъ боговъ. И дѣйствительно изъ фригійскаго города Пессина перевезли въ Римъ съ надлежащими почестями эту богиню—простой неотесанный камень, «настоящую мать всѣхъ боговъ», по свидѣтельству туземныхъ жрецовъ. Самъ Публий Сципіонъ долженъ былъ отправиться для сопровожденія ея. На берегу ее встрѣтила депутація римскихъ женщинъ знатнаго рода и богиня была поставлена въ храмѣ

¹⁾ Кн. VІІІ, 18

побѣды. Халдейскіе жрецы, поселившіеся около того же времени въ городѣ привлекали легковѣрную толпу, которая постоянно обращалась къ нимъ за совѣтами. Кромѣ того, этрусскіе жрецы перенесли въ Римъ нѣкоторые обряды изъ культа Вакха, дававшіе поводъ къ самымъ безобразнымъ излишествамъ. Мѣры, принятыя римскими властями для истребленія этой язвы изъ народной жизни Рима, конечно нельзя назвать слабыми: 200 женщинъ были обвинены въ отравленіи своихъ мужей; 700 человекъ обоого пола привлечены къ суду и признаны виновными, вѣроятно многіе изъ нихъ заплатились жизнью за участіе въ тайномъ обществѣ самаго неблаговиднаго свойства ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ позже осудили еще 3000 чел. за подобныя же преступленія, и въ числѣ другихъ была казнена жена консула Пизона по обвиненію въ отравленіи мужа. Но въ то же время мы читаемъ, что правительство «обѣщало награду всякому, кто представитъ виновнаго въ судъ, или же укажетъ на его мѣстопробываніе», что паническій страхъ овладѣлъ сенатомъ, что многіе изъ сенаторовъ разбѣжались изъ города, оставивъ дѣла на произволъ судьбы; что многіе изъ обвиненныхъ предпочитали кончить жизнь самоубійствомъ, не дожидаясь суда или же прямо признавали себя виновными при первомъ допросѣ, чтобы сократить про-

¹⁾ 186 до Р. Х. Кн: XXXIX, 17

волочки слѣдствія». Читая исторію подобныхъ со-
бытій, повторявшихся и въ вѣка, которые принято
считать гораздо болѣе просвѣщенными, нельзя не
прійти къ убѣжденію, что въ этомъ случаѣ въ Римѣ
пострадала, вмѣстѣ съ виновными, цѣлая масса невин-
ныхъ людей.

ГЛАВА XII.

ПАДЕНІЕ МАКЕДОНИИ.

(Кн. XXXIX—XLV. 190—167 до Р. Х.)

Филиппъ Македонскій долженъ былъ уступить римскому оружію; но онъ не покорился духомъ и далеко не былъ доволенъ условіями мира; римляне правда ничего не взяли для себя, но у него они отняли почти все. Они освободили мелкія Греческія государства и города, которые столько времени признавали Филиппа своимъ повелителемъ и кромѣ того увеличили владѣнія Пергамскихъ царей, возвысивъ такимъ образомъ и безъ того сильнаго соперника, на котораго Македонія во всѣ времена смотрѣла съ завистью. Въ довершеніе бѣды, Филиппъ находился теперь до извѣстной степени въ положеніи раненаго льва, котораго старается ударить жалкое животное, трепетавшее нѣкогда передъ нимъ. Подвластные ему города тоже отказывались признавать его власть; между нимъ и сосѣдями возникали несогласія и во всѣхъ случаяхъ греки обращались къ Риму, защитнику ихъ свободы. Ливій довольно живо рисуетъ тогдашній порядокъ вещей.

«Съ той минуты, какъ сдѣлалось извѣстнымъ среди различныхъ государствъ, смежныхъ съ Македоніей, что римляне принимаютъ на себя разбирательство ихъ дѣлъ съ Филиппомъ, у многихъ изъ нихъ тотчасъ же нашлись причины для жалобъ. Каждый городъ, каждое племя и даже частныя лица въ своихъ личныхъ дѣлахъ всё они считали сосѣдство Македоніи опаснымъ, отправлялись въ Римъ въ надеждѣ найти покровительство, или по крайней мѣрѣ встрѣтить сочувствіе.» (XXXIX. 46.)

Легко вообразить, на сколько невыносимъ былъ такой порядокъ вещей для царя съ характеромъ Филиппа, занимавшаго еще такъ недавно совсѣмъ иное положеніе. Время отъ времени появлялись въ Греческихъ провинціяхъ римскія комиссіи, выслушивая жалобы и дѣлая разспросы; такое вмѣшательство, даже въ случаѣ крайней добросовѣстности членовъ этихъ комиссій, должно было сильно оскорблять Македонскаго царя. Въ Фессалійскомъ городѣ Темпѣ заседала напр. такая комиссія и туда стекались депутаты различныхъ обществъ съ различными жалобами, являясь въ роли обвинителей, между тѣмъ какъ Филиппъ сидѣлъ «подобно подсудимому» передъ представителями великаго Рима. Впрочемъ, споръ съ фессалійцами, при всей его важности для обѣихъ сторонъ, мало интересенъ для насъ; скажемъ только, что хотя римская комиссія и отложила рѣшеніе дѣла, Филиппъ вынесъ убѣжденіе, что недобьется справедливости отъ этихъ судей и что римляне твердо рѣши-

ли окончательно низвергнуть его. Планъ будущихъ дѣйствій твердо составился въ его головѣ и онъ сталъ приготовляться втайнѣ; но, желая выиграть время, поручилъ своему сыну Димитрію поддерживать до поры добрыя отношенія съ Римомъ. Этотъ Димитрій, если мы припомнимъ, былъ отданъ отцомъ римлянамъ въ качествѣ заложника и послѣ участія въ триумфальномъ шествіи Фламинина, жилъ нѣкоторое время въ городѣ пользуясь съ виду полной свободой. Онъ счумѣлъ снискать уваженіе римлянъ можетъ быть тѣмъ, что усвоилъ себѣ нѣкоторые изъ ихъ вкусовъ и привычекъ. Во всякомъ случаѣ сенатъ относился къ нему съ уваженіемъ, увѣрялъ его въ своемъ желаніи оказывать всѣмъ должную справедливость и просилъ увѣрить отца, что всѣ «споры между нимъ и Римомъ могутъ считаться оконченными, благодаря заслугамъ сына».

Такое отношеніе къ нему послужило причиной гибели для молодого князя. Старшій братъ его Персей, найдя, что популярность Димитрія превышаетъ его собственную, оклеветалъ его передъ отцомъ, какъ римлянина въ душѣ и измѣнника интересамъ Филиппа. «Римляне очевидно намѣревались отдать престолъ своему любимцу, говорилъ онъ, неужели Македонія приметъ царя изъ рукъ враговъ?» Онъ даже обвинилъ Димитрія въ замыслахъ противъ жизни отца. Филиппъ слишкомъ легко повѣрилъ этой клеветѣ и приказалъ умер-

твить Димитрія. Съ этихъ поръ онъ не зналъ покоя и умеръ два года спустя—главнымъ образомъ, какъ полагаетъ Ливій, отъ горя о потерѣ сына и раскаяніи въ своей жестокости. Невинность Димитрія обнаружилась, когда уже было слишкомъ поздно.

«Сѣмена новой войны съ Римомъ были посѣяны Филиппомъ», по выраженію Ливія. Плоды созрѣли въ царствованіе его преемника, отличавшагося большой энергіей, но не имѣвшаго талантовъ отца. Римскій сенатъ призналъ его царемъ и «добрымъ другомъ» съ дипломатической вѣжливостью, но съ самаго начала смотрѣлъ на него съ недовѣріемъ. Персей воспользовался первымъ случаемъ для открытія тайныхъ переговоровъ съ кареагенянами старинными врагами Рима; ходили слухи о какомъ-то таинственномъ посольствѣ (Ливій посвящаетъ ему всего двѣ строки, и это заставляетъ думать, что сущность посольства осталась неизвѣстной), принятомъ Кареагенскимъ сенатомъ ночью въ Храмѣ Эскулапа; но оно очевидно осталось безъ результата. Онъ старался кромѣ того приобрѣсти расположеніе различныхъ Греческихъ государствъ и сдѣлалъ смотръ Македонскому войску въ сосѣдствѣ Дельфовъ, мѣсто вокругъ котораго сосредоточивались религіозныя преданія народа. Римъ съ своей стороны возобновилъ союзъ съ Птолемеемъ Египетскимъ и получилъ изъявленія доброжелательства и извиненіе по поводу неуплаты дани отъ Антіоха Сирійскаго, прозваннаго «Блестательнымъ», сы-

на Антиоха Великаго. Онъ былъ также взятъ въ Римъ въ качествѣ заложника и проникся уваженіемъ къ характеру, или по крайней мѣрѣ могуществу римлянъ; теперь онъ былъ радъ стать на сторону болѣе сильнаго въ видѣ предстоящаго столкновенія. Евменей Пергамскій лично прибылъ въ Римъ и предупредилъ сенатъ о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Македоніей, о хлѣбѣ, деньгахъ и наемномъ войскѣ, собираемыхъ Персеемъ. Евменей намекнулъ даже на возможное вторженіе въ Италію. Персей имѣлъ своихъ пословъ въ Римѣ и историкъ съ умысломъ или случайно приписываетъ одному изъ нихъ отвѣтъ, показывающій, что Македонскій царь умѣлъ держать себя съ достоинствомъ.

«Мой повелитель, сказалъ посоль, желаетъ, чтобы римляне повѣрили его оправданіямъ противъ возводимой на него клеветы и убѣдились, что онъ не обнаруживалъ враждебныхъ отношеній къ нимъ, ни дѣломъ ни словомъ. Но если онъ увидитъ, что они сами ищутъ предлога къ войнѣ, то счумѣетъ постоять за себя. Война открытая игра для всѣхъ и результатовъ обращенія къ оружію никто не можетъ предсказать. (кн. XLII, 14).

Въ такомъ отвѣтѣ могущественному непріятелю нельзя не признать нѣкотораго величія; но если сказаніе лѣтописи вѣрно, то молодой царь обнаруживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достойную варвара склонность къ политическимъ убійствамъ. Онъ подослалъ убійць, которые должны были умертвить Евменей во время жертвоприношенія въ Дельфахъ. Сверхъ того онъ дѣ-

далъ попытку отравить римскаго посла въ Греціи, въ его жилищѣ и открытіе этого умысла, дѣйствительнаго или вымышленнаго, вывело наконецъ Римъ изъ терпѣнія. Въ Македонію были отправлены послы требовать удовлетворенія, но Персей принялъ ихъ свысока, позволилъ себѣ даже нѣкоторыя крупныя выраженія и далъ имъ уѣхать, не выполнивъ въ данномъ случаѣ обычныхъ условій гостепрѣимства. Война была рѣшена и приготовленія къ ней соответствовали важности предстоящей борьбы. Средства Македоніи были въ это время по крайней мѣрѣ вдвое больше чѣмъ при Филиппѣ. Третья Македонская война, какъ ее обыкновенно называютъ, не имѣла ожидаемой исторической важности. Еслибы Персея поддержали, какъ онъ надѣялся, Азіатскіе цари и Греческія государства, римляне были бы отброшены назадъ въ Италію. Но даже брачный союзъ между царственными особами.— Персей отдалъ свою сестру въ жены Прусію, а самъ женился на дочери Селевка-Сирійскаго—не далъ ожидаемыхъ имъ результатовъ. Прусій, вѣроломный царь, согласившійся на убійство Ганнибала, не трогался съ мѣста, выжидая, какой оборотъ примутъ событія; Селевкъ умеръ, а его братъ и наслѣдникъ, Антиохъ Сирійскій, заботился о своихъ интересахъ и думалъ только о томъ, какъ бы завладѣть Египтомъ, когда римляне будутъ заняты войной съ Персеемъ.

Итакъ Персей выступалъ почти одинъ противъ Рима.

Котисъ, царь Одризовъ и правитель восточной Фракіи, далъ ему свою конницу, лучшую, въ то время, и она дѣйствительно оказала ему громадныя услуги; но за исключеніемъ этого войска и небольшого Иллирійскаго корпуса, Македоніи пришлось вынести борьбу на собственныхъ плечахъ.

Ливій упоминаетъ о нѣсколькихъ замѣчательныхъ случаяхъ при наборѣ римскихъ солдатъ для этой войны. Весьма знаменательно его, повидимому случайное, замѣчаніе, что много заслуженныхъ сотниковъ и старыхъ солдатъ пошли добровольно на службу, потому что видѣли, какъ люди, служившіе въ прежнюю войну противъ Македоніи и Сиріи, *вернулись домой богатыми*. Слѣдовательно римскіе легіоны начали уже служить не изъ одного патріотизма или желанія славы. Иные протестовали противъ призыва на службу позже извѣстнаго возраста; кромѣ того они ссылались на права — которыя имѣли въ силу закона, утвержденнаго въ Самнитскую войну, но, подобно многимъ другимъ, не примѣнявшемуся къ дѣлу — не служить въ низшихъ должностяхъ послѣ того какъ занимали высшія въ прежнихъ походахъ. Тяжелая доля римскаго солдата ярко изображена въ рѣчи одного пожилаго офицера, Спурія Лигустина. Рѣчь эта знакомитъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ домашней жизнью Рима, которой Ливій, къ сожалѣнію, посвящаетъ мало мѣста въ своей лѣтописи. Обыденныя событія въ рассказѣ стараго

война интереснаѣ для насъ интригъ грековъ и азіатцевъ, или мелкихъ войнъ Рима съ различными испанскими и галльскими племенами — войнъ, о которыхъ говорится такъ много въ послѣднихъ главахъ Ливія. Ветеранъ Спурій принадлежалъ къ Сабинскому племени, служившему всегда надежнымъ оплотомъ Римской республики.

«Я сабинецъ изъ Крустумина. Отецъ оставилъ мнѣ нѣсколько десятинъ земли и домъ, въ которомъ я родился, выросъ и живу до сихъ поръ. Когда я пришелъ въ возрастъ, отецъ далъ мнѣ въ жены дочь своего брата, которая не принесла мнѣ другаго приданого кромѣ свободнаго рожденія, скромности и плодородія. Я имѣлъ отъ нея шесть сыновей и двухъ дочерей; онѣ теперь обѣ замужемъ. Четверо изъ сыновей достигли зрѣлаго возраста; двое еще отроки. Въ первый разъ я поступилъ на службу 29 лѣтъ тому назадъ. Служилъ два года волонтеромъ въ войнѣ противъ Филиппа и состоялъ въ первомъ отрядѣ высадившемся въ Македоніи. На третьемъ году службы Квинкій Фламиній поручилъ мнѣ командованіе десятой ротой Гастатовъ въ награду за храбрость. Когда мы разбили Филиппа и македонянъ и вернулись домой, я снова поступилъ волонтеромъ на службу и вмѣстѣ съ Маркомъ Порціемъ (Катономъ) отправился въ Испанію. Всякій знаетъ, что ни одинъ полководецъ въ свѣтѣ не былъ лучшимъ судьей и цѣнителемъ достоинствъ солдата. Это подтвердитъ всякій, кто служилъ подъ начальствомъ его и другихъ генераловъ. Онъ ввѣрилъ мнѣ первую роту Гастатовъ. Въ третій разъ я поступилъ волонтеромъ въ войско, посланное противъ Антиоха и этолійцевъ и получилъ

начальство надъ первой ротой принциповъ. ¹⁾ Антиохъ былъ разбитъ, мы покорили этолийцевъ и насъ привезли обратно въ Италію. Затѣмъ я прослужилъ еще два года по очередному набору. Позже я участвовалъ еще въ двухъ походахъ въ Испаніи. Домой вернулся я по выбору Флакка, взявшаго съ собою храбрѣйшихъ воиновъ для участія въ его триумфѣ. Потомъ, по требованію претора Гракха отправился вмѣстѣ съ нимъ въ его провинцію. Въ теченіе немногихъ лѣтъ я былъ четыре раза начальникомъ полка, и тридцать четыре раза получилъ награды за храбрость отъ разныхъ полководцевъ; кромѣ того я заслужилъ шесть вѣнковъ за спасеніе жизни товарищей. Всего на все я пробылъ на службѣ двадцать два года въ дѣйствующей арміи и теперь мнѣ болѣе 50. Консулъ и граждане, еслибы я не выслужилъ полного срока и еслибы мои лѣта не освобождали меня отъ воинской повинности, я бы все таки имѣлъ полное право требовать увольненія, потому что даю вамъ четырехъ воиновъ вмѣсто одного. Но я не это имѣлъ въ виду; мнѣ только хотѣлось убѣдить васъ въ справедливости моего заявленія. Лично я отказываться не стану, пока люди, которымъ ввѣренъ наборъ, найдутъ меня способнымъ къ военной службѣ. Пусть начальники укажутъ мнѣ мѣсто по своему усмотрѣнію; это ихъ дѣло, я же буду только стараться, чтобы никто изъ поставленныхъ выше не превосходилъ меня въ вѣрности своему долгу. Этому правила я всегда держался, какъ могутъ засвидѣтельствовать мои бывшіе начальники» (XLII, 34).

Спурій закончилъ свою рѣчь просьбой къ товарищамъ-солдатамъ, не настаивать на своихъ правахъ и

¹⁾ Постепенные чины въ войскѣ; начальникъ принциповъ былъ главнымъ сотникомъ.

поступать на службу, не теряя времени. Его позвали въ сенатъ, гдѣ ему была выражена благодарность отъ лица римскихъ гражданъ и ввѣрено командованіе полкомъ.

Персей обнаруживалъ, говорятъ, большое удивленіе, истинное или притворное—неизвѣстно, при видѣ дѣятельныхъ приготовленій римлянъ. Онъ отправилъ въ Римъ пословъ съ предложеніемъ удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ жалобъ. Сенатъ высокоумѣнно отвѣчалъ, что консулъ Лициній отправляется въ скоромъ времени въ Македонію съ войскомъ, и что тогда царь будетъ имѣть случай съ нимъ объясниться. Первый сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ къ примиренію, но добился лишь того, что посламъ его было приказано покинуть Римъ немедленно, а Италію не позже тридцати дней.

Война продолжалась четыре года. Въ первую кампанію римляне имѣли въ консулѣ Лициніѣ бездарнаго полководца; кромѣ того превосходная Фракійская конница, съ ея стремительнымъ напоромъ, была непреодолима. Римляне потерпѣли поражение въ большой битвѣ и Персей воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить имъ миръ на условіяхъ прежняго договора съ Филиппомъ. Но римляне имѣли достоинство, или недостатокъ, никогда не признавать себя побѣжденными; они отказались выслушать предложенія Персея и вновь открыли военныя дѣйствія. Война про-

должалась такимъ образомъ еще долго — со стороны Рима при болѣе или менѣе бездарныхъ полководцахъ, пока наконецъ, въ 168 г. до Р. Х., не былъ вторично избранъ консуломъ Павелъ Эмилий, сынъ героя, погибшаго подъ Каннами. Хотя ему было тогда болѣе 60 лѣтъ отъ роду, онъ отличался здоровьемъ и энергіею, умѣніемъ держать солдатъ въ порядкѣ, большими военными талантами и замѣчательною личною храбростью. Онъ покончилъ войну въ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшительной побѣдой при городѣ Пиднѣ. Описание этой битвы и роли, которую игралъ въ ней заслуженный воинъ, принадлежитъ по несчастью къ искаженнымъ мѣстамъ этой неполной Декады; тутъ видна рука другаго, позднѣйшаго и несравненно менѣе талантливаго писателя. Когда консулъ замѣтилъ, что авангардъ гнется подъ первымъ натискомъ Македонской фаланги, «онъ разорвалъ свой плащъ отъ негодованія» и бросился впередъ. Видъ храбраго старика, кинувшагося въ самый пылъ сраженія, и рисковавшаго своею жизнью наравнѣ съ послѣднимъ офицеромъ, возвратилъ солдатъ къ чувству долга. Съ обѣихъ сторонъ завязался отчаянный бой, фаланги были пробиты и римляне одержали верхъ. Одного часа было довольно, чтобы рѣшить участь Македоніи. 20,000 македонянъ осталось на полѣ битвы (Ливій хочетъ заставить насъ вѣрить, что римляне потеряли въ то же время не болѣе 100 человекъ); 11,000 чел., было захвачено въ

плѣнъ. Фракійская и Македонская конницы покинули поле можно сказать безъ боя; Царь, говорятъ, первый бѣжалъ въ Амфиполь вмѣстѣ съ нею. Два дня спустя, вся Македонія была у ногъ римлянъ. Римляне преслѣдовали Персея до Самофракіи и здѣсь взяли въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями онъ долженъ былъ идти впереди побѣдной колесницы во время триумфа консула Эмилиа въ Римѣ.

«Не одинъ Персей представлялъ примѣръ превратности человѣческаго счастья, когда шелъ въ цѣпяхъ впереди колесницы своего побѣдителя по улицамъ вражескаго города. Самъ побѣдитель, Эмилий, во всей своей славѣ, не былъ счастливѣе его. Изъ двухъ сыновей, оставленныхъ имъ дома, единственныхъ наслѣдниковъ его имени и богатства, младшій, которому было двѣнадцать лѣтъ, умеръ за пять дней до триумфа; а старшій, четырнадцати лѣтъ—четыре дня спустя.

Такъ погибла безвременно двое юношей, которые быть можетъ мечтали о томъ, какъ будутъ сидѣть въ отцовской колесницѣ въ праздничной одеждѣ, предвкушая въ будущемъ подобныя же почести для самихъ себя» (XLV, 40).

Павелъ Эмилий, въ рѣчи, произнесенной нѣсколько дней спустя, трогательно намекаетъ на эту утрату, приписывая ее зависти боговъ, которые по римскимъ и греческимъ понятіямъ, не могли выносить избытка счастья въ человѣкѣ.

«Я надѣюсь, что Римъ будетъ искупленъ и сохраненъ отъ бѣдъ моей великой печалью, такъ какъ смерть похитила обоихъ моихъ сыновей, — одного передъ

тріумфомъ, а другаго послѣ. Правда, плѣнный Персей видѣлъ своихъ сыновей въ цѣпяхъ, но все же онъ видѣлъ ихъ живыми. Я же, прославившійся надъ нимъ, ѣхалъ на тріумфъ съ похоронъ одного сына и долженъ былъ въ той же колесницѣ вернуться съ Капитолія къ смертному одру другаго. Изъ многихъ дѣтей моихъ не осталось теперь ни одного, чтобы наслѣдовать имя Павла Эмилиа» (XLV, 41).

Несчастный преемникъ Александра Великаго умеръ въ изгнаніи въ Альбѣ и Македонія сдѣлалась подъ конецъ Римской провинціей. Но здѣсь кончается для насъ лѣтопись Ливія; остальные книги его утрачены. Впрочемъ, этотъ случайный перерывъ не составляетъ пробѣла въ исторіи, потому что Полибій считаетъ битву при Пиднѣ началомъ всемірнаго владычества Рима.

ГЛАВА XIII.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Предѣлы этой книжки не позволяютъ входить въ разборъ исторической истины событій, рассказанныхъ въ обширномъ сочиненіи Ливія. Наибольше ученые и точные изслѣдователи не могли до сихъ поръ прійти къ соглашенію въ оцѣнкѣ этого писателя какъ историческаго авторитета. Между замѣчаніемъ Маколея, что ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ лѣтописцевъ не обнаруживалъ болѣе полнаго равнодушія къ правдѣ, и рыцарской защитой д-ра Дайера ¹⁾ достаточно мѣста для всевозможныхъ ступеней довѣрія и сомнѣнія. Главной цѣлью Ливія было, какъ мы уже говорили, прославленіе величія его родины; сверхъ того, онъ конечно имѣлъ въ виду, прелестью своего разказа очаровать образованный кругъ читателей при дворѣ Августа. Если для удовлетворенія этихъ цѣлей, онъ иногда уклонялся отъ истины, это можно скорѣе назвать погрѣшностью художника, нежели историка. Такимъ образомъ уклоняется отъ истины живописецъ, кото-

¹⁾ A Plea for Livy.

рый ставить или сносить дерево на первомъ планѣ своей картины, для большаго эффе́кта, или идеализируетъ въ портретѣ обыденныя черты оригинала.

Ливію недоставало много качествъ, которыя мы теперь считаемъ необходимыми для историка. Онъ писалъ о войнѣ, не имѣя понятія о военномъ искусствѣ; о политической исторіи страны, не будучи вовсе посвященъ въ нее; о древностяхъ передавалъ только слухи; многихъ же предметовъ, которые мы считаемъ теперь существенной частью исторіи, — искусства, литературы, домашняго быта — онъ не касался вовсе. Географіи онъ совсѣмъ не зналъ и единственнымъ оправданіемъ ему служить то, что онъ въ этомъ откровенно сознавался. Ему бы слѣдовало бы напр., знать кое что объ Альпахъ и выяснить все еще спорный вопросъ о пути Ганнибала въ Италію; но онъ этого не дѣлаетъ и такой пробѣлъ повидимому ни мало не заботить его. Слѣдить за нимъ въ описаніи какого бы то нибыло похода нѣтъ возможности. Единственная попытка географическаго описанія у Ливія относится по странной случайности къ Англій. Описаніе это было помещено въ одной изъ потерянныхъ книгъ; и если принять въ расчетъ сбивчивость его географическихъ замѣтокъ вообще, то едвали придется жалѣть объ этой утратѣ. Гиббонъ почти защищаетъ этотъ недостатокъ въ Ливіѣ, какъ военномъ историкѣ, замѣчая, что <онъ былъ литераторомъ, писавшемъ въ пы-

ли своего кабинета.» Было бы однако большою ошибкою воображать себя Ливія, разбирающимъ старыя рукописи и хартіи или перелистывающимъ сотни томовъ съ цѣлью провѣрить какойнибудь годъ или событіе. Повидимому, онъ, не долго думая, выбиралъ между разказами какойнибудь полдюжины авторовъ, большаго числа у него вѣроятно въ рукахъ не было, и останавливался на описаніи — въ этомъ онъ признается самъ — которое казалось ему всего живописнѣе или удобнѣе для цѣли; затѣмъ на этихъ данныхъ онъ строилъ свой живой и увлекательный разказъ.

Не смотря однако на отсутствіе критики и точнаго изслѣдованія, столь необходимыхъ для историка, и не смотря на то, что Ливія въ отношеніи фактовъ, которые не соответствовали его цѣли, — прославленія Рима, руководился правиломъ «тѣмъ хуже для фактовъ» онъ, по справедливому замѣчанію Тэна *), сдѣлалъ для Римской исторіи болѣе, чѣмъ всѣ люди, старавшіеся исправить его ошибки. Впечатлѣніе, которое онъ оставляетъ въ насъ о величіи Рима и путяхъ, которыми оно было достигнуто, какъ нельзя болѣе вѣрно. Разказъ его нисколько не теряетъ, напротивъ иногда даже выигрываетъ отъ его горячаго патріотизма. Нельзя не извинять его, когда онъ приписываетъ карфагенянамъ, грекамъ и азіатамъ, коварство, вѣролом-

*) Taine, Essai sur Tite Live p. 179.

ство и самохвалство, выставя эти пороки ненавистными римской природѣ. Если эти пороки и не были неизвѣстны между римлянами, Ливій по крайней мѣрѣ не признаетъ ихъ отъ лица римлянъ. Много говорили объ его несправедливости относительно Ганнибала. Но во первыхъ, онъ далеко не такъ несправедливъ какъ римскіе поэты, во вторыхъ въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ принимать въ расчетъ чувство, съ которымъ патріотъ-историкъ или поэтъ должны смотрѣть на непріятеля вторгнувшагося въ его отечество. Оставляя въ сторонѣ болѣе современные примѣры, вспомнимъ, что іезуиты въ Италіи изображали Сэра Франсиса Дрека получеловѣкомъ и полудіаволомъ, а остальную часть англійскаго народа чѣмъ то въ родѣ чертей. Припомнимъ также, какъ англійскіе и русскіе писатели того времени отзывались о Наполеонѣ I. Наконецъ впечатлѣніе, которое оставляетъ по себѣ Ганнибалъ на страницахъ Ливія, сводится къ тому, что это былъ величайшій полководецъ своего времени, соединявшій въ себѣ всѣ качества римскихъ полководцевъ и даже превосходившій ихъ, несмотря на то, что многіе были замѣчательные люди. Сознательно или безсознательно—потому ли, что удивленіе къ великому человѣку пересилило національное предубѣжденіе, или что инстинктъ художника избралъ этотъ величественный образъ своимъ идеаломъ—но только героемъ разсказа Ливія все таки является великій карфагенявинъ.

И дѣйствительно Ливій художникъ гораздо болѣе чѣмъ историкъ. Подъ историкомъ мы понимаемъ терпѣливаго изслѣдователя событій и обстоятельствъ, а Ливій былъ весьма далеко отъ этого типа. Въ немъ преобладаютъ дарованія поэта, романиста, драматурга и эти то стороны придали его страницамъ живой интересъ, не ослабѣвающій даже тамъ, гдѣ мы перестаемъ безусловно довѣрять исторической правдѣ повѣствованія. Но всего болѣе увлекаетъ онъ читателя своимъ краснорѣчіемъ—качествомъ, которое римляне, подобно афинянамъ, въ справедливой гордости своей цивилизаціей, цѣнили выше всѣхъ другихъ дарованій и которое ни въ какомъ случаѣ не утратило своего значенія и въ наши дни.

КОНЕЦЪ.

L

MS
24

21 June 1943

2011123401